

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 1 (108) январь – март 2022 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 1 (108) January – March 2022

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Панченко В.Я.

**Российский фонд фундаментальных исследований:
30 лет поддержки науки 9**

Поздравления к 30-летию РФФИ 13

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Деревянко А.П., Козликин М.Б., Шуньков М.В.

Развитие культуры денисовского человека на Алтае 25

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В.

Пазырыкская культура в XXI веке: открытия и гипотезы 35

ЭКОНОМИКА

Халишхова Л.З., Гучапшева И.Р., Темрокова А.Х.

Зарубежный опыт функционирования сельскохозяйственных систем,
базирующихся на принципах устойчивого развития 47

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Матвеев А.Г.

Смежные права в цифровой экономике 63

Крапошина Н.В., Бондарь Л.Д.

Персональный состав Академии наук XVIII – первой трети XX в. в документальных
источниках Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук 71

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Долгушин Д.В.

Исторические таблицы В.А. Жуковского 89

Тетерина Н.И., Александрова В.А.

Неопубликованное наследие Б.В. Асафьева о М.П. Мусоргском 104

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Курносова С.А., Забелина Е.В., Трушина И.А., Щукина К.Е.

Модель экономического поведения коренных малочисленных народов Севера
в условиях глобализации 115

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Баранова С.И., Беляев Л.А.

Пётр Великий и дворец в Коломенском: архивы, музеи, археология 127

МИР КНИГИ РФФИ**Корзун В.П., Метель О.В. —**

Рецензия на книгу: Киселёв М.А. «Регулярное» государство Петра I в сталинской России: судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб.: Нестор-История, 2020. — 432 с.: ил. 145

Романова Е.В. —

Рецензия на книгу: Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021. — 864 с. 149

Быстрова И.В. —

Рецензия на книгу: Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1945–1964 гг. М.: Кучково поле, 2020. — 320 с. 153

Юшкова О.А. —

Рецензия на книгу: Сидорина Е.В. Казимир Малевич и его пророчество о «новом бытии». М.: БуксМАрт, 2021. — 640 с.: ил. 156

CONTENTS

Panchenko V.Ya.

**Russian Foundation for Basic Research:
30 Years of Funding the Science** 9

Congratulations on the 30th Anniversary of the RFBR 13

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Derevyanko A.P., Kozlikin M.B., Shunkov M.V.
Development of Denisovan Culture in Altai 25

Polosmak N.V., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V.
Pazyryk Culture in the 21st Century: Discoveries and Hypotheses..... 35

ECONOMICS

Khalishkhova L.Z., Guchapsheva I.R., Temroкова A.Kh.
International Experience of Sustainable Farming Systems Operation 47

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Matveev A.G.
Related Rights in the Digital Economy 63

Kraposhina N.V., Bondar L.D.
Members of the Academy of Sciences from the 18th to the First Third of the 20th
Century in the Sources of St. Petersburg Archive of the Russian Academy of Sciences 71

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Dolgushin D.V.
Historical Tables by Vasily Zhukovsky 89

Teterina N.I., Aleksandrova V.A.
Boris Asafyev's Unpublished Legacy of Modest Mussorgsky 104

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Kurnosova S.A., Zabelina E.V., Trushina I.A., Shchukina K.E.
The Model of Economic Behavior of Indigenous Minorities of the North
in the Context of Globalization 115

FIELD RESEARCH

Baranova S.I., Belyaev L.A.
Peter the Great and Kolomenskoye Palace: Archives, Museums, Archaeology 127

THE RFBR BOOK WORLD

Korzun V.P., Metel O.V. —

Review on book: M.A. Kiselyov, "Regular" State of Peter the Great in Stalin's Russia: the Fate of Law Historians in the Light of Scientific and Ideological Battles of the Soviet Period, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020 — 432 p., ill. 145

Romanova E.V. —

Review on book: I.E. Magadeev, In the shadow of the First World War: Dilemmas of the European Security in the 1920s., Moscow: Aspect Press, 2021 — 864 p. 149

Bystrova I.V. —

Review on book: M.Y. Mukhin, Aviation Industry of the USSR in 1945–1964, Moscow: Kuchkovo pole, 2020 — 320 p. 153

Yushkova O.A. —

Review on book: E.V. Sidorina, Kazimir Malevich and his prophecy of a new being, Moscow: BookSMart, 2021 — 640 p., ill. 156

*В.Я. Панченко,
академик РАН,
председатель Совета
Российского фонда
фундаментальных
исследований*

Российский фонд фундаментальных исследований: 30 лет поддержки науки

Настоящий выпуск журнала совпал с 30-летием Российского фонда фундаментальных исследований.

Деятельность впервые созданного в стране государственного научного фонда, финансирование научных исследований на грантовой основе обеспечили спасение фундаментальной науки во времена политического и финансового кризиса, когда происходил массовый отток учёных из страны и из научных организаций, в первую очередь специалистов, занимающихся фундаментальными исследованиями.

За 30 лет своей деятельности **Фонд поддержал около 200 тысяч научных проектов**, исследования по которым выполняли более 400 тысяч российских учёных. В рамках выполнения этих проектов **опубликовано свыше 500 тысяч научных статей**; профинансировано проведение симпозиумов, конференций, семинаров и других научных мероприятий, экспедиций и полевых исследований; **издано более 12 тысяч научных книг**. Все издаваемые при поддержке Фонда научные труды ежегодно бесплатно поступают более чем в 200 ведущих российских библиотек и университетов.

Столь разнообразные и хорошо структурированные данные о российской науке и её кадровом потенциале являются мощной информационной основой для получения различного рода статистических зависимостей, характеристик и распределений, что стало возможным благодаря Комплексной информационно-аналитической системе РФФИ (КИАС РФФИ). Использование этих данных и показателей позволяет осуществлять регулярный и достаточно

надёжный **мониторинг российской науки**, готовить исходную информацию для формирования федеральных целевых программ.

Накопленный многолетний опыт конкурсной деятельности позволил Фонду предложить новый тип конкурсных программ, которые создают российским учёным условия для реализации проектов фундаментальных научных исследований по актуальным **междисциплинарным темам**, требующим участия различных организаций и междисциплинарного взаимодействия в соответствии с современными мировыми тенденциями конвергенции естественных и социогуманитарных наук, в целях получения фундаментальных научных результатов, которые могут быть использованы для решения практических задач, стоящих перед обществом, повышения конкурентоспособности России в мировой экономике и увеличения её инвестиционной привлекательности.

Используя предложенные схемы поддержки междисциплинарных исследований, Фонд оперативно откликался на запросы общества. Так, изучению и формированию прочной, надёжной защиты от новых инфекций посвящены конкурсы по таким темам, как фундаментальные проблемы современной вирусологии; скрининг и разработка противовирусных препаратов широкого спектра действия; увеличение жизнестойкости обществ и укрепление международного сотрудничества по любым пандемиям и противодействию распространению **коронавирусных эпидемий**.

Проводились конкурсы по **темам, связанным с переходом к цифровым технологиям, интеллектуальным технологиям, роботизированным системам, аддитивным технологиям**, в частности по направлениям «Информационные технологии для анализа больших массивов данных в задачах превентивной и персонализированной медицины», «Фундаментальные основы интеллектуального анализа больших цифровых видеоданных», «Фундаментальное научное обеспечение процессов цифровизации общего образования».

Развитию культурных инициатив и сохранению исторического наследия страны посвящены конкурсы проектов «Комплексные исследования культуры и языка как основы формирования российского общества», «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд», «Источники и методы в изучении наследия Ф.М. Достоевского в русской и мировой культуре», «История Евразии в материальных памятниках древности: традиции и современные подходы в археологических исследованиях», «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи», «Теология».

В целях проведения совместных исследований с учёными зарубежных стран РФФИ проводит **международные конкурсы**. Свою работу Фонд строит

с учётом принципов и подходов, жизнеспособность которых подтверждена результатами более чем 25-летнего международного сотрудничества.

Первоначальный **вектор международного сотрудничества** Фонда был направлен на расширение географии и вовлечение большего числа учёных в международную кооперацию. С середины 2000-х годов принцип совместной поддержки начал «сдвигаться» в сторону целевых исследований междисциплинарного характера при паритетном финансировании.

Фонд активно расширяет масштабы своего международного сотрудничества. Важным прорывом на этом стратегическом направлении стало проведение в Москве седьмого саммита **Глобального исследовательского совета, который объединяет более 80 национальных научных фондов**. Саммит собрал рекордное число участников — около 160 представителей поддерживающих исследования фондов из более чем 60 стран мира. Основными темами форума стали развитие научной дипломатии и выработка единых подходов к экспертизе научных проектов для проведения международных конкурсов.

В целях развития фундаментальных научных исследований в регионах России Фонд проводит конкурсы научных проектов на паритетных началах совместно **с администрациями регионов**.

Особое внимание РФФИ уделяет **поддержке молодёжи**, проводя сквозные конкурсы молодёжных проектов, ориентированных на широкую аудиторию, начиная от школьников и до молодых учёных страны.

В системе экспертизы Фонда участвуют более пяти тысяч учёных.

В своей работе РФФИ широко **использует цифровые технологии**. В **информационной системе Фонда зарегистрировано свыше 300 тысяч учёных**, участвующих в различных конкурсах; ежегодно в систему поступает более 500 миллионов запросов.

С 2018 года РФФИ является основным, а с 2020 года **единым оператором национальной централизованной подписки на иностранные информационные ресурсы**, обеспечивая более чем 1200 научным организациям страны доступ к книгам, журналам и базам данных свыше 30 крупнейших зарубежных издательств и агрегаторов.

Одной из главных задач РФФИ является деятельность, направленная на реализацию Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации и Государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», входящих в Национальный проект «Наука и университеты».

В настоящее время деятельность Фонда направлена на завершение в 2022–2024 годах ранее объявленных конкурсов и дальнейшее изменение функционала Фонда в целях формирования **Российского центра научной информации (РЦНИ)**.

Хотелось бы от души поздравить всех наших грантодержателей и экспертов с юбилеем Фонда, пожелать новых научных прорывов и, конечно же, крепкого здоровья!

Искренне благодарю всех учёных, приславших тёплые поздравления в адрес Фонда по случаю юбилея.

Самые наилучшие пожелания адресую дружному коллективу РФФИ, обеспечивающему слаженную и бесперебойную работу. Сегодня перед нами встают новые задачи, и я уверен, что накопленный Фондом опыт и дальше будет вносить весомый вклад в развитие отечественной науки!

A handwritten signature in blue ink, appearing to be 'Д. Медведев', written in a cursive style.

Глубокоуважаемые коллеги!

За 30 лет своего существования деятельность Фонда неизменно была направлена на поддержку наиболее значимых проектов, внёсших ощутимый вклад в развитие научно-технического потенциала России. Во многом благодаря поддержке Фонда в стране сформировались авторитетные коллективы, являющиеся ныне основой современного научного сообщества.

Хотелось бы отметить, что в формировании научной стратегии и обеспечении фундаментальности научных исследований всегда была велика роль и ответственность основной структурной единицы Фонда — экспертных советов, руководство которыми доверяется наиболее авторитетным учёным в профильных научных направлениях.

Исторические дисциплины в разные годы курировали члены Российской академии наук В.Л. Янин, В.В. Седов, Р.М. Мунчаев, В.С. Мясников и П.Г. Гайдуков.

Результативность грантовой поддержки Фонда подтверждается признанием её результатов на международном уровне и их высокой правительственной оценкой — Государственной премией РФ. Среди самых выдающихся исследований — цикл работ по этногенезу и начальному этапу истории славян, результаты раскопок в одном из центров становления человеческой цивилизации — Месопотамии, итоги исследований по истории «Русской Америки» и целый ряд других трудов.

С самого начала своей деятельности и до сегодняшнего дня Фонд уделяет огромное внимание поддержке экспедиционной деятельности, прежде всего, в области археологии, этнографии, археографии, языкознания и фольклористики. Реализация многих экспедиционных проектов Фонда ознаменовалась сенсационными открытиями, среди которых — древности пазырыкской культуры, обнаружение неизвестного ранее вида человека *Homo altaiensis* (человека алтайского), а также находка древнейшей из дошедших до нас книг Древней Руси — Новгородского кодекса (псалтири).

Владислав Яковлевич, глубокоуважаемые коллеги, сердечно поздравляем с юбилеем! Здоровья Вам и новых творческих успехов!

Вице-президент РАН
академик РАН

Н.А. Макаров

Уважаемый Владислав Яковлевич!

Сердечно поздравляю Вас и весь коллектив Российского фонда фундаментальных исследований с весомой и важной для научного сообщества датой — 30-летием со дня образования РФФИ!

Созданный в трудное для российской науки время Фонд сыграл важную роль в продолжении и дальнейшем развитии научных традиций Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО). Поддержка Фонда помогла в 1990–2000 годах сохранить непрерывность в издании основного печатного органа Общества — «Православного Палестинского Сборника». При поддержке Фонда в общей сложности в течение шести лет обеспечивалось издание ежегодника ИППО.

Важной вехой в развитии плодотворного сотрудничества РФФИ и ИППО стало проведение совместного конкурса «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи». Тематика его значительно расширилась, включив целый ряд новых исследований, актуальных в свете современных событий. Среди важнейших направлений ведущейся при поддержке РФФИ издательской деятельности ИППО — публикация дневников архимандрита Антонина (Капустина), а также работ В.И. Хитрово, А.А. Дмитриевского, современных исследователей.

Искренне благодарю Фонд за бесценную помощь, оказываемую сегодня в поддержании непрерывности 140-летней деятельности Общества в сфере научных исследований, культуры и просветительства, в поддержке современной работы по исследованию, сохранению и возвращению российского наследия в Святой Земле, в отстаивании отечественных интересов в странах Библейского региона и всего Ближнего Востока.

Желаю Вам лично, уважаемый Владислав Яковлевич, и всему коллективу Фонда неиссякаемой энергии в благородном деле поддержки отечественной науки, благополучия и новых творческих успехов на благо нашей любимой Родины.

С уважением,

Председатель Международной
общественной организации
«Императорское Православное
Палестинское Общество»

С.В. Степашин

Многоуважаемый Владислав Яковлевич!

Институт психологии РАН горячо поздравляет Российский фонд фундаментальных исследований с 30-летним юбилеем!

За годы своего существования Фонд стал значимым явлением в жизни российской науки. Выделяемые им гранты существенно облегчали жизнь учёных в наиболее трудные для них 1990-е годы и до сих пор служат им существенной помощью.

Славная история Фонда богата яркими событиями, оставившими замечательный след в истории науки. Разнообразна палитра его деятельности. РФФИ поддерживает действительно инновационные исследования, находящиеся на передовом крае развития науки.

Мы особо благодарны Фонду за поддержку гуманитарных исследований.

В столь замечательный день коллектив нашего Института выражает искреннюю признательность РФФИ и желает всем его сотрудникам крепкого здоровья, особо важного во время эпидемии ковида, счастья и новых успехов в деле служения российской науке.

Директор Института психологии РАН
академик РАН

Д.В. Ушаков

Коллективу сотрудников Российского фонда фундаментальных исследований

В день вашего 30-го Юбилея коллектив Центрального экономико-математического института РАН с глубоким уважением поздравляет каждого из сотрудников РФФИ. Годы Вашей деятельности и по продолжительности, и по значению — это ступени уверенного восхождения к вершинам новых знаний в области фундаментальных научных исследований и заслуженного творческого успеха.

РФФИ был создан как первое государственное бюджетное учреждение в стране с целью поддержки фундаментальных исследований. Вы начинали с нуля, но всегда были и остаётесь первыми! За прошедшее время Вами многое сделано в этой области. Создан коллектив квалифицированных специалистов, сформировано экспертное сообщество, включающее авторитетных учёных нашей страны и ведущих зарубежных стран. Ежегодно они выполняют огромное количество экспертиз, выявляя зёрна новых знаний. Вами накоплен бесценный опыт работы подобного рода, которого ранее не было в нашей стране. Результаты Вашей работы по многим направлениям всегда можно найти и на страницах журналов «Вестник РФФИ» и «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки», и в комплексной информационно-аналитической системе Фонда: о текущих направлениях научных исследований, лучших выполненных работах, интересных результатах и событиях в научной сфере, передовых научных технологиях и опыте. Это, на наш взгляд, своего рода инфраструктура, очень важная составляющая Вашей работы и взаимодействия с научным сообществом страны.

Сегодня можно сказать, что на протяжении всего периода функционирования РФФИ сотрудники нашего института постоянно получали не только материальную, но и моральную поддержку со стороны Фонда и его структур. Мы прекрасно понимаем, насколько далеко Вы успели пройти по крутой тропе познания таинств фундаментальной науки. Ваш коллектив всегда отличали высокий профессионализм, способность понимать сущность происходящих процессов, видеть главное.

Трудно переоценить ваш вклад в создание и развитие новых направлений фундаментальных исследований на базе современных информационных технологий, таких как моделирование социально-экономических процессов страны и регионов, развитие экономико-математического и компьютерного инструментария, искусственного интеллекта, роботизации, цифровизации и многих других.

Поздравляем всех вас с Юбилеем. Желаем вам здоровья, успешной творческой деятельности в интересах российской фундаментальной науки и экономического развития страны!

По поручению коллектива Института,

научный руководитель ЦЭМИ РАН академик РАН
директор ЦЭМИ РАН член-корреспондент РАН

В.Л. Макаров
А.Р. Бахтизин

Сердечно поздравляем Российский фонд фундаментальных исследований с 30-летием!

Создание РФФИ — одно из важных для развития российской науки событий. В начале 1990-х годов в стране менялось всё: правительства, цены, законы, правила жизни, основы государственного управления. РФФИ стал первым шагом государства и научного сообщества на пути формирования новых подходов к организации научной деятельности и её материальной поддержке. Создание Фонда стало уникальным для того времени явлением: это была первая в таком роде возможность для учёных самим осуществлять выбор научной темы, формулировать на основе этого выбора заявку, проходить конкурсные процедуры и получать финансирование своего проекта. Не менее важной стала отлично организованная практика экспертизы проектов других учёных, которую прошли тысячи специалистов.

Можно смело утверждать, что практически все работающие в современной российской науке профессионалы прошли школу РФФИ, приобрели бесценный опыт выполнения проектов: исследовательский, организационный, финансовый.

Важным направлением работы РФФИ стала цифровизация (тогда это слово ещё не было общеупотребительным). Внедрение специалистами Фонда новых технологий всего процесса — от подачи заявки до публикации финального отчёта в сети Интернет — явилось фундаментальным достижением, задавшим современные стандарты научной деятельности. Тысячи российских учёных благодарны РФФИ за поддержку в организации перспективных исследований и возможность приобрести современную экспериментальную, компьютерную и офисную технику. Особенно важной стала эта поддержка для регионов. Спасибо РФФИ за всё это, за внимание к учёным и экспертам, помощь и понимание на всех этапах работы. Хотелось бы выразить надежду, что многолетний позитивный опыт работы и особой человечески ориентированной культуры сотрудников Фонда будет ещё долго служить во славу Российской науки.

Желаем Фонду, пройдя период трансформаций, обрести новые горизонты развития и возможности для выполнения важных функций поддержки инициатив и проектов российского научного и экспертного сообщества, в том числе на международном уровне. Высоко ценим вклад Фонда в развитие международного научно-технологического сотрудничества и научной дипломатии. Будем рады дальнейшему сотрудничеству ИМЭМО РАН и РФФИ на этом и других направлениях!

Директор ИМЭМО РАН
член-корреспондент РАН

Ф.Г. Войтоловский

Член дирекции ИМЭМО РАН
академик РАН

Н.И. Иванова

Глубокоуважаемый Владислав Яковлевич!

Российская ассоциация политической науки (РАПН) имеет честь поздравить Вас и в Вашем лице Российский фонд фундаментальных исследований с 30-летним юбилеем со времени его основания.

Рождение РФФИ в 1992 году по инициативе крупнейших учёных России ознаменовало современный этап организации научных исследований в стране и послужило мощнейшим импульсом развития инициативы по выбору тематики научной работы и формированию творческой атмосферы в научных коллективах. Благодаря деятельности Фонда были поддержаны сложившиеся ранее научные школы, созданы условия для формирования новых научных направлений и исследовательских центров по всей стране. РФФИ эффективно выполняет свою основную задачу — проведение конкурсного отбора лучших научных проектов из числа тех, что представлены Фонду учёными в инициативном порядке, и последующее организационно-финансовое обеспечение поддержанных проектов.

В настоящее время Фондом сформирована мощная научно-исследовательская сеть организаций, исследовательских коллективов, экспертов, потребителей научных идей и разработок, охватывающая все регионы Российской Федерации и выходящая далеко за её пределы. На основе РФФИ взаимодействуют учёные из более чем 4000 организаций России. Поддержку Фонда получают свыше 1000 региональных проектов, проводятся многочисленные конференции и семинары, осуществляется эффективное сотрудничество российских учёных с коллегами из зарубежных университетов и центров. С 2007 года Фонд реализует Программы поддержки молодых учёных России, создавая возможности для преемственности научных школ и научных инноваций.

РФФИ всегда уделял пристальное внимание развитию научных исследований на основе междисциплинарного подхода. Получила заслуженное признание деятельность Фонда по поддержке исследований, объединяющих методы естественных, общественных и гуманитарных наук. Произошедшее в 2016 году объединение РФФИ с Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) позволило повысить уровень фундаментальных исследований в социогуманитаристике, поднять на новый уровень единый научный комплекс страны.

Российская ассоциация политической науки и политологи в целом всегда считали поддержку Фондом актуальных политологических исследований, организации конгрессов и конференций знаком высокой оценки научной деятельности в нашей отрасли науки. В последние годы мы отмечаем определённую интенсификацию этой поддержки за счёт организации специальных конкурсов по объединению фундаментальной политической теории и политической практики. РАПН высоко оценивает это внимание и с благодарностью готова ориентировать политические исследования на высокие стандарты Фонда.

Искренне поздравляем Российский фонд фундаментальных исследований, Вас, Владислав Яковлевич, всех сотрудников и друзей Фонда с юбилеем! Желаем организационных удач, новых идей и творческих замыслов, здоровья и благополучия!

С глубоким уважением,

Президент РАПН
член-корреспондент РАН

О.В. Гаман-Голутвина

Глубокоуважаемые коллеги!

27 апреля 2022 г. исполняется 30 лет Российскому фонду фундаментальных исследований. Приятно осознавать, что с момента становления пионера грантовой поддержки фундаментальной науки в России все три десятилетия мы были вместе: мне довелось участвовать в работе Фонда в качестве эксперта в составе Экспертного совета по истории, археологии и этнологии и члена совета РФФИ.

Вне всякого сомнения, грантовая поддержка Фонда благотворно сказалась на развитии научных направлений сибирского, уральского и дальневосточного регионов: вышла целая серия фундаментальных научных и энциклопедических изданий; расширилась география полевых экспедиционных исследований; совершены открытия, которые получили высокую государственную оценку и широкое международное признание. При реализации проектов Фонда удалось обеспечить научную преемственность, вырастить молодых специалистов как для академических центров, так и для высшей школы.

Хотелось бы отметить роль Фонда в консолидации научного сообщества России. Один из самых значимых, ярких примеров — это возрождение в стране традиций проведения Археологических съездов при поддержке Фонда. Такие съезды успешно прошли в Новосибирске, Суздале, Новгороде, Барнауле. Очередной съезд будет проведён в Самаре. Важно, что в работах съездов активно участвовали все поколения археологов России, а также члены международного научного сообщества. Фонд всегда оказывал активную поддержку развитию гуманитарной науки в стране, значимость которой неопределима прежде всего для воспитания человека — патриота своего Отечества и гражданина.

Не могу не подчеркнуть особую значимость Фонда в поддержке крупных всероссийских и международных конференций, симпозиумов и конгрессов междисциплинарной направленности. Наконец, при поддержке Фонда удалось издать десятки великолепных монографий, многие из которых вошли в золотой фонд российской и мировой науки.

Искренне поздравляю тружеников РФФИ и всё научное сообщество с тридцатилетием Фонда!

Академик РАН
Лауреат Государственной премии
Российской Федерации в области
науки и технологий,
член совета РФФИ

В.И. Молодин

Глубокоуважаемый Владислав Яковлевич!

Позвольте поздравить Вас и весь коллектив Российского фонда фундаментальных исследований с 30-летним юбилеем со дня основания!

За время доброго сотрудничества РФФИ и Музеев Московского Кремля было реализовано множество научных проектов, ставших весомым вкладом в развитие отечественной исторической науки.

Мы высоко ценим взаимодействие Фонда и Музеев Московского Кремля, продолжающееся уже более 20 лет. Результатом нашей совместной плодотворной работы стали крупные международные и российские конференции и выставки, значимые научные исследования, воплощённые в жизнь в опубликованных изданиях Музея. Яркими примерами здесь служат знаковый проект «Православные святые Московского Кремля в истории культуры России», а также коллективные монографии цикла «Московский Кремль сквозь века. Древние святые и исторические памятники», уже насчитывающего 6 томов в 11 книгах.

Благодаря поддержке РФФИ настоящим событием в научном сообществе стала публикация уникального памятника книжной культуры Руси XVII века — «Книги об избрании на Превысочайший Престол Великого Российского Царства Великого Государя, Царя и Великого Князя Михаила Федоровича Всея Великия России Самодержца», которая была успешно представлена на заседании Российского исторического общества в 2013 году.

Поистине фундаментальным исследовательским и издательским проектом явилась подготовка многотомной энциклопедии «Кремль, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости Центральной России», первый том которой стал лауреатом конкурса книгоиздателей (АСКИ) в номинации «Лучшая книга о России». Сегодня изданы три тома в четырёх книгах, посвящённых крепостям центральной, южной и восточной частей Русского государства.

Результатом ещё одного совместного проекта «Историческое оружие в музейных и частных собраниях» стала публикация трёх выпусков содержательных научных исследований в области оружейведения, высоко оценённых профессиональным сообществом.

Доброй традицией стало и сопровождение крупных научных мероприятий и конференций Музея выставками изданий Российского фонда фундаментальных исследований.

Позвольте пожелать Вам, уважаемый Владислав Яковлевич, и всему коллективу Фонда дальнейших научных открытий и свершений во благо развития и процветания отечественной науки и культуры.

С глубочайшим уважением к Вам и надеждой на дальнейшее плодотворное сотрудничество,

Генеральный директор Музеев
Московского Кремля

Е.Ю. Гагарина

Глубокоуважаемый Владислав Яковлевич!

Поздравляем коллектив Российского фонда фундаментальных исследований с 30-летием со дня основания!

РФФИ по праву считается важнейшим федеральным учреждением по сохранению, развитию и приумножению научно-технического потенциала России. Это в полной мере относится к исследованиям в области отечественной истории, поскольку значительная часть грантов Фонда направляется на поддержку научного поиска в области истории России. Всего в 2018–2020 годы в рамках только основного конкурса были поддержаны 185 такого рода проектов. Ежегодно сотрудники Института российской истории РАН участвуют не менее чем в 20 инициативных научных, издательских проектах Фонда, а также проектах организации и участия в российских и международных научных мероприятиях.

Особенно значимой явилась поддержка РФФИ крупных коллективных проектов ИРИ РАН, таких как «История Крыма» и «История Новороссии» в рамках конкурса «Крым в истории, культуре и экономике России», издательского проекта «Здесь кровью полит каждый метр», посвящённого освобождению Крыма и Севастополя от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г., серии масштабных научных форумов, в том числе международной конференции «Великая Российская революция: 100 лет изучения» и многих других.

Плодотворное сотрудничество РФФИ и ИРИ РАН продолжается в рамках объявленных Фондом конкурсов «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд» (к 350-летию со дня рождения Петра I), «Советская эпоха: история и наследие (к 100-летию образования СССР)», успешное осуществление которых станет важным вкладом в отечественную историческую науку.

РФФИ традиционно уделяет приоритетное внимание экспертной, информационно-аналитической работе. Экспертами Фонда со дня его основания являются многие сотрудники нашего Института. Мы благодарны за высокую оценку их труда руководством Фонда. В декабре 2021 года по случаю 85-летия Института 13 учёных ИРИ РАН были награждены Почётными дипломами РФФИ.

Уверены, что накопленный за 30 лет научный потенциал позволит Фонду и дальше способствовать развитию исторической науки, с честью справляться с вызовами времени.

Желаем коллективу Российского фонда фундаментальных исследований здоровья и успешной работы!

Директор Института российской истории
доктор исторических наук

Ю.А. Петров

Глубокоуважаемый Владислав Яковлевич!

Сотрудники Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Ваши коллеги и единомышленники, сердечно поздравляют коллектив Российского фонда фундаментальных исследований с 30-летним юбилеем.

Создание РФФИ стало одним из важнейших событий в современной истории российской науки и открыло нашим учёным новые возможности творческого самовыражения: позволило самостоятельно выбирать тематику исследований и поступательно осуществлять фундаментальные академические проекты. Фонд существенно продвинул труды молодых филологов.

На протяжении 30 лет РФФИ на конкурсной основе поддерживал важнейшие исследовательские направления работы ИМЛИ РАН, а также новейшие издания, пользующиеся высоким авторитетом в научном мире: летописи жизни и творчества Н. Гоголя, И. Бунина, С. Есенина, Д. Мережковского и др.; тома «Литературного наследия» А. Белого, И. Бунина, З. Гиппиус; академические собрания сочинений и научные издания великих русских писателей Л. Толстого, М. Горького, А. Платонова, В. Маяковского, А. Толстого, М. Шолохова. Благодаря Фонду стали доступны специалистам и широкой читательской аудитории коллекции неопубликованного эпистолярия писателей, теоретические труды по историко-функциональным и социокультурным аспектам филологии; актуальные исследования по академическому кавказоведению, взаимодействию традиций Востока и Запада, текстологии и источниковедению. Благодаря сотрудничеству ИМЛИ РАН с РФФИ были введены в мировой научный оборот никогда не публиковавшиеся архивные материалы по истории русской и зарубежной литературы из российских и иностранных архивов, рукописных фондов и библиотек.

При финансовой поддержке Фонда наш Институт получил возможность ежегодно организовывать научные мероприятия. Мы выражаем Вам глубокую благодарность за понимание важности реализации международных научных инициатив ИМЛИ РАН, связанных с исследовательскими и издательскими проектами, а также с проведением юбилейных конференций к 150-летию русских писателей М. Горького и И. Бунина, к 125-летию С. Есенина, к 220-летию А. Пушкина, к 200-летию Ф. Достоевского.

Поздравляя со славным юбилеем Фонд, желаем его сотрудникам крепкого здоровья и надеемся на продолжение плодотворного научного сотрудничества ИМЛИ РАН и РФФИ во благо российской науки!

Директор ИМЛИ РАН
член-корреспондент РАН

В.В. Полонский

Глубокоуважаемый Владислав Яковлевич!

Поздравляем Вас и коллектив Российского фонда фундаментальных исследований с тридцатилетним юбилеем!

Благодаря сотрудничеству с Фондом и его финансовой поддержке в течение последних лет Российский институт истории искусств, основанный в 1912 году, осуществил ряд крупных научных проектов. Среди них — издание томов энциклопедии «Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь-исследование. XIX век. Т. 12: Страницы биографии» (СПб.: Композитор, 2013); «Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь-исследование. XIX век. 1801–1861. Материалы к энциклопедии. Т. 14» (отв. ред. и сост. Н.А. Огаркова. СПб.: РИИИ; Композитор, 2017).

Значительным событием явилось издание авторского труда Е.В. Герцмана «Энциклопедия древнеэллинической и византийской музыки: В 3 т.» (СПб.: Издательский проект «Квадривиум»; Проект Вячеслава Заренкова «Созидающий мир», 2019), подготовленного в рамках проекта Фонда. Отметим также изданную при поддержке Фонда книгу Н.С. Серёгиной «“Слово о полку Игореве” и русская певческая гимнография XII века» (М.: Памятники исторической мысли, 2011), исследования А.И. Климовицкого «Нотная тетрадь Бетховена с обработкой шести народных песен», Г.В. Петровой «Русско-французские музыкальные связи: Гектор Берлиоз в Петербурге», публикации И.А. Чудиновой по теме «Преподобная Евфросиния Полоцкая и традиции византийского женского монашества».

Сотрудничество наших организаций охватывает также и экспертно-консультационную сферу: доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник РИИИ Н.С. Серёгина с 2012 года входит в состав экспертов РФФИ.

Высоко оцениваем Вашу деятельность по поддержке учёных России и желаем успешной работы на благо науки, крепкого здоровья сотрудникам, экспертам и всему коллективу Российского фонда фундаментальных исследований!

И.о. директора
Российского Института истории искусств

Д.А. Шумилин

Глубокоуважаемый Владислав Яковлевич!

Коллектив МГИМО-Университета МИД России поздравляет Российский фонд фундаментальных исследований с 30-летием со дня основания!

Среди государственных научных организаций нашей страны РФФИ — один из самых узнаваемых и ценимых российскими учёными институтами. Учреждённый в крайне тяжёлом для российской науки 1992 году, Фонд без преувеличения стал «спасательным кругом» для тысяч отечественных исследователей и науки как социального института в целом. Надо отдать должное инициаторам создания Фонда — министру Б.Г. Салтыкову, академику А.А. Гончару и их единомышленникам: в сложнейших экономических условиях рыночных реформ они создали абсолютно новую организацию на принципах, ранее не находивших широкого применения в отечественной научной политике. Фактически РФФИ выступил институтом самоуправления научным сообществом, предоставив учёным возможность автономно, независимо от политических институтов выдвигать, оценивать и поддерживать передовые исследования.

В последующие десятилетия Фонд стал институтом, имеющим высокий кредит доверия у отечественных исследователей — доверия, которое, как известно, нелегко завоевать. История РФФИ в 1990–2000-е гг. — это путь постоянного развития, в том числе значительного роста авторитета на международной арене. В этот период Фонд стал одним из наиболее авторитетных учреждений российской науки, на равных сотрудничающих с аналогичными организациями ведущих научных держав. Под руководством нынешнего председателя совета академика РАН В.Я. Панченко Фонд достиг новых рубежей, стал международно признанным в мире «брендом» отечественной науки, своеобразным знаком её качества. Именно в РФФИ получают поддержку новые инициативные проекты, находят апробацию и развитие новые системы исследовательских приоритетов и разработок, обретают последовательное воплощение новаторские идеи. РФФИ выступает своеобразной лабораторией по разработке инновационных форм поддержки пионерских научных направлений.

За прошедшие три десятилетия РФФИ завоевал признание как российских учёных, так и зарубежных партнёров, прочно занял место в системе научных учреждений России. Успешная работа Фонда продолжается. Позвольте выразить уверенность в том, что РФФИ и впредь будет служить опорой отечественным исследователям.

Дорогие коллеги, примите наши искренние поздравления. Позвольте пожелать Вам дальнейших успехов и заслуженного чувства удовлетворённости от чрезвычайно необходимой и ценимой работы!

Первый проректор МГИМО-Университета
доктор юридических наук

Г.П. Толстопятенко

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Индекс УДК 903.01+903.32

Код ГРНТИ 03.41.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-108-01-25-34

**А.П. ДЕРЕВЯНКО,
М.Б. КОЗЛИКИН,
М.В. ШУНЬКОВ***

Развитие культуры денисовского человека на Алтае

Культурно-хронологическая колонка плейстоценовых отложений в Денисовой пещере на Алтае является в настоящее время наиболее полной и продолжительной на территории Северной и Центральной Азии. Комплексные исследования каменной и костяной индустрии из палеолитических слоёв пещеры позволили проследить процесс автохтонного развития древнейшего населения Алтая в хронологическом интервале от 300 до 30 тыс. л.н. В результате послойного анализа каменных артефактов выделены этапы развития материальной культуры обитателей пещеры. Древнейший археологический комплекс из нижней части плейстоценовой толщи, которая накапливалась около 300–150 тыс. л.н., относится к раннему этапу среднего палеолита. Дальнейшее развитие среднепалеолитических традиций отражают находки из слоёв, формирование которых происходило 150–50 тыс. л.н. Согласно археологическим, палеоантропологическим и палеогенетическим данным, развитие среднепалеолитического комплекса в пещере связано, в основном, с денисовцами. В отложениях ранней стадии верхнего палеолита обнаружены костные останки также представителей только этой популяции. Появление в культурно-хронологической колонке Денисовой пещеры около 50 тыс. л.н. костяных игл с просверленным ушком, наборов личных украшений и следов символической деятельности в совокупности свидетельствуют, что на Алтае сформировалась одна из самых ранних верхнепалеолитических культур в Евразии.

* **Деревянко Анатолий Пантелеевич** — академик РАН, доктор исторических наук, научный руководитель Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН, исполнитель проекта «Развитие культуры денисовского человека на Алтае» (18-09-40100 «Древности»).

E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

Козликин Максим Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века ИАЭТ СО РАН, руководитель проекта «Развитие культуры денисовского человека на Алтае» (18-09-40100).

E-mail: kmb777@yandex.ru

Шуньков Михаил Васильевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом археологии каменного века ИАЭТ СО РАН.

E-mail: shunkov77@gmail.com

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, палеолит, плейстоцен, геохронология, палеогенетика, денисовцы, неандертальцы, каменная индустрия, костяные орудия, персональные украшения

Стабильное заселение юга Западной Сибири связано с проникновением около 300 тыс. л.н. на территорию Алтая группы древних людей, каменные орудия которых обнаружены в нижних культуросодержащих слоях Денисовой пещеры (рис. 1). Палеогенетические исследования антропологических находок из плейстоценовых отложений пещеры свидетельствуют о самостоятельном пути развития гомининов на территории Южной Сибири. Представители ранее неизвестной популяции ископаемых людей — денисовцы [1, 2] — сосуществовали на Алтае с наиболее восточной группой неандертальцев [3]. Геномы высокого покрытия, выделенные из ископаемых останков денисовцев и неандертальцев, которые обнаружены в пещере, свидетельствуют о генетической интрогрессии между этими двумя группами [4]. Вместе с тем, судя по археологическим данным, алтайские неандертальцы как носители мустьерских среднепалеолитических традиций [5] не оказали заметного влияния на развитие культуры денисовцев. В то время как неандертальцы пришли на Алтай, скорее всего, из западных районов Азии, корни культуры, носителями которой были денисовцы, прослеживаются с древнейших слоёв Денисовой пещеры [6].

Геохронологическая оценка толщи пещерных отложений основана на результатах оптического и изотопного датирования, а также на данных био- и литостратиграфии [7, 8]. Дополняющие друг друга стратиграфические колонки древнейших культуросодержащих отложений на разных участках пещеры — в центральном зале, восточной и южной галереях — формировались на протяжении двух тёплых и относительно холодной климатических фаз второй половины среднего плейстоцена, т.е. в периоды морских изотопных стадий (МИС) 9–7.

Уникальная сохранность органического материала в костных остатках и древних отложениях Денисовой пещеры позволила разработать и успешно применять методы секвенирования ДНК и определения коллагена в образцах возрастом до 300 тыс. лет. В результате дактилоскопии коллагена более 8000 мелких неопределимых костных фрагментов идентифицирована их видовая принадлежность, в том числе обнаружены новые останки человека. Секвенирование ДНК трёх новых образцов из слоя 15 восточной галереи пещеры позволило отнести их к денисовцам [9]. К этому же таксону относится молочный зуб Денисова 2 из слоя 22 в центральном зале — самого древнего культуросодержащего горизонта на стоянке. Фрагменты ДНК, выделенные из нижней части пещерных отложений, также принадлежат денисовцам. Таким образом, на сегодняшний день археологические находки из слоёв возрастом от 300 до 150 тыс. л.н. соотносятся исключительно с денисовцами. Каменные артефакты из этих отложений, в первую очередь из слоёв 15 и 14 восточной галереи пещеры, насчитывают свыше 50 тыс. экз. Обилие материала позволило детально реконструировать культурные традиции денисовцев на Алтае [6, 10].

Первые обитатели пещеры для расщепления камня использовали в основном радиальную технику раскалывания, когда речная галька оббивалась по кругу с одной или двух сторон. Использовались также параллельные ядрища, в том числе с объёмным фронтом скалывания и с негативами удлинённых снятий, близкие к верхнепалеолитическим формам. Среди сколов преобладают укороченные и короткие отщепы-заготовки с сильно скошенной остаточной ударной площадкой, снятые с радиальных нуклеусов, в том числе

краевые сколы. Немногочисленные пластины и удлинённые снятия относятся к продуктам параллельного скалывания. Заготовками орудий служили крупные, часто массивные отщепы, обработанные, в основном, краевой или захватывающей крутой субпараллельной крупнофасеточной сильномодифицирующей ретушью. Распространёнными приёмами вторичной обработки являлись вентральная оббивка и усечение.

Основу орудийного набора составляли различные формы скребел (рис. 2, 2, 3), зубчатых, выемчатых и шиповидных орудий. Характерной чертой индустрии являются скребла, оформленные многорядной высокой ретушью. Многочисленной серией представлены вентрально-утончённые сколы (рис. 2, 1) – крупные, как правило массивные, отщепы с интенсивной обработкой крупными вентральными снятиями одного или двух продольных краёв, дистального, дистального и продольного краёв или на $\frac{3}{4}$ периметра. Другую характерную группу изделий составляют базально-тронкированные сколы. Два последних типа наиболее представительны в индустриях и являются культурно-идентифицирующими изделиями-маркерами этого комплекса. В слое 21 центрального зала идентифицирован костяной ретушёр. В настоящее время это древнейшее изделие такого типа на территории Северной и Центральной Азии.

Наибольшее количество каменных артефактов ранней стадии среднего палеолита связано с отложениями, которые накапливались в самой благоприятной природно-климатической обстановке в окрестностях пещеры за последние 300 тыс. лет. В это время в долине Ануя произрастали грабовые леса с подлеском из лещины, были также распространены дуб, липа, бук и другие широколиственные виды [11]. Как тра-

Рис. 1. Денисова пещера

диционный зооархеологический анализ костных остатков, так и дактилоскопия коллагена показали, что денисовцы в это время охотились на косуль, благородного и гигантского оленей, а также на лошадей, бизонов, шерстистых носорогов, газелей, медведей. Частые следы антропогенного воздействия на костях, в том числе от раскалывания, сжигания и разделки, подтверждают, что эти виды животных добывались регулярно.

В настоящее время индустрии ранней стадии среднего палеолита из нижней части плейстоценовых отложений Денисовой пещеры по своим культурно-хронологическим характеристикам не имеют аналогов в палеолите не только Алтая, но и всей Северной и Центральной Азии. Их ближайшее сходство прослеживается на Ближнем Востоке в ашело-ябрудских комплексах раннего среднего палеоли-

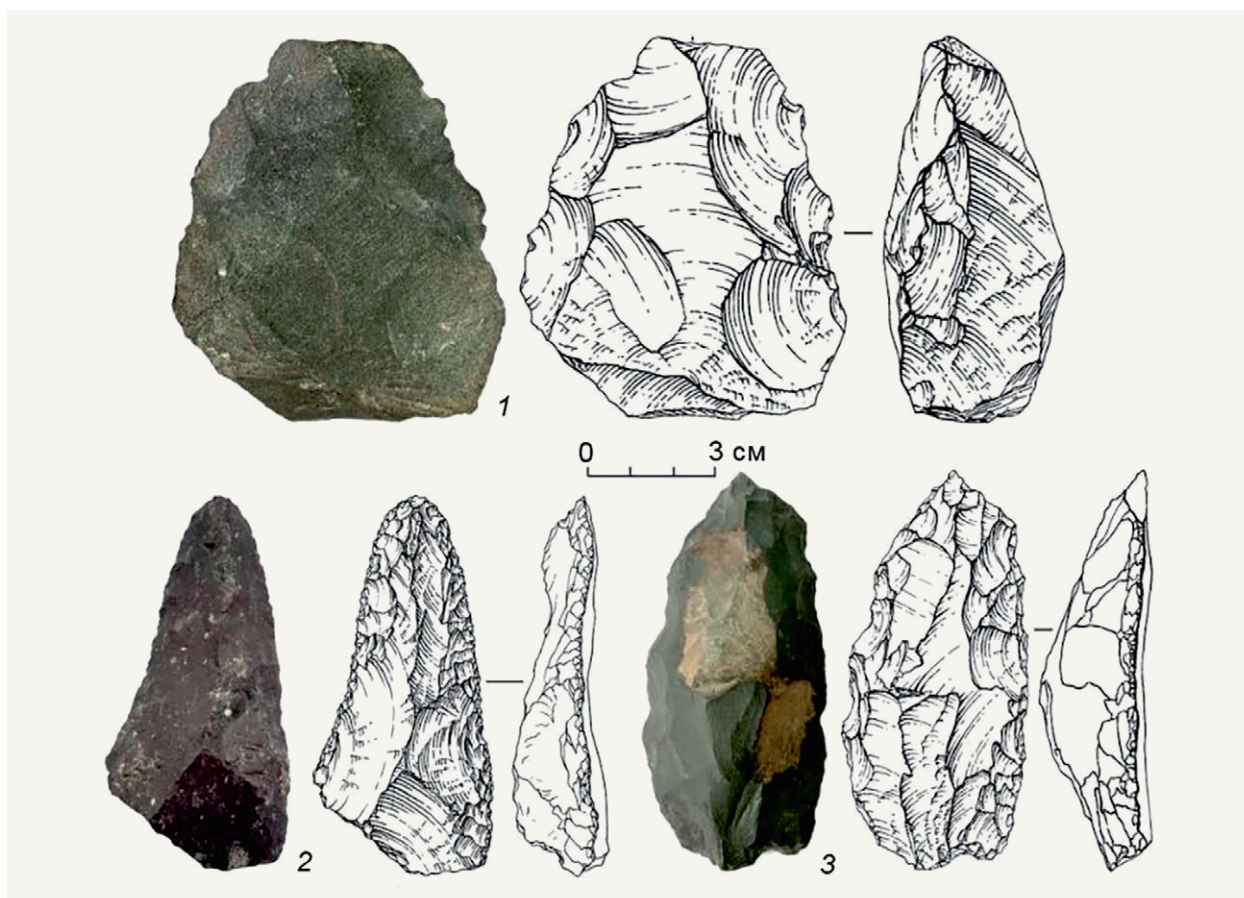

Рис. 2. Древнейшие каменные орудия денисовцев: 1 — вентрально-утончённый скол; 2, 3 — скребла

та стоянок Табун, Кесем, Безез, Хайоним, Азрак, Мислия, Зоуттиех, Ябруд I, Маслоукх, Джерф Аджла, датируемых в интервале 350–250 тыс. л.н. [12]. Характерными изделиями этих комплексов являются вентрально-утончённые и базально-транкированные сколы, скребла типа кина и зубчато-выемчатые формы; при этом в алтайских индустриях отсутствуют бифасы. Несмотря на хорошо выраженные черты сходства этих комплексов, вопрос о генезисе алтайского среднего палеолита требует более развёрнутой разработки.

Дальнейшее развитие среднепалеолитического комплекса Денисовой пещеры отражают археологические материалы из слоёв на разных участках стоянки, накопление которых происходило в интервале 150–50 тыс. л.н. В наборах ядрищ в индустриях этого времени распространены плоскостные параллельные и радиальные нуклеусы. Небольшой серией представле-

ны леваллуазские ядрища для получения отщепов и пластин. Присутствуют единичные подпризматические нуклеусы. В числе сколов-заготовок здесь, по сравнению с предшествующим комплексом ранней стадии среднего палеолита, увеличивается количество удлинённых отщепов, появляются пластины правильной прямоугольной формы. В орудийном наборе, на фоне преобладания различных типов скребел, сохраняется хорошо выраженный компонент из зубчатых и выемчатых орудий, присутствуют вентрально-утончённые и базально-транкированные сколы. В небольшом количестве представлены леваллуазские острья. Появляются изделия верхнепалеолитической группы, включающие такие категории, как скребки, резцы, долотовидные орудия и усечённые сколы.

Помимо каменных орудий в среднепалеолитическом комплексе Денисовой пещеры было выделено более 50 слабо мо-

дифицированных костяных орудий, представленных главным образом ретушёрами, а также остриями и посредниками. Эти изделия свидетельствуют о развитых навыках обработки таких органических материалов, как шкуры и древесина [13].

Палеоантропологические находки и ДНК, выделенная из среднепалеолитических слоёв пещеры, принадлежат в основном денисовцам. Вместе с тем зафиксировано также присутствие неандертальцев и найдена кость девочки-гибрида, чья мать была неандерталкой, а отец — денисовцем [4]. Эти данные и отсутствие резких изменений в составе каменных индустрий позволяют говорить о каких-то формах, скорее всего, совместного, а не попеременного обитания в пещере денисовцев и неандертальцев. На сегодняшний день оценить возможный вклад неандертальцев в эту индустрию не представляется возможным. Однако сопоставление среднепалеолитических комплексов Денисовой пещеры с неандертальскими индустриями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая из пещер Чагырская и Окладникова позволяет заключить, что влияние последних на денисовский технокомплекс было минимальным или же вовсе не проявилось.

Сибирячихинская индустрия, связанная со второй волной миграции неандертальцев в Сибирь с территории Восточной Европы и Северного Кавказа на рубеже МИС 4 и МИС 3, характеризуется доминированием отходов каменного производства и значительной долей орудий (29%) [14]. Первичное расщепление было направлено на получение трапецевидных и прямоугольных отщепов, которые изготавливались в рамках плоско-выпуклого бифасиального, радиального и ортогонального раскалывания. Скребла доминируют в орудийном наборе, наиболее многочисленные изделия этого типа — трапецевидной и листовидной форм. Эта индустрия имеет значительное сходство с европейскими микокскими комплексами [15].

Наиболее ранние верхнепалеолитические материалы — начального этапа этой

эпохи — в Денисовой пещере связаны с отложениями слоя 11.2 в восточной галерее, для которого методом оптически стимулированной люминесценции установлен возраст $63 \pm 6 - 55 \pm 6$ тыс. л.н. и получена серия радиоуглеродных дат, среди которых наиболее древние превышают пределы метода, а абсолютное большинство находится в диапазоне 50–40 тыс. л.н. Согласно многочисленным данным датирования этими же методами, а также данным биостратиграфии, время накопления слоёв раннего верхнего палеолита на разных участках пещеры в целом соответствует хронологическому интервалу 50–30 тыс. л.н. [7, 8].

В каменных индустриях этого периода использовалось в основном параллельное расщепление, направленное на производство удлинённых отщепов, крупных пластин и мелких пластинок. Для получения коротких и укороченных сколов применялась радиальная техника. По сравнению с индустриями среднего палеолита среди продуктов расщепления камня заметно уменьшилось количество леваллуазских сколов и увеличилась доля пластин. В составе инвентаря присутствуют образцы микроскребков, резцов и ретушированных пластин с хорошо выраженной верхнепалеолитической морфологией, а также тщательно обработанные листовидные бифасы. Вместе с тем значительную роль в этих индустриях играет среднепалеолитический компонент, представленный различными типами скребел.

Слабо модифицированные орудия из кости представлены в основном ретушёрами, долотовидными изделиями и проколками. Морфология орудий указывает на то, что они использовались для работы с различными материалами: для пошива одежды из кожи, срезания или нарезки растений, расщепления, ошкуживания и резьбы древесины. Формальные орудия включают костяные иглы с просверленным ушком, в том числе удлинённую целую иглу размером 75 мм (рис. 3, 15) и уплощённое изделие из бивня с обломленным остриём, на обе плоскости которого нанесено по ряду точечных углублений (рис. 3, 12),

Рис. 3. Изделия из кости (1, 15, 17) и зубов (2–4, 10) животных, бивня мамонта (5, 9, 12, 13, 16), скорлупы яйца страуса (6), раковины моллюска (7) и поделочного камня (8, 11, 14) ранней стадии верхнего палеолита из Денисовой пещеры.

1 — пронизка; 2–4, 7, 10, 11 — подвески; 5, 6, 8 — бусины; 9 — зооморфная скульптура; 12, 15 — иглы; 13 — кольцо; 14 — браслет; 16 — диадема; 17 — остриё

острия (рис. 3, 17) из бивня и стенок трубчатых костей крупных млекопитающих, а также костяной остроконечник из литологического горизонта 11.4 в центральном зале, который имеет прямую радиоуглеродную дату 42 660–48 100 калиброванных л.н. и является древнейшим таким изделием, известным в Северной Евразии [6].

В число украшений входят подвески из клыков лисицы (рис. 3, 10), куницы и марала (рис. 3, 4), резцов лося, бизона (рис. 3, 3), сибирского горного козла (рис. 3, 2); полые пронизки (рис. 3, 1) или стержни с гравировкой из трубчатых костей млекопитающих и крупных птиц; бусины из обломков трубчатых костей. Из-

делия из бивня мамонта включают диадемы (рис. 3, 16) или нагрудные пластины, браслет, кольца (рис. 3, 13) и бусины (рис. 3, 5) округлой, овальной или подквадратной формы. Эксклюзивным изделием является зооморфная фигурка, скорее всего, хищника семейства кошачьих (рис. 3, 9). Среди украшений из поделочного камня – браслет из тёмно-зелёного хлоритолита (рис. 3, 14), разнообразные подвески и бусины из агальматолита, хризотила, мрамора (рис. 3, 11), серпентина (рис. 3, 8), талька-стеатита. Из скорлупы яиц страуса изготовлены бусины-колечки (рис. 3, 6). Имеются также украшения из раковин пресноводных моллюсков *Corbicula tibetensis* с пропиленным отверстием в основании (рис. 3, 7). Трасологическое и технологическое изучение костяных и каменных украшений показало, что при их изготовлении использовались строгание, резание, биконическое сверление, внутренняя расточка, шлифовка и полировка [16].

Культура начальной стадии верхнего палеолита формировалась на местной среднепалеолитической основе, сохраняя при этом ряд общих технических компонентов. У средне- и верхнепалеолитических индустрий была единая сырьевая база, основу которой составляли гальки осадочных и вулканических пород из русловых отложений местных водотоков. Другим общим показателем для этих индустрий является постоянное использование техники параллельного расщепления. Параллельное скалывание заготовок с плоских площадочных нуклеусов активно применялось на разных стадиях среднего палеолита наряду с леваллуазским и радиальным расщеплением. В начале верхнего палео-

лита стало использоваться параллельное скалывание с призматических, конусовидных и клиновидных нуклеусов, включавшее снятие микропластин.

Согласно археологическим, палеоантропологическим и палеогенетическим данным, развитие среднепалеолитического комплекса в пещере связано, в основном, с денисовцами. В отложениях ранней стадии верхнего палеолита обнаружены костные останки представителей только этой популяции. Отсутствие контрастных изменений в материальной культуре на рубеже среднего и верхнего палеолита свидетельствует о неизменности носителей этих культурных традиций.

Последний этап в культурно-хронологической колонке плейстоценовых отложений Денисовой пещеры представляют верхнепалеолитические материалы из отложений, возраст которых определён в диапазоне 30–20 тыс. л.н., что хронологически в целом соответствует средней стадии верхнего палеолита. С такой хронологией хорошо согласуются и данные биостратиграфии.

В каменных индустриях этого времени заметно возросла роль пластинчатого производства, включающего микропластинчатое расщепление. Изменения отмечены и в структуре орудийного набора, основу которого составляют верхнепалеолитические формы, представленные микропластинами и пластинками с притупленным краем, резцами и миниатюрными концевыми скребками с тщательно подготовленным лезвием. Вместе с тем заметное место среди орудий занимают скребла и зубчато-выемчатые изделия, особенно в коллекциях из восточной галереи и центрального зала пещеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E.Y., Viola B., Briggs A.W., Stenzel U., Johnson P.L.F., Maricic T., Good J.M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E.E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // Nature. 2010. Vol. 468. Pp. 1053–1060.

2. Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // *Nature*. 2010. Vol. 464. Pp. 894–897.
3. Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., Filippo C. de, Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L. F., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // *Nature*. 2014. Vol. 505. Pp. 43–49.
4. Slon V., Mafessoni F., Vernot B., Filippo C., Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Kelso J., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S. The genome of the offspring of a Neanderthal mother and a Denisovan father // *Nature*. 2018. Vol. 561. Pp. 113–116.
5. Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V. The Sibiryachikha Facies of the Middle Paleolithic of the Altai // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2013. Vol. 41, No. 1. Pp. 89–103.
6. Деревянюк А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Кто такие денисовцы? // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2020. Т. 48. № 3. С. 3–32.
7. Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O’Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // *Nature*. 2019. Vol. 565. Pp. 594–599.
8. Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devièse T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // *Nature*. 2019. Vol. 565. Pp. 640–644.
9. Brown S., Massilani D., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Stoessel A., Jope-Street B., Meyer M., Kelso J., Pääbo S., Higham T., Douka K. The earliest Denisovans and their cultural adaptation // *Nature, Ecology & Evolution*. 2022. Vol. 6. Pp. 28–35.
10. Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Dynamics of the Altai Paleolithic industries in the archaeological record of Denisova Cave // *Quaternary International*. 2020. Vol. 559. Pp. 34–46.
11. Болиховская Н.С., Козликин М.Б., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Фаустов С.С. Новые данные в палинологии уникального памятника палеолита Денисова пещера на северо-западе Алтая // *Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический*. 2017. Т. 122. № 4. С. 46–60.
12. Shimelmitz R. The recycling of flint throughout the Lower and Middle Paleolithic sequence of Tabun Cave, Israel // *Quaternary International*. 2015. Vol. 361. Pp. 34–45.
13. Козликин М.Б., Рандю У., Плиссон Х., Боманн М., Шуньков М.В. Слабомодифицированные костяные орудия из Денисовой пещеры на Алтае // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2020. Т. 48. № 1. С. 16–28.
14. Деревянюк А.П., Маркин С.В., Колобова К.А., Чабай В.П., Рудая Н.А., Виола Б., Бужилова А.П., Медникова М.Б., Васильев С.К., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Вольвах А.О., Робертс Р.Г., Якобс З, Бо Ли. Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018.
15. Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshekin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O’Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // *PNAS*. 2020. Vol. 117. No. 6. Pp. 2879–2885.
16. Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // *Quaternary International*. 2020. Vol. 559. Pp. 47–67.

ENGLISH

Development of Denisovan Culture in Altai

Anatoly Panteleyevich Derevyanko – Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Scientific Director of the Institute of Archaeology and Ethnography (IAE), Siberian branch of the RAS, executor of the project "Development of Denisovan Culture in Altai" (18-09-40100 "Drevnosti").

E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

Maxim Borisovich Kozlikin – Candidate of Science (History), Chief Researcher, Department of Stone Age Archaeology, IAE, Siberian branch of the RAS, head of the project "Development of Denisovan Culture in Altai" (18-09-40100).

E-mail: kmb777@yandex.ru

Mikhail Vasilyevich Shunkov – Corresponding Member of the RAS, Doctor of History, Chief Researcher, Head of the Department of Stone Age Archaeology IAE, Siberian branch of the RAS.

E-mail: shunkov77@gmail.com

The cultural and chronological stratum of the Pleistocene deposits in Denisova Cave, Altai, is the most complete and lengthy in North and Central Asia today. The comprehensive research of the stone and bone industries in the Paleolithic cave layers helped to trace the process of local development of the most antique Altai's people, who lived 300,000 to 30,000 years ago. The layer-by-layer analysis of stone artifacts helped to identify the stages of material culture of the-then cave dwellers. The most ancient archaeological site in the bottom of the Pleistocene stratum formed ca. 300,000-150,000 years ago is classified as Early Middle Paleolithic. The subsequent development of the Middle Paleolithic traditions is reflected by the discoveries from the layers that formed 150,000-50,000 years ago. According to archaeological, paleoanthropological and paleogenetic data, the development of the Middle Paleolithic site of the cave is associated mostly with the Denisovans. The deposits of the Early Upper Paleolithic uncovered bone remains of only that population. Bone needles with eyes, sets of personal jewelry and symbolic artifacts in the cultural and chronological stratum of Denisova Cave dating back to the period 50,000 years ago all testify that one of the earliest Upper Paleolithic cultures in Eurasia was formed in Altai.

Keywords: Altai Mountains, Denisova Cave, Paleolithic Age, Pleistocene Epoch, geochronology, paleogenetics, Denisovans, Neanderthals, stone industry, bone tools, personal jewelry

REFERENCES

1. Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E.Y., Viola B., Briggs A.W., Stenzel U., Johnson P.L.F., Maricic T., Good J.M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E.E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // Nature. 2010. Vol. 468. Pp. 1053–1060.
2. Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. Vol. 464. Pp. 894–897.
3. Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., Filippo C. de, Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M.,

- Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L. F., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // *Nature*. 2014. Vol. 505. Pp. 43–49.
4. Slon V., Mafessoni F., Vernot B., Filippo C., Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Kelso J., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S. The genome of the offspring of a Neandertal mother and a Denisovan father // *Nature*. 2018. Vol. 561. Pp. 113–116.
 5. Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V. The Sibiryachikha Facies of the Middle Paleolithic of the Altai // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2013. Vol. 41, No. 1. Pp. 89–103.
 6. Derevyanko A.P., Shun'kov M.V., Kozlikin M.B. Kto takie denisovtsy? // *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2020. T. 48. № 3. S. 3–32 (in Russian).
 7. Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // *Nature*. 2019. Vol. 565. Pp. 594–599.
 8. Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // *Nature*. 2019. Vol. 565. Pp. 640–644.
 9. Brown S., Massilani D., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Stoessel A., Jope-Street B., Meyer M., Kelso J., Pääbo S., Higham T., Douka K. The earliest Denisovans and their cultural adaptation // *Nature, Ecology & Evolution*. 2022. Vol. 6. Pp. 28–35.
 10. Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Dynamics of the Altai Paleolithic industries in the archaeological record of Denisova Cave // *Quaternary International*. 2020. Vol. 559. Pp. 34–46.
 11. Bolihovskaya N.S., Kozlikin M.B., Shun'kov M.V., Ul'yanov V.A., Faustov S.S. Novye dannye v palinologii unikal'nogo pamyatnika paleolita Denisova peshchera na severo-zapade Altaya // *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologicheskii*. 2017. T. 122. № 4. S. 46–60 (in Russian).
 12. Shimelmitz R. The recycling of flint throughout the Lower and Middle Paleolithic sequence of Tabun Cave, Israel // *Quaternary International*. 2015. Vol. 361. Pp. 34–45.
 13. Kozlikin M.B., Randyu U., Plisson H., Bomann M., Shun'kov M.V. Slabomodifitsirovannye kostyanye orudiya iz Denisovoi peshchery na Altae // *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2020. T. 48. № 1. S. 16–28 (in Russian).
 14. Derevyanko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabai V.P., Rudaya N.A., Viola B., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Vasil'ev S.K., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Vol'vah A.O., Roberts R.G., Yakobs Z, Bo Li. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya Chagyrskoi peshchery – stoyanki srednego paleolita Altaya. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2018 (in Russian).
 15. Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshepkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // *PNAS*. 2020. Vol. 117. No. 6. Pp. 2879–2885.
 16. Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // *Quaternary International*. 2020. Vol. 559. Pp. 47–67.

Индекс УДК 902+572

Код ГРНТИ 03.41.01

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-108-01-35-46

**Н.В. ПОЛОСЬМАК,
Т.А. ЧИКИШЕВА,
Д.В. ПОЗДНЯКОВ***

Пазырыкская культура в XXI веке: открытия и гипотезы

В XXI в. изучение пазырыкской культуры перешло на качественно новый этап. Наряду со всё более углубляющимся изучением объектов материальной культуры, реконструкцией созданной пазырыкцами картины мира на первое место выходит изучение человека, со всеми его физическими особенностями, патологиями и болезнями, метками культуры (татуировками и мумификацией), причёсками, одеждой. Наше внимание было акцентировано на индивидуальных особенностях людей, похороненных в долине реки Ак-Алахи на плато Укок на юго-западе Горного Алтая. Установлено, что в ак-алахинских погребениях похоронены люди, морфологические комплексы которых могут быть отнесены к нескольким антропологическим типам. Этот факт имеет решающее значение для понимания сущности и необычности пазырыкской культуры, которые заключаются в том, что она явилась результатом интеграции людей с разными генетическими корнями, в основном, по сути, мигрантами.

Полученные данные позволяют считать пазырыкскую культуру Горного Алтая новой популяцией, сформировавшейся в результате тесных контактов между пришлым (группами, мигрировавшими с территории современной Средней и Передней Азии, а также отдельными представителями монголоидных народов Восточной Сибири) и автохтонным населением. Установленный факт, что в сложении пазырыкской культуры заметную роль играли выходцы с удалённых от Горного Алтая территорий, из иной природно-климатической среды, сыграл решающую роль в том, что патологический статус пазырыкцев Укока оказался крайне негативным. Антропологическая реконструкция методом М.М. Герасимова облика четырёх мужчин из курганов долины р. Ак-Алахи позволила обнаружить аналогии в типологических комплексах современного населения, а также конкретизировать регионы, откуда пришли на Алтай захороненные в этих курганах люди.

* **Полосьмак Наталья Викторовна** — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН, руководитель проекта «Пазырыкская культура в XXI веке: новые интерпретации и концепции» (18-09-40048).

E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Чикишева Татьяна Алексеевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИАЭТ СО РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: chikishevata@mail.ru

Поздняков Дмитрий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИАЭТ СО РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: dimolka@gmail.com

Ключевые слова: пазырыкская культура, плато Укок, «замёрзшие» могилы, индивидуальные антропологические особенности, антропологические типы, патологический статус популяции, антропологическая реконструкция

«Замёрзшие» могилы – уникальное явление в археологии. Наиболее древние и выдающиеся погребальные комплексы с «замёрзшими» могилами находятся в Горном Алтае и относятся к пазырыкской культуре, представители которой в IV–III вв. до н.э. населяли эти места. Уникальное сочетание природных условий Горного Алтая и культурных традиций пазырыкцев стали причиной появления этого феноменального явления. В начале 1990-х гг. на плато Укок нами были открыты несколько курганов с «замёрзшими» могилами. Уникальность открытий состояла в том, что впервые за время изучения этой культуры, начало которому ещё во второй половине XIX в. положил академик В.В. Радлов раскопками Берельского и Катандинского курганов в Центральном и Юго-Восточном Алтае, были обнаружены не потревоженные, «замёрзшие» погребения знатных и рядовых пазырыкцев [1].

Со времени раскопок кургана 1 могильника Ак-Алаха 1 (1990 г.) – первого на Укоке – прошло почти 30 лет. Курганы, изученные в конце прошлого века на Укоке, так и остались самым ярким событием в истории изучения пазырыкской культуры последних лет, даже несмотря на то, что позднее были исследованы Берельские курганы на территории Казахстана [2] и несколько погребальных комплексов в Монголии на границе с Укоком [3]. Объясняется это тем, что пазырыкская культура, и так известная в отличие от большинства древних культур с почти этнографической достоверностью, именно на Укоке оказалась представленной во всей полноте в непотревоженных «замёрзших» погребениях с сохранившимися мумиями людей (в отличие от разграбленных погребальных комплексов Берели) (фото 1).

«Замёрзшие» могилы Укока

Всестороннее многолетнее междисциплинарное исследование этих погребальных комплексов позволило во многом кардинально изменить представление о культуре. Было установлено, что мумификации подвергались тела всех пазырыкцев, а не только знатных. Доказательством тому послужили две хорошо сохранившиеся мумии – рядового мужчины из небольшого кургана в могильнике Верх-Кальджин 2 и женщины из кургана средних размеров могильника Ак-Алаха 3. На обеих мумиях сохранились следы искусственной мумификации, осуществлённой разными способами. Если при мумификации тела женщины был трепанирован череп, удалены все внутренние органы, а освободившиеся полости были заполнены специально подготовленным адсорбирующим составом, то мужчина мумифицирован с минимальным количеством операций: вскрыты грудная и брюшная полости, из которых удалены внутренние органы. Эти полости ничем не были заполнены [4] (фото 2).

Второй пример показал, что если бы не сохранившееся тело, то по костям мужчины мы бы никогда не узнали о том, что его посмертно мумифицировали. Именно это и происходило все минувшие годы. Только теперь стало понятно, что с таким минимальным количеством малозаметных на костях скелета манипуляций в мумии превращали тела всех умерших пазырыкцев. Эта традиция не была связана со статусом, а являлась частью культуры – культуры мумифицированных тел. По результатам междисциплинарных исследований было установлено, что большую роль в сохранности пазырыкских тел играла ртуть, которая служила консервантом. Приёмы пазырыкского бальзамирования не имеют прямого сходства ни с одним из известных

по письменным источникам либо по археологическим находкам способом сохранения тел умерших в древности и являются оригинальным сочетанием восточных и западных традиций.

Второе важное открытие, которое удалось сделать благодаря находкам укокских мумий: было установлено, что и татуировку имели право сделать не только самые высокопоставленные мужчины, как это представлялось до сих пор. На телах как знатной женщины из погребения в кургане Ак-Алаха 3, так и рядового мужчины из могильника Верх-Кальджин 2 были обнаружены великолепные татуировки (фото 2, 3; рис. 1, 2), ни в чём не уступающие тем, которые мы видим на теле мужчины — «вождя» из Второго Пазырыкского кургана — единственные, известные до сих пор. Эти факты позволяют утверждать, что татуировки делали все пазырыкцы, вне зависимости от их статуса и пола [5]. Вскоре это утверждение было подтверждено доисследованием мумий мужчин и женщин, погребённых во Втором и Пятом Пазырыкских курганах, раскопанных ещё в 1950-е гг. При исследовании их тел в инфракрасных лучах оказалось, что и на этих «царственных» мумиях есть татуировки [6]. Таким образом были разрушены сразу два мифа — об избранности татуированных пазырыкцев и о том, что татуированы были только мужчины. Пазырыкская культура оказалась и культурой татуированных тел, а несмываемые рисунки являлись опознавательными знаками пазырыкцев [7].

Благодаря открытиям на Укоке удалось выяснить, как одевались пазырыкцы [8] (рис. 3, 4), поскольку впервые *in situ* были обнаружены мумифицированные тела мужчины и женщины с сохранившейся на них одеждой. Напомним, что все найденные ранее в так называемых царских

Фото 1. Вид на колоду с мумией женщины. Курган 1 могильника Ак-Алаха 3. Плато Укок

курганах Пазырыка мумии были обнажёнными, что оказалось следствием осквернения и грабежа могил в древности.

Благодаря непо потревоженным погребениям Укока удалось полностью восстановить мужской и женский костюмы пазырыкцев, способы их ношения. Важность этого события трудно переоценить, учитывая то значение, которое имеет одежда для всей системы жизнеобеспечения человека в древности. Одежда наряду с пищей и жилищем, как известно, принадлежит к предметам первой необходимости, формирует внешний облик человека и является способом его самоидентификации. Было установлено, что пазырыкские женщины носили длинные шерстяные юбки, сшитые из поперечно собранных полос разно окрашенной ткани. Юбки подпоясывались поясами — шнурами с кистями. Ценность этих находок состоит и в том,

Фото 2. Мумия мужчины. Курган 3 могильника
Верх-Кальджин 2. Плато Укок

что благодаря им были идентифицированы фрагменты таких же юбок (полосы разноцветной шерстяной ткани) в погребениях Пазырыкских курганов, а также во многих рядовых погребениях Горного Алтая. До этого никто и предположить не мог, что пазырыкские женщины носили длинные шерстяные юбки, а уж об их фасоне и конструкции вообще трудно было догадаться. Такая же история произошла и со штанами. На Укоке были обнаружены несколько пар шерстяных штанов прямо на телах и костях погребённых. Обрывки от штанов находили в больших курганах,

Рис. 1. Прорисовка татуировки на плече мужчины.
Курган 3 могильника Верх-Кальджин 2

но если бы не укокские находки, они никогда не были бы идентифицированы, ведь не существовало ни аналога, ни прецедента. С.И. Руденко вообще предполагал, что пазырыкских мужчин могли хоронить без штанов, раз они не обнаружены.

Также установлено, что рубахи одного фасона, но сшитые из разных материалов, из Второго Пазырыкского кургана являлись одеждой женщин, а до находок на Укоке они считались мужскими. Благодаря нетронутым погребальным комплексам Укока некоторые из давно известных вещей наконец обрели своё истинное назначение. Уточнены детали кроя пазырыкских кафтанов — шуб: то, что ранее считалось нагрудником, оказалось «хвостом».

В «замёрзших» могилах Укока обнаружены целые головные уборы мужчин и женщин, что позволило восстановить их форму и комплект их украшений. Установлено, что женщины носили, возможно только посмертно, сложные парики, а мужчины — войлочные шлемы. И то, и другое было украшено фигурками животных — оленей, коней, птиц. Все фигурки были вырезаны из кедра, и на них нанесено тонкое покрытие из золотой фольги. Золотых предметов в не разграбленных погребениях пазырыкцев даже довольно высокого ранга не обнаружено, за исклю-

Фото 3. Фрагмент татуировки на плече женщины. Курган 1 могильника Ак-Алаха 3

чением серёжек из проволоки. Несколько полновесных серебряных украшений и сломанная золотая серьга, обнаруженные во Втором Пазырыкском кургане, оказались импортными изделиями. Представления о золотых сокровищах пазырыкских могил не имеют под собой никаких оснований. У пазырыкцев было много золота, но в виде фольги, которая позволяла им по желанию делать «золотыми» все предметы.

По находкам в мужских погребениях были впервые реконструированы войлочные гориты (футляры для лука и стрел) пазырыкцев, имеющие прямые аналоги в изделиях, запечатлённых у сакских воинов на персепольских барельефах. Семена конопли и кориандра, которые находили как в погребениях царских Пазырыкских курганов, так и в погребении женщины на Укоке, имели одно и то же предназначение – воскурение, при котором происходило вдыхание паров с лёгким наркотическим эффектом от брошенных на раскаленные камни семян. Вероятно, пазырыкцы

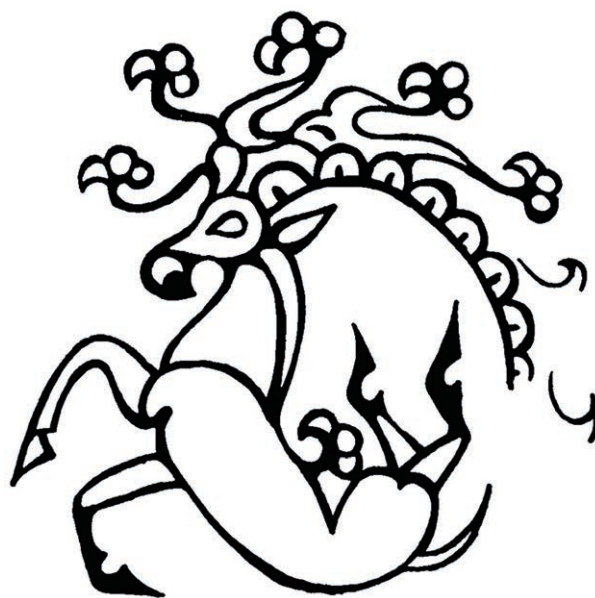

Рис. 2. Прорисовка татуировки на плече женщины. Курган 1 могильника Ак-Алаха 3

не различали их – внешне похожие, семена конопли и кориандра обладали во многом близкими наркотическими свойствами, очень важными для людей как болеутоля-

Рис. 3. Костюм пазырыкской женщины: 1–5 — предметы одежды и парик, обнаруженные на мумифицированном теле женщины из кургана 1 могильника Ак-Алаха 3. Внизу — реконструкция женского костюма

ющее лекарственное средство. И это лишь немного из того, что открыл Укок для исследователей пазырыкской культуры.

Культура в лицах

Ещё на заре изучения этой культуры М.П. Грязнов и С.И. Руденко писали о её своеобразии, непохожести на другие. После открытия и изучения «замёрзших» могил Укока это первоначальное впечатление исследователей только укрепилось. Чем больше мы узнаём о пазырыкской культуре, тем больший интерес вызыва-

ют люди — её создатели. Только люди могут объяснить, почему затерянные в горах Алтая, вдалеке от великих цивилизаций древности, они будто собрали их осколки и создали свой неповторимый мир, в котором нашлось место сложным обрядам мумификации и татуировки, дыму благовоний и нарядам, столь же красивым, сколь и непрактичным, ряженым коням и нарядным колодам, уплывающим подводными реками в неизвестные нам миры. Методами дендрохронологии установлено, что все пазырыкские захоронения на плато укладываются примерно в 39 лет. Появилась возможность представить в лицах общество почти одновременно существовавших людей.

Хотя к антропологическому аспекту пазырыкской культуры привлечено внимание исследователей практически с момента её открытия, но до последнего десятилетия XX в. изучение останков людей из пазырыкских курганов ограничивалось классической программой измерения и описания в основном немногочисленного краниологического материала [9]. К настоящему времени антропологический контекст пазырыкской культуры стал более обширным, он представлен не только антропометрическими и одонтоскопическими, но и биоархеологическими данными, которые могут стать основой для описания тех или иных сторон жизнедеятельности носителей пазырыкских культурных традиций и некоторых обобщений теоретического плана. Разработаны модели биологического генезиса антропологического состава населения пазырыкской культуры, и дифференцированы его культурно-генетические связи с представителями широкого спектра археоло-

гических культур Евразии [10]. Проведён комплексный анализ палеодиеты по одонтологическим данным [11]. Открыта «пазырыкская» хирургия, уровень которой позволял пазырыкским целителям успешно проводить жизнесохраняющие операции с интракраниальным вмешательством на голове человека [12]. В результате проведённого в Международном томографическом центре СО РАН исследования мумии женщины на магнитно-резонансном томографе Achieva Nova (Phillips, индукция магнитного поля 1,5 Тл) были установлены весь спектр её заболеваний, причина смерти и даже реконструирован последний этап жизни [13].

Для установления степени родства людей, похороненных в одной могиле, проведено палеогенетическое исследование мужчин из кургана 1 могильника Ак-Алаха 1, в результате которого стало очевидным, что погребённые в одной могиле в рядом стоящих колодах мужчины не являлись близкими родственниками (отец и сын, братья), как обычно в таких случаях предполагают археологи [14].

Эти исследования продолжились в ходе нашего проекта, ориентированного на поиск связей между особенностями антропологического статуса пазырыкцев (индивидуально-типологического и популяционного) и локально-территориальной вариативностью традиций в рамках единого социокультурного феномена.

Мы акцентировали внимание на индивидуальных особенностях людей, похороненных в долине реки Ак-Алахи на плато Укок на юго-западе Горного Алтая. Установлено, что в ак-алахинских погребениях похоронены люди, морфологические

Рис. 4. Костюм пазырыкского мужчины:
1, 2 — предметы одежды, обнаруженные в погребении в кургане 3 могильника Верх-Кальджин 2; 3, 4 — предметы одежды из погребения в кургане 1 могильника Ак-Алаха 1; 5–7 — реконструкции мужского костюма

комплексы которых могут быть отнесены к нескольким антропологическим типам. Этот факт имеет решающее значение для понимания сущности и необычности пазырыкской культуры, которые заключаются в том, что она явилась результатом интеграции людей с разными генетическими корнями, в основном, по сути, мигрантами.

Мы выявили три основных компонента в антропологическом составе пазырыкской культуры. Автохтонный компонент, занимающий как бы промежуточное по-

Фото 4. Антропологическая скульптурная реконструкция по черепу мужчины из погребения на памятнике Бертек 12, курган 1. Плато Укок (выполнена Д.В. Поздняковым)

Фото 5. Антропологическая скульптурная реконструкция по черепу мужчины из погребения 1 кургана 1 могильника Ак-Алаха 1 (выполнена Д.В. Поздняковым)

ложение по отношению к двум большим расам — монголоидной и европеоидной, восходит к каракольской культуре бронзового века и к рубежу неолита–энеолита. Выполненная для мужчины из погребения памятника Бертек-12 антропологическая скульптурная реконструкция визуализирует облик людей с морфологическими чертами автохтонного компонента (фото 4).

Европеоидный компонент в антропологическом составе пазырыкской культуры связан своим происхождением с населением сакской историко-культурной общности Волго-Уралья, Средней Азии и Казахстана. Реконструкция соматологических черт двух индивидов мужского пола из кургана Ак-Алаха 1 дополнила комплекс краниометрических параметров, позволила обнаружить аналогии в типологических комплексах современного населения и конкретизировать регион, откуда пришли на Алтай захороненные в этом кургане люди (фото 5, 6).

Индивиды с подобным комплексом черт встречаются в сакском населении Западного Казахстана. Если перенести

поиск сходства из синхронной пазырыкской культуры древности в антропологический состав современного населения, то физиономически близкие мужчинам из Ак-Алаха 1 люди концентрируются в области Среднеазиатского междуречья (основных рек Средней Азии Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи). Прослеживаемые у населения этой территории (узбеков и таджиков) антропологические типы относятся к полиморфной европеоидной памиро-ферганской расе.

Восточный или монголоидный компонент в антропологическом составе пазырыкской культуры специфичен и тяготеет к краниологическим вариантам хуннского населения южного и юго-восточного Забайкалья. Антропологическая скульптурная реконструкция по черепу мужчины из кургана 5 могильника Ак-Алаха даёт визуальное представление об этой специфичности (рис. 7).

Вовлечение этого расового компонента в антропологическую среду пазырыкской культуры свидетельствует о существова-

Фото 6. Антропологическая скульптурная реконструкция по черепу молодого мужчины из погребения 2 кургана 1 могильника Ак-Алаха 1 (выполнена Д.В. Поздняковым)

Фото 7. Антропологическая скульптурная реконструкция по черепу мужчины из погребения кургана 5 могильника Ак-Алаха 5 (выполнена Д.В. Поздняковым)

нии пока не ясных взаимоотношений пазырыкцев с монголоидными народами Восточной Сибири, где этот расовый компонент существовал ещё со времен неолитической китойской культуры. Нет никаких оснований считать, что людей такого антропологического типа можно связывать с проникновением хунну на территорию Горного Алтая. Во-первых, потому, что «хунну» они стали после завоевания походами шаньюя Модэ их исконной территории в Забайкалье, а это случилось позднее — на рубеже III–II вв. до н.э. Во-вторых, потому, что ничего «хуннского» (имеются в виду культурные традиции и комплекс материальной культуры) они в пазырыкскую культуру не привнесли. И, в-третьих, в гунно-сарматское время на территории существования пазырыкской культуры жили уже совсем другие люди. В составе населения булан-кобинской культуры, сменившего пазырыкцев, уже не было представителей ни европеоидного, ни монголоидного типов, характерных для пазырыкского общества. Из общего у них со-

хранился только автохтонный компонент, занимающий промежуточное положение по отношению к двум чётко дифференцированным расам Евразии — европеоидной и монголоидной — и отнесённый к южной антропологической формации [15]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что люди, представляющие восточный монголоидный компонент в пазырыкской культуре, были своего рода беженцами из нестабильной и опасной степи, где войны чередовались с набегами. Это могло явиться причиной того, что некоторые семьи стали искать убежище и уходить в горы.

Приведённые данные позволяют считать пазырыкскую культуру Горного Алтая новой популяцией, сформировавшейся в результате тесных контактов между пришлым (группами, мигрировавшими с территории современной Средней и Передней Азии, а также отдельными представителями монголоидных народов Восточной Сибири) и автохтонным населением [16].

Установленный факт, что в сложении пазырыкской культуры заметную роль играли выходцы с удалённых от Горного Алтая территорий, из иной природно-климатической среды, сыграл решающую роль в том, что патологический статус пазырыкцев Укока оказался крайне негативным, что нашло выражение и в небольшой продолжительности жизни людей этой популяции, и в установленном и доказанном факте, что пазырыкцы с ранних лет были обременены комплексом заболеваний, среди которых наиболее распространены болезни, поражающие опорно-двигательный аппарат, опухоли, патологии зубочелюстной системы. Этот комплекс коллектив-

ных заболеваний и патологий можно назвать ценой адаптации, следствием общего стресса и напряжения отдельных физиологических систем, при которых происходит формирование целого ряда изменений в организме, носящих предпатологический или даже патологический характер.

Все эти негативные обстоятельства, конечно, нашли отражение в пазырыкской культуре, в её традициях и обрядах, в обстоятельствах жизни и смерти. Но оставленное ею культурное наследие настолько притягательно и неповторимо, что до сих пор является частью живой культуры современных тюркских и монгольских народов, видящих в её представителях своих предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001.
2. Самашев З.С. Берел // Алматы: Таймас, 2011.
3. Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замёрзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: ИД «Триумф принт», 2012.
4. Полосьмак Н.В. Бальзамирование у пазырыкцев Укока // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. (Палеоэкология, антропология, археология). М.: Изд-во ГИМ, 2000. С. 67–73.
5. Polosmak N. Tattoos the Pazyryk world // Journal of the Korean ancient historical society. Seoul, 1998. № 29. P. 187–201.
6. Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. (22). С. 48–59.
7. Полосьмак Н.В. Пазырыкский стиль // Там же. 2021. № 4 (49). С. 42–55.
8. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2005.
9. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.: Наука, 1953 и др.
10. Чикишева Т.А. Антропология носителей пазырыкской культуры // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 35–49.
11. Мачичек М.Л., Зубова А.В., Пищевые стратегии в скотоводческих обществах. Одонтологические данные // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 149–159.
12. Чикишева Т.А., Зубова А.В., Кривошапкин А.Л., Курбатов В.П., Волков П.В., Титов А.Т. Комплексное исследование трепанаций у ранних кочевников Горного Алтая // Там же. 2014. 1(57). С. 130–141.
13. Летягин А.Ю., Савелов А.А., Полосьмак Н.В. Высокопольная магнитно-резонансная томография антропоархеологического объекта из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 (Укок): результаты и интерпретация // Там же. № 4 (60). С. 83–91.
14. Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Полосьмак Н.В. Палеогенетическое исследование носителей пазырыкской культуры из могильника Ак-Алаха-1 (Горный Алтай) // Там же. 2015. № 4 (43). С. 147–153.

15. Поздняков, Д.В., Чикишева Т.А. Население булан-кобинской культуры по антропологическим данным // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. С. 594–600.
16. Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А. Пазырыкская культура в свете миграционных процессов // V Международный симпозиум «Мобильность и миграция. Концепции. Методы. Результаты» // Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 171–174.

ENGLISH

Pazyryk Culture in the 21st Century: Discoveries and Hypotheses

Natalia Viktorovna Polosmak – Corresponding Member of the RAS, Chief Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography (IAE), Siberian branch of the RAS, head of the project "Pazyryk Culture in the 21st Century: New Interpretations and Concepts" (18-09-40048).

E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Tatyana Alekseevna Chikisheva – Doctor of History, Leading Researcher, IAE, Siberian branch of the RAS, co-researcher in the same project.

E-mail: chikishevata@mail.ru

Dmitry Vladimirovich Pozdnyakov – Candidate of Science (History), Chief Researcher, IAE, Siberian branch of the RAS, co-researcher in the same project.

E-mail: dimolka@gmail.com

The 21st century heralds the qualitatively new level of the Pazyryk culture research. Along with more in-depth insights into the material culture and the reconstruction of the worldview possessed by the Pazyryk people, the core focus now is on the study of a human being, with all physical features, pathologies and diseases; cultural marks (tattoos and mummification); hairstyle; clothing, etc. We explored individual traits of the people buried in the River Ak-Alakha valley on Ukok Plateau in the southwestern Altai Mountains. It has been confirmed that the morphology of those buried people refers to several anthropological types. This is a core fact for the understanding of nature and peculiarity of the Pazyryk culture: this culture was the result of integration among people with different genetic roots, mostly migrants.

The obtained insights let consider the Pazyryk culture of the Altai Mountains as a new population formed as a result of close contacts between newcomers (migrants from today's Central and Western Asia as well as Mongoloid individuals of Eastern Siberia) and the indigenous people. It is proven that migrants from remote lands with different nature and climate contributed much to the Pazyryk culture formation, which was decisive for the pathological status of the Pazyryk people of Ukok as extremely negative. The anthropological reconstruction of four men's appearance from the River Ak-Alakha valley mounds using M.M. Gerasimov's method has helped to trace similarities in the types of the modern population and identify exact regions from where the people later buried in the mounds could have arrived in Altai.

Keywords: Pazyryk culture, Ukok Plateau, "frozen" burials, individual anthropological features, anthropological types, pathological status of the population, anthropological reconstruction

REFERENCES

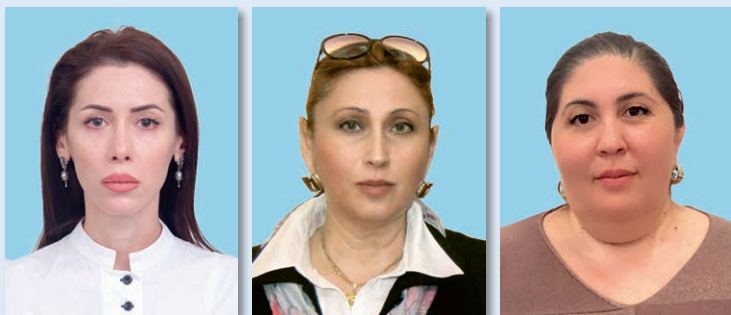
1. Polos'mak N.V. Vsadniki Ukoka. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2001 (in Russian).
2. Samashev Z.S. Berel // *Almaty: Taimas*, 2011 (in Russian).
3. Molodin V.I., Partsinger G., Tseveendorzh D. Zamyorzshie pogrebal'nye komplekсы pazyrykskoi kul'tury na yuzhnykh sklonakh Sailyugema (Mongol'skii Altai). M.: ID «Triumf print», 2012 (in Russian).
4. Polos'mak N.V. Bal'zamirovanie u pazyryktsev Ukoka // *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e. (Paleoekologiya, antropologiya, arheologiya)*. M.: Izd-vo GIM, 2000. S. 67–73 (in Russian).
5. Polos'mak N. Tattoos the Pazyryk world // *Journal of the Korean ancient historical society*. Seoul, 1998. № 29. P. 187–201.
6. Barkova L.L., Pankova S.V. Tatuировки na mumiyah iz Bol'shikh Pazyrykskikh kurganov (novye materialy) // *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2005. № 2. (22). S. 48–59 (in Russian).
7. Polos'mak N.V. Pazyrykskii stil' // *Tam zhe*. 2021. № 4 (49). S. 42–55 (in Russian).
8. Polos'mak N.V., Barkova L.L. Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.). Novosibirsk: INFOLIO-press, 2005 (in Russian).
9. Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. M.: Nauka, 1953 i dr. (in Russian).
10. Chikisheva T.A. Antropologiya nositelei pazyrykskoi kul'tury // *Fenomen altaiskikh mumii*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2000. S. 35–49 (in Russian).
11. Machichek M.L., Zubova A.V., Pishchevye strategii v skotovodcheskikh obshchestvah. *Odontologicheskie dannye* // *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2012. № 3 (51). S. 149–159 (in Russian).
12. Chikisheva T.A., Zubova A.V., Krivoshepkin A.L., Kurbatov V.P., Volkov P.V., Titov A.T. Kompleksnoe issledovanie trepanatsii u rannih kochevnikov Gornogo Altaya // *Tam zhe*. 2014. 1 (57). C. 130–141 (in Russian).
13. Letyagin A.Yu., Savelov A.A., Polos'mak N.V. Vysokopol'naya magnitno-rezonansnaya tomografiya antropoarheologicheskogo ob'ekta iz kurgana 1 mogil'nika Ak-Alaha-3 (Ukok): rezul'taty i interpretatsiya // *Tam zhe*. № 4 (60). S. 83–91 (in Russian).
14. Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Polos'mak N.V. Paleogeneticheskoe issledovanie nositelei pazyrykskoi kul'tury iz mogil'nika Ak-Alaha-1 (Gornyi Altai) // *Tam zhe*. 2015. № 4 (43). S. 147–153 (in Russian).
15. Pozdnyakov, D.V., Chikisheva T.A. Naselenie bulan-kobinskoi kul'tury po antropologicheskim dannym // *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. T. XXVII. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2021. S. 594–600 (in Russian).
16. Polos'mak N.V., Chikisheva T.A. Pazyrykskaya kul'tura v svete migratsionnykh protsessov // *V Mezhdunarodnyi simpozium «Mobil'nost' i migratsiya. Kontseptsii. Metody. Rezul'taty»* // Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN, 2019. S. 171–174 (in Russian).

ЭКОНОМИКА

Индекс УДК 338.43

Код ГРНТИ 06.71.07

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-108-01-47-62

**Л.З. ХАЛИШХОВА,
И.Р. ГУЧАПШЕВА,
А.Х. ТЕМРОКОВА***

Зарубежный опыт функционирования сельскохозяйственных систем, базирующихся на принципах устойчивого развития

В рамках статьи исследованы сельскохозяйственные системы, соответствующие принципам устойчивого развития, нивелирующие недостатки традиционных интенсивных систем земледелия. Освещаются тенденции развития мирового органического сельского хозяйства, включая опыт правового регулирования и государственной поддержки данного направления за рубежом с целью адаптации к национальной практике. Рассмотрено современное состояние органического сельского хозяйства США и Евросоюза: законодательная база, система сертификации, основные мероприятия при переходе от традиционного сельского хозяйства к органическому производству. Предложен комплекс мер по развитию отечественного рынка органической продукции, реализация которого обеспечит рост доли качественной продукции на агропродовольственном рынке, откроет возможности для решения экологических проблем, позволит сформировать основы устойчивого развития сельских территорий.

* **Халишхова Лаура Заурбековна** — кандидат экономических наук, начальник отдела сопровождения грантов и научно-технических программ Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета (ГАУ) им. В.М. Кокова, руководитель проекта «Антиномия и феномен устойчивости агроэкосистем: эколого-экономическая безопасность и глобальные тренды антропогенных изменений окружающей среды» (20-010-00935).

E-mail: l_a_u_r_a@inbox.ru

Гучапшева Инга Раулевна — кандидат филологических наук, заведующая отделением среднего профессионального образования Кабардино-Балкарского ГАУ им. В.М. Кокова, исполнитель того же проекта.

E-mail: guchapshvai@mail.ru

Темрокова Анжела Хажмуратовна — кандидат экономических наук, преподаватель предметно-цикло-вой комиссии экономических и юридических дисциплин отделения среднего профессионального образования Кабардино-Балкарского ГАУ им. В.М. Кокова, исполнитель того же проекта.

E-mail: angela_gan@mail.ru

Ключевые слова: органическое сельское хозяйство, устойчивое развитие, агроэкосистема, продовольственная безопасность, государственная поддержка, экологический менеджмент, экологический стандарт

Наметившиеся тенденции прогресса в современном мире принесли существенное материальное благополучие населению, но в то же время создали перманентно растущую экологическую нагрузку на экосистемы: атмосферу, почву, водные ресурсы, живые организмы и пр.

Современное состояние агроэкосистем

Одним из доминирующих факторов деградации агроэкосистем выступает химизация сельского хозяйства. Стремительное развитие агропродовольственных систем, базирующихся на применении промышленных технологий, позволило многим странам достичь продовольственной самообеспеченности, обострив вместе с тем глобальные экологические проблемы. Согласно данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединённых Наций за 2019 г., из тысяч видов продовольственных растений не более 200 вносят существенный вклад в производство продовольствия во всём мире и лишь 9 из них составляют 66% общего объёма производства продукции растениеводства, что приводит к утрате биоразнообразия в агроэкосистемах [10].

В сложившихся обстоятельствах усилия мирового сообщества необходимо направить на поиск путей снижения антропогенной нагрузки на агроэкосистемы и их трансформации с целью обеспечения устойчивого развития и сбережения экосистем. Необходимо активизировать поиск и внедрение комплексных решений по стимулированию экологически адаптированных и безопасных практик в национальных продовольственных системах [9].

Новая модель сельхозпроизводства должна основываться на широком при-

менении научных знаний, обеспечивая возможности сервисных услуг, менеджмент агроландшафтов, производство высококачественной органической продукции с большой добавленной стоимостью [11].

Выделим разновидности сельскохозяйственных систем, соответствующих принципам устойчивого развития и нивелирующих недостатки традиционных интенсивных систем земледелия:

- ◆ **органическое сельское хозяйство** — для данной системы характерны запреты на применение химических удобрений, средств защиты растений, кормовых добавок, соблюдение высоких стандартов содержания сельскохозяйственных животных; сертификация производственных процессов и продукции уполномоченными органами;
- ◆ **климатически оптимизированное сельское хозяйство** — данная система направлена на обеспечение устойчивого производства с адаптацией к климатическим особенностям, сокращение выбросов парниковых газов;
- ◆ **биологизированное сельское хозяйство** — данная система характеризуется применением преимущественно биологических препаратов и методов, ориентированных на улучшение микробиологии почв и сбережение их продукционного потенциала;
- ◆ **экосистемное сельское хозяйство** — данная система направлена на сохранение, восстановление и рациональное использование биоразнообразия экосистем и естественных экосистемных процессов.

Органическое сельское хозяйство как система, соответствующая принципам устойчивого развития

В основе указанных систем сельскохозяйственного производства находятся ин-

новационные подходы, ориентированные на достижение продовольственной безопасности, формирование инклюзивного, экологически безопасного и устойчивого аграрного сектора.

В международной практике самым распространённым является органическое сельское хозяйство. Наибольший объём органической продукции сельского хозяйства производится сегодня в странах Западной Европы и Северной Америки. На долю указанных стран приходится порядка 90% всего товарооборота органической продукции, при этом темп роста рынка органической продукции составляет около 2% в год [11].

Система органического сельского хозяйства зародилась в США и Европейском союзе в 1970-е гг. В 1972 г. в Версале была основана Международная Федерация органического сельскохозяйственного движения (IFOAM). Основными целями данной организации стали распространение информации и внедрение органического сельского хозяйства во всех странах мира. К настоящему моменту IFOAM охватывает 187 стран мира.

Согласно определению, принятому Генеральной ассамблеей IFOAM, органическое сельское хозяйство представляет собой производственную систему, которая поддерживает благоприятное состояние почв, агроэкосистемы в целом, социума. Данная система основывается на процессах экологизации производственной деятельности, на поддержании биологического разнообразия, конвергенции природных циклов с производством, отказе от неблагоприятных воздействий на окружающую среду. Органическое сельское хозяйство представляет собой синтез традиционных и современных высокотехнологичных подходов, научных достижений, базу формирования справедливых взаимоотношений, обеспечивающих высокий уровень и качество жизни всех субъектов агроэкосистемы.

подавляющее большинство стран, включая ЕС, в качестве основы национального законодательства используют стандарты,

разработанные IFOAM. Ведущими странами, импортирующими органическую продукцию, являются США и Европейский союз. Таким образом, стандарты указанных регионов влияют на мировую торговлю органической продукцией и продвижение их в других странах [2].

Данные Исследовательского института органического земледелия (FiBL), опубликованные в ежегодном обзоре «Мир органического сельского хозяйства», содержат следующую информацию: сельскохозяйственные угодья органической направленности увеличились на 1,1 млн га и составили 72,3 млн га, что представляет собой рост на 1,6%. По состоянию на 2019 г. продажи органических продуктов питания достигли 106 млрд евро. Лидерами выступают США (44,7 млрд евро), далее следуют Германия (12,0 млрд евро) и Франция (11,3 млрд евро).

В 2019 г. было зарегистрировано 3,1 млн производителей органической продукции. В России действует около 120 производителей органической продукции, площадь земель под органическим земледелием составляет 674,4 тыс. га. Площади сельскохозяйственных земель, отведённых под органическое земледелие в основных странах – представителях ЕАЭС и в регионах мира, представлены в табл. 1 и 2.

В России по вопросам органического производства официальная статистика не ведётся. По оценкам экспертов, за последние 15 лет рынок органической продукции в нашей стране вырос примерно в 15 раз. В 2005 г. его объём составлял около 700 млн руб. (100% объёма рынка – импорт), а к 2020 г. был достигнут показатель 10 млрд руб. (причем 10% – отечественная продукция). Данные представлены на рис. 1 [6].

По данным Центра отраслевой экспертизы Россельхозбанка, отечественный рынок органической продукции находится в начале роста. Доля органической продукции в структуре продовольствия России составляет около 0,1%. К концу 2021 г. по прогнозам рост объёма рынка органической про-

Таблица 1

**Распределение площадей органик-сельхозугодий
по странам ЕАЭС (2020 г.)***

№ п/п	Страна — представитель ЕАЭС	Площадь органик-сельхозугодий, тыс. га
1	Россия	674,4
2	Казахстан	294,3
3	Киргизия	19
4	Беларусь	1,6
5	Армения	0,6
6	Прочие	10,1

* Составлено по данным Евразийской комиссии.

Таблица 2

**Распределение площадей органик-сельхозугодий
по регионам мира (2020 г.)***

№ п/п	Страна — член ЕАЭС	Площадь органик-сельхозугодий, млн га
1	Океания	36,0
2	Европа	16,5
3	Латинская Америка	8,3
4	Азия	5,9
5	Северная Америка	0,6
6	Африка	10,1

* Составлено по данным Евразийской комиссии.

дукции должен был достичь 12 млрд руб. При этом общая ёмкость рынка продуктов питания оценивается в 10 трлн руб.

Пандемия COVID-19 вызвала рост спроса на органические продукты питания в мире. Специалисты Центра отраслевой экспертизы Россельхозбанка оценили рост органического рынка в 2021 г. в пределах 12%, с достижением объёма в 140 млрд долл. США.

Несмотря на растущую динамику, доля отечественного производства органической продукции в мировом составляет лишь 0,2%. В то же время Россия — с учётом природных характеристик, развитой транспортной инфраструктуры, низкого уровня загрязнения окружающей среды — обладает значительным потенциалом роста органического производства.

По приросту сертифицированной земли Россия находится среди стран-лидеров

и в то же время на 17-м месте по площади сертифицированных угодий. Данная тенденция сложилась из-за достаточно большого числа угодий в России, а также по причине сертификации под будущие проекты, в то время как в Европе площади сертифицированных земель примерно равны обрабатываемым площадям.

Число сертифицированных товаропроизводителей органической продукции в России, по данным Евразийской комиссии, составляет порядка 120 с ежегодным приростом на четыре–семь (рис. 2). Наполнение и динамичное развитие рынка не может быть обеспечено такими темпами. Для того чтобы приблизиться к показателям ведущих европейских стран, число сертифицированных предприятий должно увеличиваться примерно на 200 в год в течение пяти–шести лет. Слабая динамика процесса во мно-

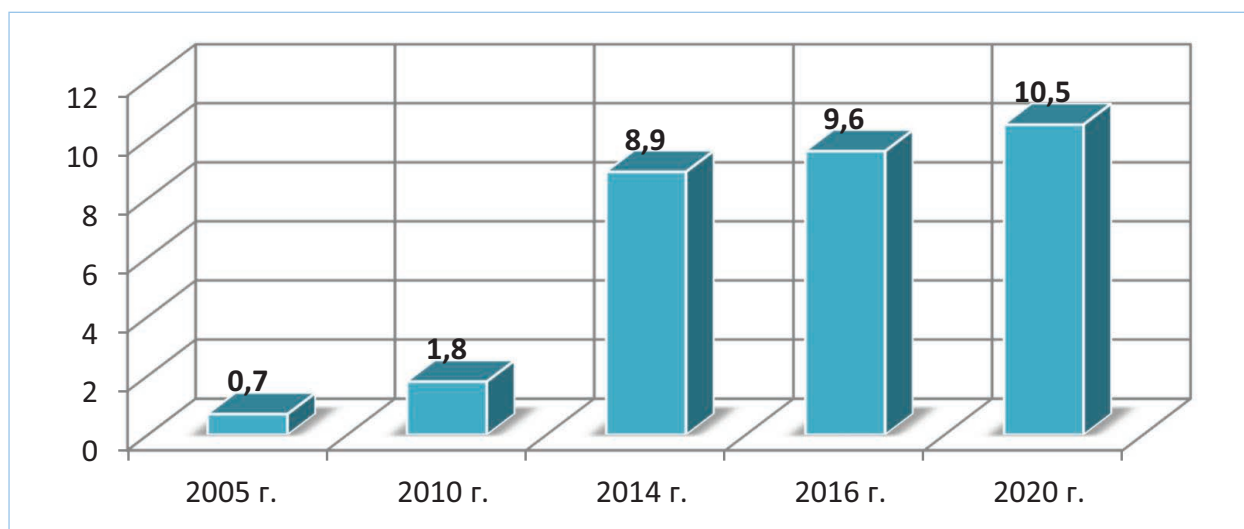

Рис. 1. Объёмы органического рынка РФ, млрд руб.

гом объясняется тем, что порядка 95% инвестиций в органический сектор поступает от частных фирм. Для сравнения: государственная политика США и Европы выстраивается по другим принципам: в развитие органического сектора вкладываются существенные средства, выделяются дотации производителям органической продукции.

Структура рынка органической продукции России схожа со структурой рынка Европы (рис. 3).

Что же касается объёмов потребления органической продукции на душу населения, то в России они значительно отличаются от европейских. Устойчивая группа потребителей органической продукции составляет менее 1% населения России. При этом стоимость потребляемой органической продукции на человека составляет менее 1 евро, в то время как в Дании, например, 312 евро (рис. 4). По данным фонда «Посткризисный мир», около 60% россиян желают приобретать органическую продукцию, порядка 25% осведомлены об органической продукции. Несмотря на это, рынок органической продукции в продовольственном секторе занимает не более 0,1%, и он может стать устойчивым, только если достигнет 10–15%. Основными причинами отказа россиян от покупки органической продукции выступают её высокая цена (разница в цене на обыч-

ные и органические продукты питания достигает трёх раз. В странах Евросоюза эта разница колеблется от 15 до 50%), слабая информированность населения об органической продукции, формирование спроса в большей степени в крупных городах с более высокой платёжеспособностью населения, отсутствие развитой национальной системы стандартизации, сертификации и контроля качества органической продукции.

В целом рост спроса на органическую продукцию связан со сложившимся в последние годы трендом на здоровый образ жизни. Ведущими приверженцами органической продукции выступают жители США (более 40% объёма мирового рынка); доля стран Евросоюза составляет примерно 30%, Китая – более 8%. По объёму внутреннего рынка выделяются также Швейцария и Великобритания (см. рис. 4).

Данные по объёму потребления органической продукции на душу населения приведены на рис. 5.

В целом мировой рынок органической продукции характеризуется превышением спроса над предложением. Тренды мирового рынка открывают значительные перспективы перед Россией и странами ЕАЭС. Развитие данного направления позволит обеспечить переход к высокомаржинальному сельскохозяйственному

производству и ускорить экономический рост в АПК. Приверженность данному направлению обусловлена целесообразностью соответствия векторов развития отечественного АПК глобальной динамике сельскохозяйственного рынка, а также необходимостью формирования устойчивой сельскохозяйственной системы в нашей стране, базирующейся на инновационных подходах, которые обеспечивают основные конкурентные преимущества и снижают зависимость сельхозтоваропроизводителей от дорогостоящих ресурсоинтенсивных практик.

К числу приоритетов органического земледелия в первую очередь относится восстановление плодородия почв, основное на:

- ◆ применении научно обоснованного севооборота, внесении органических удобрений, бережной обработке земель;
- ◆ осуществлении процессов сельскохозяйственного производства в соответствии с законами природы;
- ◆ достижении максимально закрытого круговорота питательных веществ в хозяйстве;
- ◆ содержании животных в соответствии с их видовыми особенностями и потребностями;
- ◆ охране водных объектов;
- ◆ поддержании и сохранении биоразнообразия видов.

В условиях отсутствия минеральных удобрений и химикатов ключевое значение в органическом сельском хозяйстве

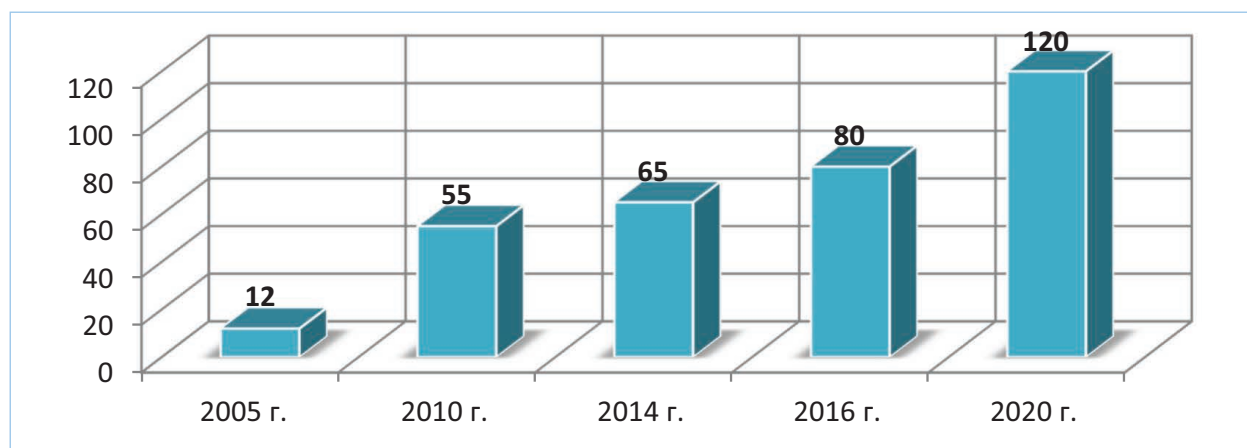

Рис. 2. Динамика числа сертифицированных товаропроизводителей органической продукции в России

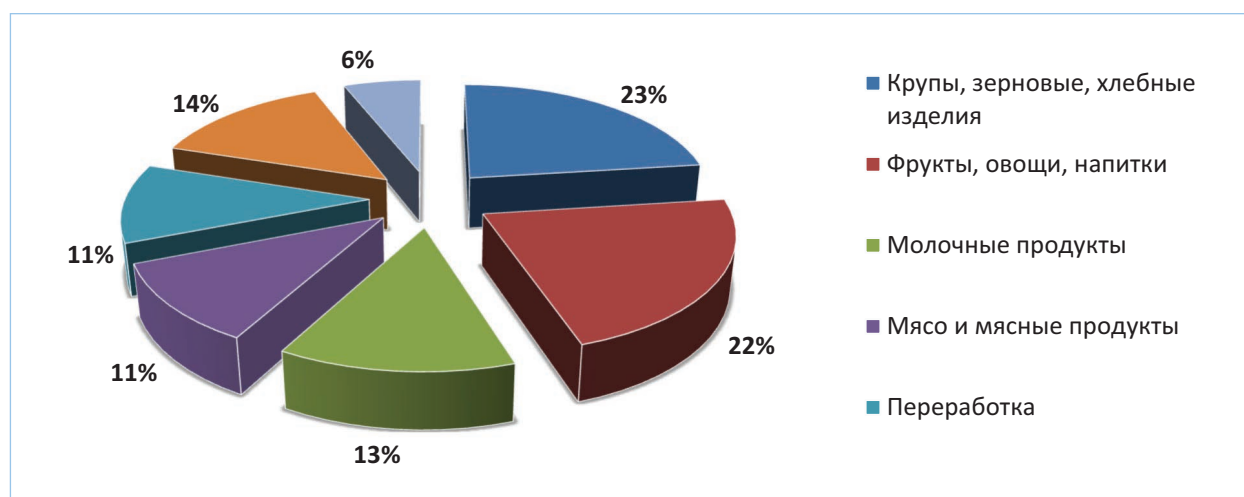

Рис. 3. Структура российского рынка органической продукции

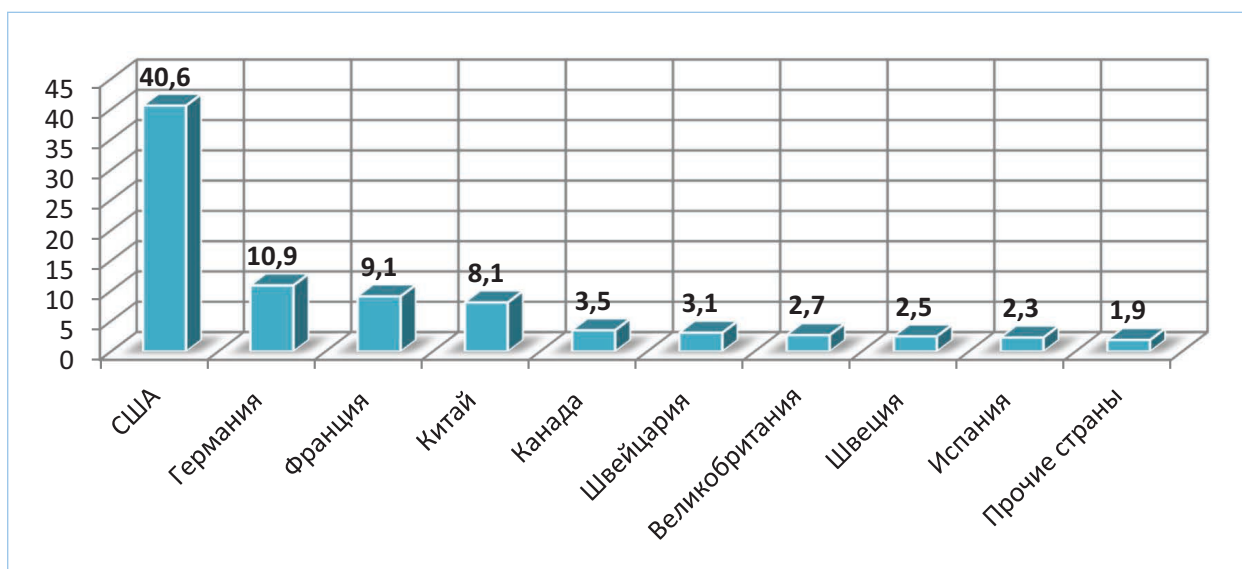

Рис. 4. Страны-лидеры по объёму розничных продаж органической продукции в 2018 г., млрд евро

Источник: данные FIBL&FOAM, 2020 г.

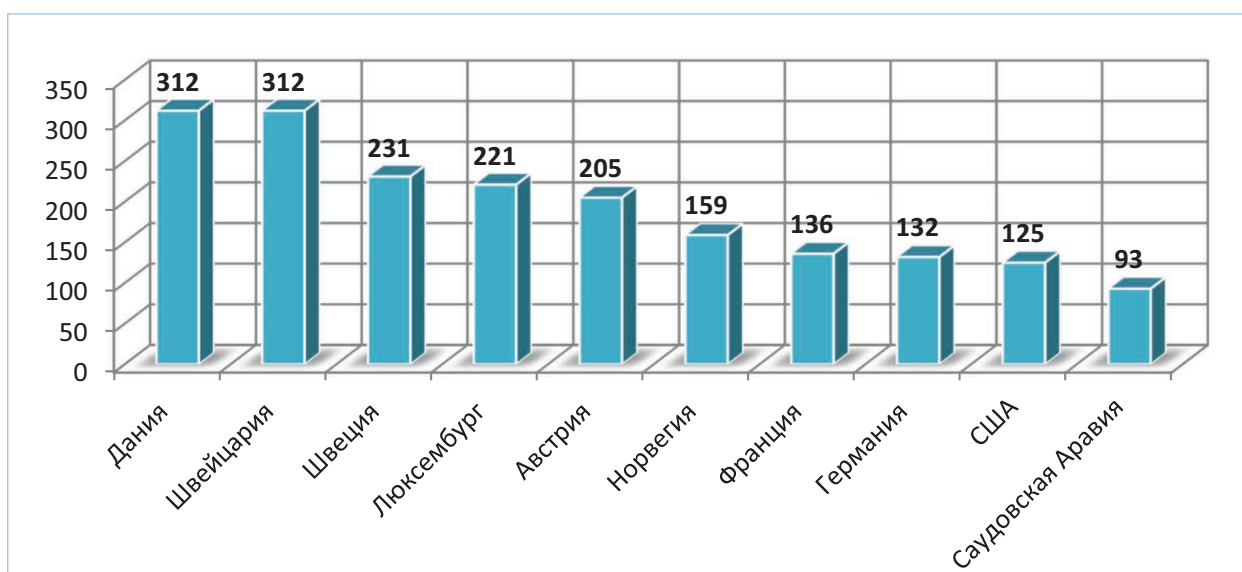

Рис. 5. Страны-лидеры по объёму потребления органической продукции на человека в 2018 г., евро

Источник: данные FIBL&FOAM, 2020 г.

приобретают севообороты и технологии возделывания, что отражается на стоимости и, соответственно, на экономической эффективности производства.

Зарубежная практика поддержки органического сельского хозяйства

Особое значение приобретает система государственной финансовой поддержки. Западноевропейские и американские

фермеры получают систематическую государственную поддержку для развития органического рынка. В Евросоюзе сельхозтоваропроизводители интегрированы в общую сельскохозяйственную политику ЕС (CAP), включая прямую финансовую поддержку, повышение осведомлённости об органических веществах крупных государственных предприятий, основанной на нормативной базе и взаимном доверии.

В рамках сельскохозяйственной политики американское правительство США реализует комплекс мер, направленных на стимулирование производства органической продукции, включая поддержку доходов фермеров, развитие производства, стимулирование экспорта.

Основным инструментом государственного регулирования выступают государственные программы Министерства сельского хозяйства США, содержащие финансовые рычаги в виде прямых государственных платежей и кредитов, предоставляемых производителям органической продукции. Назовём основные программы поддержки фермеров:

1. Программа разделения затрат на сертификацию органической продукции. Данная программа позволяет компенсировать производителям сельскохозяйственной продукции до 75% расходов на сертификацию, но в сумме не более 750 долл.
2. Программа финансовой помощи для создания охранных буферных зон. Согласно положениям данной программы, производители органической продукции покрывают расходы на создание лесополос, которые защищают поля, отведённые под выращивание органических культур.
3. Программа помощи при потере урожая незастрахованных сельскохозяйственных культур в случае стихийных бедствий. В соответствии с данной программой производители в случае неурожая либо потери урожая из-за стихийных бедствий могут рассчитывать на финансовую помощь, которая покрывает до 65% стоимости ожидаемого урожая по ценам, составляющим до 100% средней рыночной цены.
4. Программа кредитования и субсидирования. Данная программа обеспечивает помощь фермерам в оплате расходов, возникающих при переходе с традиционного на органическое производство, на картирование сельхозугодий, хранение органической продукции, страхование урожая.
5. Программа промежуточного финансирования после сбора урожая. В рамках данной программы фермеры получают ссуды под низкие проценты, обеспечивающие временное финансирование деятельности, что позволяет не продавать урожай по низким рыночным ценам в период массового сбора.
6. Программа природоохранного резерва. Данная программа предоставляет фермерам возможность получения природоохранных займов с низкими процентными ставками и долгосрочным горизонтом погашения. Данные средства позволяют длительное время не обрабатывать и не выпасать эродлируемые земли, чтобы сохранить или восстановить их качество, а затем перевести в категорию органических.
7. Программа ссуд на помещения для хранения. На основе данной программы фермерам предоставляются ссуды под низкий процент на модернизацию, строительство хранилищ и складской инфраструктуры для органической продукции, включая зерновые резервуары, холодильные установки, погрузочно-разгрузочное оборудование и пр.
8. Программа микрозаймов. Программа предполагает микрокредитование в виде прямых кредитов для мелкого агробизнеса на ведение органического сельского хозяйства. Для них характерен минимальный набор документов и более короткий срок рассмотрения заявок на получение кредита. Микрозаймы выдаются на финансирование эксплуатационных расходов, включая покупку машин и оборудования, семенного материала, ремонтные работы, работы по восстановлению земельных и водных ресурсов, приобретение недвижимости и многое другое.

Кроме указанных программ действуют специальные программы в области научных исследований, аналитической, информационной, консультационной и маркетинговой поддержки участников рынка органического сельского хозяйства [7].

Министерство сельского хозяйства США реализует ряд программ страхования урожая органической продукции, программ помощи фермерам на стадии перехода к органическому производству, при проведении природоохранных мероприятий, соответствующих требованиям Национальной органической программы.

Зарубежный опыт демонстрирует наличие комплекса мер государственной поддержки производителей органической сельскохозяйственной продукции, что является ключевым фактором развития органического сельского хозяйства. Среди мер государственной поддержки – разработка соответствующей нормативной базы, специальных стандартов органического производства, субсидирование и дотирование, создание удобных и эффективных инструментов сертификации экологических сельскохозяйственных производств и экологического агроаудита.

В сельском хозяйстве экологические нормативы должны быть обоснованы с позиции природоохранного и санитарно-гигиенического подхода. Важным параметром выступает соответствие нормативов уровню технико-технологического развития. В США к реализации процедур установления экологических стандартов привлекаются профильные специалисты, эксперты соответствующих областей, представители органов власти, общественных движений, предпринимательства и контролирующих структур. Таким образом, экологический стандарт становится результатом компромисса интересов различных участников процесса природопользования. Важное требование при разработке экологических стандартов состоит в их соответствии международным экологическим императивам.

Применение опыта развитых стран, особенно в таком направлении, как сертификация, представляется наиболее актуальным. Процедура сертификации является добровольной. Обладатели экологических сертификатов о соответствии, полученных от международных органов сертификации

(орган сертификации «Международный экологический фонд» (ОС «МЭФ»), аккредитованный в Системе обязательной сертификации по экологическим требованиям РОСС.RU.001.01.ЭТОО), получают право экологической маркировки продукции и сопроводительной документации, а также рекламы продукции как экологически безопасной. Наличие сертификата способствует росту продаж продукции, в том числе на зарубежных рынках [8].

Международный экологический фонд обеспечивает реализацию международной практики в сфере экологической сертификации. Внедрение международных стандартов в области природосбережения и охраны окружающей среды в российской практике происходит крайне медленно. Имплементация осложняется отсутствием в отечественной практике законодательной базы, а также экономических рычагов влияния на сельскохозяйственных товаропроизводителей.

В зарубежной практике на данный момент действуют международные стандарты экологического менеджмента серии ISO-14000. Особенность стандартов данной категории состоит в том, что в качестве объекта нормирования выступает организационно-управленческий процесс в рамках конкретной агроэкосистемы, а не отдельные технологии и параметры продукции. Так, например, внедрение системы экологического менеджмента обеспечивает такие конкурентные преимущества, как экономия материалов вследствие более полной обработки и повторного использования компонентов продукции, более полная утилизация побочной продукции, переработка отходов в коммерчески выгодную продукцию, улучшение продукции вследствие усовершенствования технологического процесса. Комплекс стандартов ISO-14000 ориентирован на формирование в организациях системы экологического менеджмента и позволяет снизить вредное воздействие на окружающую среду. Эти стандарты рассматриваются как стандарты процесса, а не производительности.

Такой подход гарантирует соблюдение необходимых природоохранных требований и соответствующий уровень экологической безопасности. В России в 1998 г. на базе указанных международных стандартов утверждена серия национальных стандартов «Система управления качеством окружающей среды» [5].

Органическое сельское хозяйство представляет собой не просто способ получения экологически чистой продукции, но и эффективный метод сохранения естественного биоразнообразия, восстановления естественных биоценозов.

В органическом сельском хозяйстве имеет место более длительный срок возврата вложенного капитала. Но при этом параметры окупаемости выше, поскольку цены на продукцию, маркированную как органическая, выше, а спрос превышает предложение. В перечень органической продукции, помимо мяса, молока, свежих овощей и фруктов, входят детское питание, вино, кондитерские изделия и хлеб, хлопья, соки, консервированные овощи и фрукты.

Наиболее значительную финансовую поддержку – прямую и косвенную – получает органическое сельское хозяйство в США и Евросоюзе. Косвенная поддержка реализуется при помощи механизмов компенсации части затрат, связан-

ных с сертификацией, интеллектуально-информационным обеспечением и пропагандой развития органического производства.

В США финансовая поддержка органического сельского хозяйства оказывается с 2009 г. Министерство сельского хозяйства США инициировало «Органическую инициативу» в рамках Программы стимулирования качества окружающей среды. Объём финансовой помощи производителям органической продукции в год определён – порядка 20 тыс. долл., а на шестилетний период – на уровне 80 тыс. долл. Данные выплаты предусматривают поддержку проведения экологических мероприятий и выполнения требований Органических стандартов США. Размер данных выплат действует и в настоящее время. Кроме того, поддержка развития рынка органической продукции оказывается на уровне отдельных штатов, в том числе на основе софинансирования в рамках федеральных программ. Поддержка от штатов включает поддержку фермеров в переходный период, субсидирование расходов, связанных с сертификацией, налоговые льготы.

Производители органической продукции в странах Евросоюза также обеспечены широким спектром мер государственной поддержки. Субсидирование осу-

Таблица 3

Примерная структура государственной поддержки органических ферм Германии*

Направление поддержки	Доля обозначенных направлений поддержки в общем объёме государственной поддержки, %
Базисная премия	26
Премия для малых ферм	4
«Зелёная» премия	12
Неиспользованные средства из кризисного резерва	1
Агроэкологические и климатические меры	12
Органическая сертификация	33
Компенсация за неудобицу	13
Итого	100

* Составлено по данным Федерального агентства по сельскому хозяйству и питанию Германии.

Таблица 4

Средние размеры премий за переход и сохранение органического сельского хозяйства в Германии*

	Пашни	Пастбища	Овощеводство	Монокультура
Премия за переход на органическое сельское хозяйство, €/га в год	300	300	900	1100
Премия за сохранение органического сельского хозяйства, €/га в год	230	230	420	800

* Составлено по данным Федерального агентства по сельскому хозяйству и питанию Германии.

ществляется из фондов финансирования Единой сельскохозяйственной политики, а также из национальных и региональных источников. Порядка 30% средств от общего объёма погектарной поддержки выделяется в рамках субсидирования «экологизации» сельскохозяйственного производства. В странах Евросоюза «экологизация» — это не право, а обязанность фермеров. Так, в Германии фермеры обязаны применять технологии земледелия, способствующие защите окружающей среды на не менее чем 5% пахотных угодий. Государственная поддержка немецких фермеров носит массовый и прозрачный характер.

В табл. 3 представлена структура государственной поддержки органических биодинамических ферм.

В странах Европы финансовая поддержка органических ферм устанавливается в расчёте на один га. При этом выплаты в расчёте на один га для органических овощных культур существенно выше выплат на один га пастбищ и обрабатываемых земель для однолетних культур.

По функциональному признаку финансовая поддержка операторов рынка органической продукции предполагает следующие направления:

1. Схемы прямой поддержки производства и развития агропродовольственных рынков. В рамках данного направления поддержка охватывает особые методы ведения сельского хозяйства, имеющие важное значение для улучшения качества окружающей среды и сельскохозяйственной продукции; процессы торговли сельскохозяйственной продукци-

ей; применение методов, соответствующих стандартам гуманного обращения с сельскохозяйственными животными; сельскохозяйственную деятельность, приносящую дополнительные агроэкологические выгоды;

2. Средства, выделяемые на развитие сельских территорий, в частности, на экологическое земледелие, аграрные экологические программы и, например, на региональный маркетинг.
3. Платежи, осуществляемые в рамках национальных и региональных программ поддержки сельского хозяйства. Данный вид платежей направлен в первую очередь на поддержку рынка органической продукции, на создание нормативно-правовой, институциональной и интеллектуально-информационной инфраструктуры. Платежи распространяются на процессы инвестирования в органические фермерские хозяйства, процессы торговли и переработки органической продукции; на услуги, оказываемые по вопросам сертификации, и другие формы контроля на рынке органической продукции; на повышение квалификации и консультационное обеспечение операторов данного рынка, информационное обеспечение, профильное образование, государственные закупки органической продукции, маркетинг, формирование институциональных структур, научных исследований.
4. Финансирование научных исследований рынка органической продукции осуществляется исключительно на национальном уровне.

В странах Евросоюза существует премия за переход на органическое производство. Данная премия представляет собой выплату, которая компенсирует сельхозпредприятиям нагрузку, возникающую в период перехода на методы органического сельского хозяйства, когда показатели урожайности и доходности предприятий более низкие. Европейские предприятия должны отвечать всем требованиям органического сельского хозяйства уже в первые два года. При этом получаемые урожаи и содержащихся животных разрешается реализовывать только как товар переходного периода или даже как обычный. Иначе говоря, фермеры ещё не могут вести ценовую политику экологических товаров, но продолжают инвестировать средства в органические технологии и оборудование. В Германии, например, в переходный период предприятиям выплачиваются более высокие премии, чем при последующем функционировании в качестве экопредприятия. Некоторые данные о субсидировании в переходный период представлены в табл. 4.

Комплекс мер поддержки органического сельского хозяйства, привязанный к площадям, успешно применяется в странах Евросоюза с 1990-х гг. За период с 1995 г. площади, на которых применяются органические технологии в странах Евросоюза, возросли с 1,3 млн га до 14,2 млн га. Количество предприятий, применяющих биотехнологии, увеличилось с 50 тыс. в 1995 г. до более чем 370 тыс.

Распространённой формой поддержки фермеров в США и Евросоюзе являются также научные исследования рынка органической продукции, которые осуществляются исключительно на национальном уровне.

Из применяемых в современных условиях зарубежных схем поддержки органического сельского хозяйства наиболее актуальными для российской практики представляются:

- ◆ финансирование конверсионного периода, субсидирование затрат на процедуры сертификации;

- ◆ увеличение погектарной поддержки;
- ◆ субсидирование применения биоудобрений и биопрепаратов;
- ◆ субсидирование процентной ставки кредитов на развитие производства.

Основные выводы

Ключевая причина существенного отставания России по показателям развития рынка органической продукции заключается в практическом отсутствии комплекса мер по обеспечению организационной и финансовой поддержки производителей органической продукции.

Таким образом, государственная поддержка производителей органической продукции в России по аналогии с зарубежной практикой должна быть организована в рамках трёх направлений:

- ◆ органическая гарантийная система, что требует интенсификации процессов аккредитации органов по органической сертификации;
- ◆ интеллектуально-информационное обеспечение;
- ◆ финансовая поддержка производителей.

Необходимо обеспечить диверсифицированный характер финансовой поддержки с учётом направления органического землепользования и стадии перехода от обычного подхода к ведению сельского хозяйства к органическому.

Адаптация передовой зарубежной практики в области органического сельского хозяйства позволит обеспечить ряд эффектов от развития органического производства на национальном и местном уровнях, а именно:

- ◆ обособить производство органической продукции от прочего производства, что будет способствовать формированию экологически чистой производственной инфраструктуры, повышению уровня, качества жизни и квалификации населения в сельской местности, комплексному развитию сельских территорий;
- ◆ ограничить применение агрохимикатов, пестицидов, стимуляторов роста

и гормональных препаратов, что позволит улучшить экологическую ситуацию в зонах сельскохозяйственного природопользования, внедрять эффективные природосберегающие системы земледелия, совершенствовать культуру земледелия;

- ◆ вводить научно обоснованный севооборот, а также комплекс мер по ограничению ущерба, наносимого вредными организмами; развивать производство биологизированных средств защиты растений, а также выведение новых высокоурожайных устойчивых сортов сельскохозяйственных культур; осуществлять подбор пород и видов сельскохозяйственных животных, адаптированных к климатическим условиям регионов России;
- ◆ наращивать объёмы и ассортимент пищевых добавок и технологических вспомогательных средств;
- ◆ продвигать принципы здорового питания;
- ◆ решать проблемы импортозамещения сельскохозяйственного сырья и продукции.

Развитие органического сельского хозяйства должно быть основано на адаптированных агротехнологиях, включая научно обоснованный севооборот, приёмы точного земледелия, производство биоудобрений, внедрение адаптированных пород животных и устойчивых сортов растений. Вовлечение потенциала научно-исследовательских организаций в области органического земледелия также позволит выработать актуальные научно-технологические решения для внедрения в практику хозяйствования и создаст новые импульсы научно-технологического развития страны. Ключевым фактором развития органического сегмента сельского хозяйства является доля предприятий, обладающих достаточной степенью гибкости и адаптивности производственных процессов. Следует работать над повышением информированности аграриев и потребителей об органической системе зем-

леделия, что также будет способствовать внедрению принципов зелёной экономики в сельское хозяйство России.

Участники рынка органической продукции отмечают целесообразность разработки и реализации комплексных целевых программ научных исследований в обозначенной области земледелия. В первую очередь имеется в виду разработка инновационных адаптированных к соответствующим агроклиматическим условиям технологических систем и агротехнологических карт полного цикла производства органической продукции в соответствии с российскими и международными стандартами. Содействие повышению сбыта органической продукции может быть обеспечено в рамках программы по её продвижению на международные рынки, которую необходимо принять.

Реализация предложенного комплекса мер позволит увеличить число сертифицированных производителей, создать условия для здоровой конкурентной среды, обеспечить поддержку и устойчивое развитие, сформировать спрос и мотивацию потребителей на внутреннем рынке [3].

Для обеспечения активного развития органического сегмента, помимо принятия закона, требуются разработка и реализация государственной программы по данному направлению. Программа должна включать федеральные меры поддержки, масштабные информационные кампании, целевые показатели в цифровом и временном выражении. Более 80% органической продукции в мире сертифицировано по стандартам стран ЕС, США, Японии. На данном этапе международные стандарты не признаются Россией, также как и российские стандарты не признаются в мире. Отечественные производители органической продукции сертифицированы по различным системам стандартизации. Согласно данным Евразийской экономической комиссии, по российским стандартам сертифицированы 63 российские компании, ещё около 50 находятся в переходном периоде от традиционной системы

производства к органической. По международным стандартам сертифицированы 50 российских компаний.

Вступление в силу в 2018 г. Федерального закона «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 280-ФЗ не вызвало бурного роста производства органических продуктов. Отсутствие государственной стратегии развития органической отрасли и комплекса федеральных мер поддержки сдерживает данный рост. В то же время спрос на натуральную продукцию в России, как и в мире в целом, растёт.

Таким образом, научно обоснованное развитие отечественного органического сельского хозяйства, базирующееся на всемерной государственной поддержке, позволит в перспективе обеспечить рост доли качественной продукции на агропродовольственном рынке, внести вклад в решение экологических проблем и устойчивое развитие сельских территорий, вовлечь неиспользуемые земли сельскохозяйственного назначения в производство, создать условия для внедрения инновационных технологий органического земледелия, расширить экспорт и занять лидирующие позиции на рынке органических продуктов в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жангоразова Ж.С., Багова Д.М., Баккуев Э.С., Кунашева З.А., Кунижева Л.Х. Управление экологической устойчивостью сельского хозяйства региона // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2021. № 12. С. 32–35.
2. Климова М.Л. Органическое сельское хозяйство: международный опыт правового регулирования (начало) // Молочная промышленность. 2018. № 5. С. 46–47.
3. Коршунов С. Новые контексты органического сельского хозяйства // Аграрная наука. 2019. № 3. С. 10–11.
4. Мир органического сельского хозяйства: Статистический ежегодник / Научно-исследовательский институт органического сельского хозяйства FiBL и IFOAM-Organics International. 2021. Режим доступа: <https://soz.bio/opublikovana-svezhaya-mirovaya-statist/> (дата обращения: 20.12.2021).
5. Миролюбова С.Ю. Культивируемые биологические ресурсы: понятие и правовое регулирование использования // Экологическое право. 2015. № 3. С. 37–39.
6. Мироненко О.В. Мировой рынок органической продукции // Кондитерское и хлебопекарное производство. 2018. № 1–2. С. 52–57.
7. Новичку в органическом сельском хозяйстве — гид от USDA и Еврокомиссии. [Электронный ресурс] / Аудиторная компания Baker Tilly. Режим доступа: <http://www.bakertilly.ua/ru/news/id1057> (дата обращения: 20.12.2021).
8. Система управления качеством окружающей среды: национальные стандарты РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.studfiles.ru> (дата обращения: 20.12.2021).
9. Тенденции развития органического земледелия в мире [Электронный ресурс] / АПК-Информ. Режим доступа: <http://www.fruit-inform.com/ru/technology/grow> (дата обращения: 20.12.2021).
10. ФАО. Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства Курс на сокращение потерь и порчи продовольствия. Рим, 2019. Режим доступа: <https://doi.org/10.4060/CA6030RU> (дата обращения: 20.12.2021).
11. Hodge I. The Governance of Rural Land in a Liberalised World // Journal of Agricultural Economics. 2007. P. 409–432.

ENGLISH

**International Experience
of Sustainable Farming Systems Operation**

Laura Zaurbekovna Khalishkhova – Candidate of Science (Economics), Head of the Department for Grants and Research & Technology Programs, V.M. Kokov's Kabardino-Balkarian State Agrarian University (SAU), head of the Project "Antinomy and Phenomenon of Agroecosystem Sustainability: Environmental and Economic Security and Global Trends of Anthropogenic Environmental Change" (20-010-00935).
E-mail: l_a_u_r_a@inbox.ru

Inga Raulevna Guchapsheva – Candidate of Science (Philology), Head of the Department of Secondary Professional Education, V.M. Kokov's Kabardino-Balkarian State Agrarian University (SAU), co-researcher in the same project.
E-mail: guchapshevai@mail.ru

Anzhela Khazhmuratovna Temroкова – Candidate of Science (Economics), Professor of the Subject-Cycle Commission of Economic and Legal Disciplines, Department of Secondary Professional Education, V.M. Kokov's Kabardino-Balkarian State Agrarian University (SAU), co-researcher in the same project.
E-mail: angela_gan@mail.ru

This paper explores sustainable farming systems without the drawbacks of conventional intensive farming, as well as focuses on the global organic trends, including the international practice of legal regulation and government support of the area in order to adapt them to the national practice. The author reviews the current state of organic farming in the USA and the European Union: the legislative framework, the certification system, the key measures for the shift from conventional to organic farming, and proposes measures driving the growth of the domestic organic market with such key outcomes as more available high-quality groceries, new ways of tackling environmental challenges, and the establishment of a strong platform for sustainable development of rural areas.

Keywords: organic farming, sustainability, agroecosystem, food security, government support, environmental management, environmental standards

REFERENCES

1. Zhangorazova Zh.S., Bagova D.M., Bakkuev E.S., Kunasheva Z.A., Kunizheva L.H. Upravlenie ekologicheskoi ustoichivost'yu sel'skogo hozyaistva regiona // Ekonomika sel'skohozyaistvennyh i pererabatyvayushchih predpriyatii. 2021. № 12. S. 32–35 (in Russian).
2. Klimova M.L. Organicheskoe sel'skoe hozyaistvo: mezhdunarodnyi opyt pravogo regulirovaniya (nachalo) // Molochnaya promyshlennost'. 2018. № 5. S. 46–47 (in Russian).
3. Korshunov S. Novye konteksty organicheskogo sel'skogo hozyaistva // Agrarnaya nauka. 2019. № 3. S. 10–11 (in Russian).
4. Mir organicheskogo sel'skogo hozyaistva: Statisticheskii ezhegodnik / Nauchno-issledovatel'skii institut organicheskogo sel'skogo hozyaistva FiBL i IFOAM-Organics International. 2021. Rezhim dostupa: <https://soz.bio/opublikovana-svezhaya-mirovaya-statist/> (data obrashcheniya: 20.12.2021) (in Russian).
5. Mirolyubova S.Yu. Kul'tiviruemye biologicheskie resursy: ponyatie i pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya // Ekologicheskoe pravo. 2015. № 3. S. 37–39 (in Russian).

6. Mironenko O.V. Mirovoi rynek organicheskoi produktsii // Konditerskoe i hlebopekarnoe proizvodstvo. 2018. № 1–2. S. 52–57 (in Russian).
7. Novichku v organicheskom sel'skom hozyaistve – gid ot USDA i Evrokomissii. [Elektronnyi resurs] / Auditor'naya kompaniya Baker Tilly. Rezhim dostupa: <http://www.bakertilly.ua/ru/news/id1057> (data obrashcheniya: 20.12.2021) (in Russian).
8. Sistema upravleniya kachestvom okruzhayushchei sredy: natsional'nye standarty RF [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.studfiles.ru> (data obrashcheniya: 20.12.2021) (in Russian).
9. Tendentsii razvitiya organicheskogo zemledeliya v mire [Elektronnyi resurs] / APK– Inform. Rezhim dostupa: <http://www.fruit-inform.com/ru/technology/grow> (data obrashcheniya: 20.12.2021) (in Russian).
10. FAO. Polozhenie del v oblasti prodovol'stviya i sel'skogo hozyaistva Kurs na sokrashchenie poter' i porchi prodovol'stviya. Rim, 2019. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.4060/CA-6030RU> (data obrashcheniya: 20.12.2021) (in Russian).
11. Hodge I. The Governance of Rural Land in a Liberalised World // Journal of Agricultural Economics. 2007. P. 409–432.

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 347.78

Код ГРНТИ 10.27.00

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-108-01-63-70

А.Г. МАТВЕЕВ*

Смежные права в цифровой экономике

В начале XXI в. интеллектуальная собственность стала важнейшим нематериальным активом. В условиях цифровой экономики и четвёртой промышленной революции основные точки развития права интеллектуальной собственности будут смещаться от классических институтов к новым правовым режимам. Смежные права, пожалуй, являются самым динамично развивающимся новым институтом права интеллектуальной собственности. Цель статьи – определение роли, которую играют смежные права в условиях цифровой экономики. Смежные права являются гибким и удобным механизмом для установления охраны тех нематериальных объектов, которые включаются в цифровую экономику благодаря организационным и финансовым инвестициям. В условиях цифровой экономики развитие смежных прав сфокусировано в рамках так называемых новых продюсерских прав. Мы полагаем, что такими правами являются: 1) право на инвестиционные базы данных; 2) право издателей прессы на онлайн-использование их публикаций агрегаторами новостей; 3) право на освещение спортивных мероприятий (особенно в цифровой среде).

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, цифровая экономика, авторское право, смежные права, продюсерские права

В начале XXI в. интеллектуальная собственность стала важнейшим нематериальным активом, влияющим на стоимость компаний, производительность труда и стратегии кор-

поративного управления. Объекты интеллектуальной собственности используются повсеместно как в бизнесе, так и в обычной жизни граждан. Профессор Ben Depoorter правильно полагает, что

* **Матвеев Антон Геннадьевич** — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, руководитель проекта «Природа и система смежных прав» (18-011-00628).
E-mail: la-musica@yandex.ru

если нужно было бы описать историю права интеллектуальной собственности всего одним словом, то таким словом стала бы «экспансия» [1]. Однако обратной стороной экспансии интеллектуальной собственности является проблема баланса интересов между правообладателями и обществом. Чем сильнее защищаются авторские и патентные права, тем больше ограничиваются права третьих лиц в свободном использовании охраняемых объектов.

Ранее, исследуя эволюцию права интеллектуальной собственности, мы установили, что на такую эволюцию определённое влияние оказывают промышленные революции [2]. Например, вторая промышленная революция (рубеж XIX–XX вв.) выразилась в распространении электричества, внедрении конвейера, изобретении звукозаписи, радиовещания. В результате возникла потребность в охране прав на звукозаписи, передачи радиовещания. В настоящее время мы живем в период четвёртой промышленной революции. Клаус Шваб (Klaus Schwab) отмечает, что все новые достижения четвёртой промышленной революции объединяет ключевой признак – сила цифровых и информационных технологий [3]. По этой причине современное общество часто называют цифровым, а современную экономику характеризуют как цифровую. Основными трендами цифровой экономики являются физический, цифровой и биологический. Например, к достижениям цифрового тренда относятся Интернет вещей, технология блокчейн, искусственный интеллект, обработка больших данных, цифровое вещание.

Несомненно, все новые достижения цифровой экономики так или иначе связаны с правовым регулированием и с правом интеллектуальной собственности в частности. Однако проблема пределов и характера правового регулирования в условиях цифровой экономики ещё далека от своего разрешения. Представляется, что фокус и основные точки роста права интеллектуальной собственности постепенно будут смещаться от классических

институтов (авторское право, патентное право, право на товарные знаки) к новым, неклассическим институтам, к охране таких объектов, как виртуальные системы, большие данные, алгоритмы программного обеспечения, элементы контента, используемого в Интернете.

Сегодня самым быстроразвивающимся институтом права интеллектуальной собственности являются смежные права. Выражение «смежные права» (neighboring rights) в середине XX в. использовалось как условное название для правовых режимов охраны интересов исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций. В конце прошлого столетия в Европейском Союзе охрана смежных прав существенно расширилась. Здесь была установлена охрана исключительного права продюсеров кинофильмов; права на произведения, впервые опубликованные после того, как они перешли в общественное достояние (право публикатора); права на критические и научные публикации произведений, которые находятся в общественном достоянии; исключительного права на инвестиционные базы данных, создание которых требует вложения значительных ресурсов.

Таким образом, смежные права представляются очень гибким и удобным механизмом для установления охраны нематериальных объектов, которые включаются в экономический оборот благодаря организационным и финансовым вложениям определённых лиц.

Целью настоящего исследования является определение роли, которую играют смежные права в условиях цифровой экономики.

Проблема природы смежных прав

Прежде всего, важно подчеркнуть, что понимание концепта и предмета авторского права и смежных прав связано с традицией охраны интеллектуальной собственности, принятой в той или иной правовой системе. Обычно говорят о двух классиче-

ских традициях авторского права: англо-американской и континентальной. В англо-американском праве понятие «смежные права» не признаётся. А потому вопрос о природе и роли смежных прав в таких правовых системах лишён смысла. Например, интересы исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций охраняются в Соединенных Штатах авторским правом и внешними по отношению к нему правовыми институтами. Права исполнителей охраняются там частично Законом об авторском праве (§ 1101), а также в рамках таких правовых режимов, как: 1) деликтное право; 2) право неосновательного обогащения; 3) защита от недобросовестной конкуренции; 4) право публичности (the right of publicity) [4]. Право публичности является специфической американской доктриной. Она не имеет точных аналогов в континентальных правовых системах [5]. Суть этой доктрины заключается в том, что каждая личность имеет право контролировать коммерческое использование собственного образа.

Смежные права, охрана которых установлена в актах международного права и директивах Европейского Союза, являются исключительными правами. Следовательно, эти права ограничивают интересы третьих лиц в свободном использовании соответствующих объектов. Стремительное развитие смежных прав в последние 30 лет позволяет поставить вопрос о том, имеется ли какой-либо концепт, объединяющий их в единое целое.

Б. Шерман и Л. Бенгли (B. Sherman, L. Bently) пишут, что вера в то, что право интеллектуальной собственности может быть сведено к основной сути, по-прежнему сохраняет мощную власть над современным законодательством [6]. Мы полагаем, что сегодня говорить о единой сути права интеллектуальной собственности в целом и смежных правах в частности вряд ли возможно, так как разнообразие правовых режимов в этой области права становится всё более заметным. П. Драгос (P. Drachos) верно полагает, что

попытка определить сущность интеллектуальной собственности затруднена и что большинство предлагаемых определений просто перечисляют примеры прав интеллектуальной собственности [7]. Дж. Хьюз (J. Hughes) идёт ещё дальше и обоснованно утверждает, что термин «интеллектуальная собственность» является «зонтичным» [8]. По нашему мнению, трудности с поиском интегративного признака или концепта права интеллектуальной собственности можно объяснить тем, что правовые режимы этой области права имеют разную историю и различные философско-правовые традиции.

Классическую идею или концепт смежных прав можно обозначить как функциональный подход. Согласно этой точке зрения, смежные права играют вспомогательную роль в литературном и художественном творчестве. Цель их признания заключается в охране объектов (исполнений, фонограмм, передач вещания), которые способствуют распространению произведений литературы и искусства [9].

Однако функциональный подход не может объяснить концепт всех смежных прав. Во-первых, охрана прав вещательных организаций не сводится к распространению литературных и художественных произведений. Значимую часть радио- и телеэфира составляет новостной и спортивный контент. Во-вторых, охрана инвестиционных баз данных и пресс-публикаций как объектов смежных прав опять же преимущественно не связана с распространением произведений, охраняемых авторским правом.

По всей видимости, проблема классической идеи смежных прав была учтена Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) в 2016 г. Разъясняя понятие смежных прав, ВОИС отмечает, что эти права направлены также на охрану интересов лиц, которые создают из них объекты, которые, не будучи охраняемыми авторским правом, содержат в себе достаточную долю творчества или технического и организационного умения для того, что-

бы за ними было признано имущественное право, равнозначное авторскому праву [10]. Такой подход, по сути, является объектным и открытым, поскольку смежные права раскрываются через потенциально открытый перечень объектов, которые характеризуются либо минимальным признаком творчества, либо признаком организационных и технических навыков.

Объектный подход, предлагаемый ВОИС, является крайне широким и неопределённым по содержанию. В частности, его можно применить к охране топологий интегральных микросхем. Однако, как известно, эти объекты охраняются самостоятельным правовым режимом за пределами авторского права и смежных прав. Кроме того, рассматриваемый подход плохо объясняет охрану смежного права публикатора. Обнародуя произведение, перешедшее в общественное достояние, публикатор не создаёт нового объекта.

Таким образом, сегодня смежные права не могут быть объяснены через единый концепт. В множестве этих прав не удаётся вычленить системообразующие связи и, соответственно, представить изучаемый объект как систему. Мы полагаем, что в смежных правах следует выделить отдельные группы и изучать их преимущественно как самостоятельные правовые режимы.

С точки зрения цели признания смежные права можно разделить на права исполнителей, продюсерские права и нетипичные смежные права. Права исполнителей охраняют личные и имущественные интересы артиста-исполнителя и его индивидуальность. Продюсерские права охраняют интересы, которые связаны с возвратом вложенных в проект инвестиций. К таким правам относятся права изготовителей фонограмм и кинофильмов, вещательных организаций, изготовителей баз данных, публикаторов. Нетипичные смежные права — это смежные права, которые не являются исключительными. Такие права признаются, например, в законах Италии и Австрии. В частности, к нетипич-

ным смежным правам относятся: 1) право на театральные эскизы и технические чертежи, которые являются правами на вознаграждение; 2) права на названия произведений, новости и типографское оформление, которые относятся к правам на защиту от недобросовестной конкуренции; 3) права на переписку, дневники и портреты, которые по своей природе являются личными правами.

Новые продюсерские смежные права в цифровой экономике

В условиях цифровой экономики развитие и экспансия смежных прав идут только в рамках группы продюсерских прав. Соответственно роль смежных прав в цифровой экономике выражается прежде всего в предоставлении охраны имущественных интересов лиц, создающих и распространяющих в цифровой среде новый контент, который не охранялся правом интеллектуальной собственности в доцифровую эпоху.

Представляется, что охрана новых продюсерских смежных прав началась с признанием в рамках Европейского Союза права изготовителей инвестиционных (неоригинальных) баз данных [11]. Хотя в отношении таких баз данных в Директиве ЕС 1996 г. признаётся не смежное право, а право *sui generis* (единственный в своём роде), многие члены Европейского Союза имплементировали это право в свои правовые порядки в качестве смежного права. Любопытно, что в рамках дипломатической конференции, проведённой Всемирной организацией интеллектуальной собственности в декабре 1996 г., обсуждался проект Договора по интеллектуальной собственности в отношении баз данных. Этот акт не был принят, так как участникам конференции не удалось согласовать свои позиции. В тексте проекта Договора ВОИС природа права на инвестиционные базы данных не определяется, однако в сопроводительном комментарии к проекту указано, что такое право является правом *sui generis* [12].

Существенное обновление парадигмы смежных прав связано с обсуждением и принятием в 2019 г. Директивы ЕС об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке [13]. Проект Директивы был представлен Европейской комиссией ещё в 2016 г. Он обсуждался несколько лет, и в него неоднократно вносились существенные изменения. В Директиве сосредоточены основные предложения по адаптации авторского права и смежных прав к условиям цифровой среды и цифровой экономики.

В рассматриваемой Директиве установлена охрана нового смежного права, которое, на наш взгляд, следует включить в группу продюсерских прав. Речь идёт о праве издателей прессы на онлайн-использование их публикаций агрегаторами новостей. Новыми участниками цифровой экономики стали новостные агрегаторы («GoogleNews», «Яндекс.Новости») и социальные сети. Эти цифровые платформы отображают структурированную новостную ленту из различных средств массовой информации. Целью признания нового смежного права издателей прессы является защита имущественных интересов, которые затрагиваются деятельностью агрегаторов новостей. Это право является самостоятельным правом по отношению к авторским правам на тексты статей.

Интерес представляет поиск оптимального срока действия смежного права издателей новостей. Сначала в проекте Директивы был установлен срок в 20 лет. После серьёзной научной и общественной критики проекта Директивы этот срок был уменьшен до одного года, но после увеличения до 5 лет. В результате компромисс был достигнут на сроке продолжительностью в 2 года. Эта история показывает, что продюсерские смежные права следует обосновывать не абстрактными рассуждениями о балансе интересов, а более конкретными доводами и данными о том, какое влияние на цифровую экономику окажут те или иные правовые решения.

Ещё одним новым продюсерским смежным правом является право на освещение спортивных мероприятий. Положения об этом праве были включены в проект Директивы об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке, однако из итогового текста они были исключены. Причиной такой непоследовательности стало неоднозначное отношение к гармонизации права на освещение спортивных мероприятий в рамках ЕС. По мнению Т. Маргони (T. Margoni), правовое регулирование в странах — членах Европейского Союза хорошо обеспечивает защиту инвестиций в индустрию спортивных соревнований [14]. Однако согласно другой точке зрения в большинстве стран Европейского Союза нет чёткой регламентации прав на спортивные соревнования [15].

Содержанием исключительного права на освещение спортивных мероприятий является возможность организатора соревнований контролировать их запись и последующее воспроизведение или сообщение для всеобщего сведения. Необходимо пояснить, что зарождение этого права состоялось в некоторых странах (например, Бразилии) ещё в доцифровую эпоху. Очевидно, что техническая возможность записывать спортивные мероприятия появилась с изобретением радио и телевидения. Однако именно в условиях цифровой экономики актуальность охраны рассматриваемого права многократно возросла. В начале XXI в. благодаря цифровому вещанию и новым технологиям видеозаписи и представления контента индустрия спортивных трансляций показала существенный рост аудитории и рынка. Соответственно, организаторы спортивных соревнований получили возможность, продавая права на спортивные трансляции, извлекать существенные доходы и за счёт них развивать и популяризировать индустрию спорта.

Представляется, что как в России, так и в других государствах, правовое регулирование рынка спортивных трансляций, в том числе трансляций в Интернете, ещё

находится на стадии зарождения. По всей видимости, признание нового смежного права на освещение спортивных мероприятий состоится в ближайшее десятилетие.

Заключение

В настоящее время и в будущем основные тренды развития и экспансии права интеллектуальной собственности постепенно будут смещаться от классических институтов к новым, неклассическим правовым режимам. Одним из них становятся смежные права. Эти права являются гибким и удобным механизмом для установления охраны тех нематериальных объектов, которые включаются в цифровую экономику благодаря организационным и финансовым инвестициям.

На современном этапе своего развития смежные права не имеют универсального, единого концепта. Объяснение роли смежных прав в условиях цифровой экономики

основывается на том, что эти права следует разделить на три группы и изучать их преимущественно как самостоятельные правовые режимы. К таким группам смежных прав относятся права исполнителей, продюсерские права и нетипичные смежные права.

В условиях цифровой экономики развитие смежных прав сосредоточено в рамках продюсерских прав. Роль новых продюсерских смежных прав выражается в предоставлении охраны имущественным интересам лиц, создающих и распространяющих в цифровой среде новый контент, который не охранялся правом интеллектуальной собственности в доцифровую эпоху. К таким правам в настоящей работе отнесены: 1) право на инвестиционные базы данных; 2) право издателей прессы на онлайн-использование их публикаций агрегаторами новостей; 3) право на освещение спортивных мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Depoorter B. The Several Lives of Mickey Mouse: The Expanding Boundaries of Intellectual Property Law // Virginia Journal of Law and Technology. Vol. 9. № 4. Spring 2004. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=585829 (дата обращения: 01.03.2021).
2. Матвеев А.Г., Синельникова В.Н. Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 281–309.
3. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. London, Penguin. 2017.
4. Sanhita A. Protecting Performers' Rights: Does India Need Law Reform? // Journal of Intellectual Property Rights. 2008. Vol. 13. November. Pp. 574–582.
5. Bergmann S. Publicity Rights in the United States and Germany: A Comparative Analysis // Loy. L.A. Ent. L. Rev. 1999. № 479. URL: <http://digitalcommons.lmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1387&context=elr> (дата обращения: 01.03.2021).
6. Sherman B., Bently L. The Making of Modern Intellectual Property Law: The British Experience 1760–1911. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
7. Drahos P. The Universality of Intellectual Property Rights: Origins and Development // Intellectual Property and Human Rights. Geneva: World Intellectual Property Organization, 1999. Pp. 13–41.
8. Hughes J. A Short History of Intellectual Property' in Relation to Copyright // 33 Cardozo Law Review 1293 (2012). July 11. 2009. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1432860 (дата обращения: 01.03.2021).
9. Colombet C. Major Principles of Copyright and Neighbouring Rights in the World. Paris: UNESCO, 1987.
10. Understanding Copyright and Related Rights. Geneva, WIPO. 2016. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_909_2016.pdf (дата обращения: 01.03.2021).

11. Directive 96/9/EC of the European Parliament and of the Council of 11 March 1996 on the legal protection of databases. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=cel-ex:31996L0009> (дата обращения: 01.03.2021).
12. Basic Proposal for the Substantive Provisions of the Treaty on Intellectual Property in Respect of Databases to Be Considered by the Diplomatic Conference. Geneva, 1996. URL: http://www.wipo.int/meetings/en/doc_details.jsp?doc_id=2487 (дата обращения: 01.03.2021).
13. Directive 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC. URL: https://www.wipo.int/news/en/wipolex/2019/article_0008.html (дата обращения: 01.03.2021).
14. Margoni T. The Protection of Sports Events in the EU: Property, Intellectual Property, Unfair Competition and Special Forms of Protection // International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2016. 47(4). Pp. 386–417.
15. Cabrera Blazquez F.J., Cappello M., Fontaine G., Valais S. Audiovisual Sports Rights – between Exclusivity and Right to Information. Strasbourg: European Audiovisual Observatory, 2016.

ENGLISH

Related Rights in the Digital Economy

Anton Gennadyevich Matveev – Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Perm State National Research University, head of the project "Nature and System of Related Rights" (18-011-00628).
E-mail: la-musica@yandex.ru

In the early 21st century, intellectual property has become the most crucial intangible asset. In the digital economy and Industry 4.0, the key drivers of intellectual property law will shift from classical institutions to new legal systems. Related rights are perhaps the most fast-paced new institution of intellectual property law. The purpose of this paper is to determine the role that related rights play in the digital economy. Related rights are a flexible and convenient mechanism protecting intangible property included in the digital economy through organizational and financial investments. In the digital economy, the development of related rights is focused within the framework of the so-called new production rights. We believe that such rights are: 1) the right to investment databases; 2) the right of media publishers to use their publications by online news aggregators; 3) the right to inform about sports events (especially in the digital media).

Keywords: intellectual property, digital economy, copyright, related rights, production rights

REFERENCES

1. Depoorter B. The Several Lives of Mickey Mouse: The Expanding Boundaries of Intellectual Property Law // Virginia Journal of Law and Technology. Vol. 9. № 4. Spring 2004. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=585829 (data obrashcheniya: 01.03.2021).
2. Matveev A.G., Sinel'nikova V.N. Ob"ekty intellektual'noi sobstvennosti, poluchayushchie ohranu v XXI veke // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2019. Vyp. 44. S. 281–309 (in Russian).

3. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. London, Penguin. 2017.
4. Sanhita A. Protecting Performers' Rights: Does India Need Law Reform? // Journal of Intellectual Property Rights. 2008. Vol. 13. November. Pp. 574–582.
5. Bergmann S. Publicity Rights in the United States and Germany: A Comparative Analysis // Loy. L.A. Ent. L. Rev. 1999. № 479. URL: <http://digitalcommons.lmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1387&context=elr> (data obrashcheniya: 01.03.2021).
6. Sherman B., Bently L. The Making of Modern Intellectual Property Law: The British Experience 1760–1911. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
7. Drahos P. The Universality of Intellectual Property Rights: Origins and Development // Intellectual Property and Human Rights. Geneva: World Intellectual Property Organization, 1999. Pp. 13–41.
8. Hughes J. A Short History of Intellectual Property' in Relation to Copyright // 33 Cardozo Law Review 1293 (2012). July 11. 2009. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1432860 (data obrashcheniya: 01.03.2021).
9. Colombet C. Major Principles of Copyright and Neighbouring Rights in the World. Paris: UNESCO, 1987.
10. Understanding Copyright and Related Rights. Geneva, WIPO. 2016. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_909_2016.pdf (data obrashcheniya: 01.03.2021).
11. Directive 96/9/EC of the European Parliament and of the Council of 11 March 1996 on the legal protection of databases. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:31996L0009> (data obrashcheniya: 01.03.2021).
12. Basic Proposal for the Substantive Provisions of the Treaty on Intellectual Property in Respect of Databases to Be Considered by the Diplomatic Conference. Geneva, 1996. URL: http://www.wipo.int/meetings/en/doc_details.jsp?doc_id=2487 (data obrashcheniya: 01.03.2021).
13. Directive 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC. URL: https://www.wipo.int/news/en/wipolex/2019/article_0008.html (data obrashcheniya: 01.03.2021).
14. Margoni T. The Protection of Sports Events in the EU: Property, Intellectual Property, Unfair Competition and Special Forms of Protection // International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2016. 47 (4). Pp. 386–417.
15. Cabrera Blazquez F.J., Cappello M., Fontaine G., Valais S. Audiovisual Sports Rights – between Exclusivity and Right to Information. Strasbourg: European Audiovisual Observatory, 2016.

Индекс УДК 930.85

Код ГРНТИ 03.81.37

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-108-01-71-88

**Н.В. КРАПОШИНА,
Л.Д. БОНДАРЬ***

Персональный состав Академии наук XVIII – первой трети XX века в документальных источниках Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

В статье представлена информация о фондах и документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН), содержащих сведения о штате академических учреждений XVIII – первой трети XX в. В результате проводимых в СПбФ АРАН исследований по изучению документальных сведений персонального характера из личных архивных фондов академиков, крупных учёных и организаторов науки было опубликовано несколько выпусков биографических очерков, посвящённых учёным – фондообразователям СПбФ АРАН (работа продолжается). Изучение делопроизводственных и кадровых документов из фондов учреждений позволило реконструировать списочный состав ряда академических учреждений и открыть для науки сотни имён рядовых научных и научно-технических сотрудников; были написаны не известные ранее научные биографии некоторых из них. В отношении сведений о временных академических сотрудниках и технических служащих наиболее продуктивным направлением поисков является обращение к фонду № 4, содержащему документы Комитета правления АН, Управления делами АН, Административно-хозяйственного управления ленинградских учреждений АН. При этом для XVIII–XIX вв. основным источником является информация формулярных списков, для советского довоенного времени – обширная картотека по личному составу (около 12 000 карточек). Информация о персональном составе содержится сегодня в электронной базе данных СПбФ АРАН, в которую на настоящий момент включены сведения более чем о 39 000 персон (<http://ranar.spb.ru/persons>).

Ключевые слова: история Российской академии наук, персональный состав, академические сотрудники, электронная база данных

* **Крапошина Наталья Валентиновна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), руководитель проекта «Персональный состав Императорской Санкт-Петербургской—Российской—Всесоюзной академии наук (XVIII–XX вв.): компьютерная база данных» (18-011-00539).
E-mail: nkravoshina@yandex.ru

Бондарь Лариса Дмитриевна — кандидат исторических наук, учёный секретарь СПбФ АРАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: L007@list.ru

«**Р**оссийская наука в лицах» — такое характерное название получила серия сборников, выпуск которых начался в издательстве «Academia» с 2003 г. и которые стали в определённом отношении ответом на множество разрозненных публикаций, посвящённых теме «Personalia в науке». Научные биографии академических учёных занимают в кругу таких исследований, пожалуй, центральное место. В первых работах по истории Академии наук были представлены биографии и научная деятельность прежде всего академиков. Так, Пётр Петрович Пекарский (1827–1872) в своём основательном исследовании по истории Академии наук разместил «жизнеописания» первых президентов и членов Императорской академии наук до 1742 г. [1]. Благодаря опубликованным с того времени в течение полутора веков бесчисленным исследованиям по истории науки написаны биографии членов Императорской—Российской—Всеобщей академии наук, руководителей академических институтов и лабораторий. При этом тема рядового научного сотрудника, не говоря уже о технических служащих, оставалась по большей части за рамками исследований.

Причина этого заключается не только в разнице научного резонанса деятельности разных категорий академических сотрудников, но и в степени доступности биографических сведений. Главным источником уже для П.П. Пекарского стали сведения из «рукописных источников, имеющихся в архивах нашей Академии наук» [1, с. III]. Во второй половине XIX в. учёный в своих работах обнаружил персональные сведения из документов двух обособленно существовавших в его время академических архивов: Архива Конференции Императорской академии наук (Конференц-Архива) и Архива Канцелярии, которые при своём объединении образовали в 1922 г. Архив Российской академии наук [2, с перечнем других публикаций автора на эту тему].

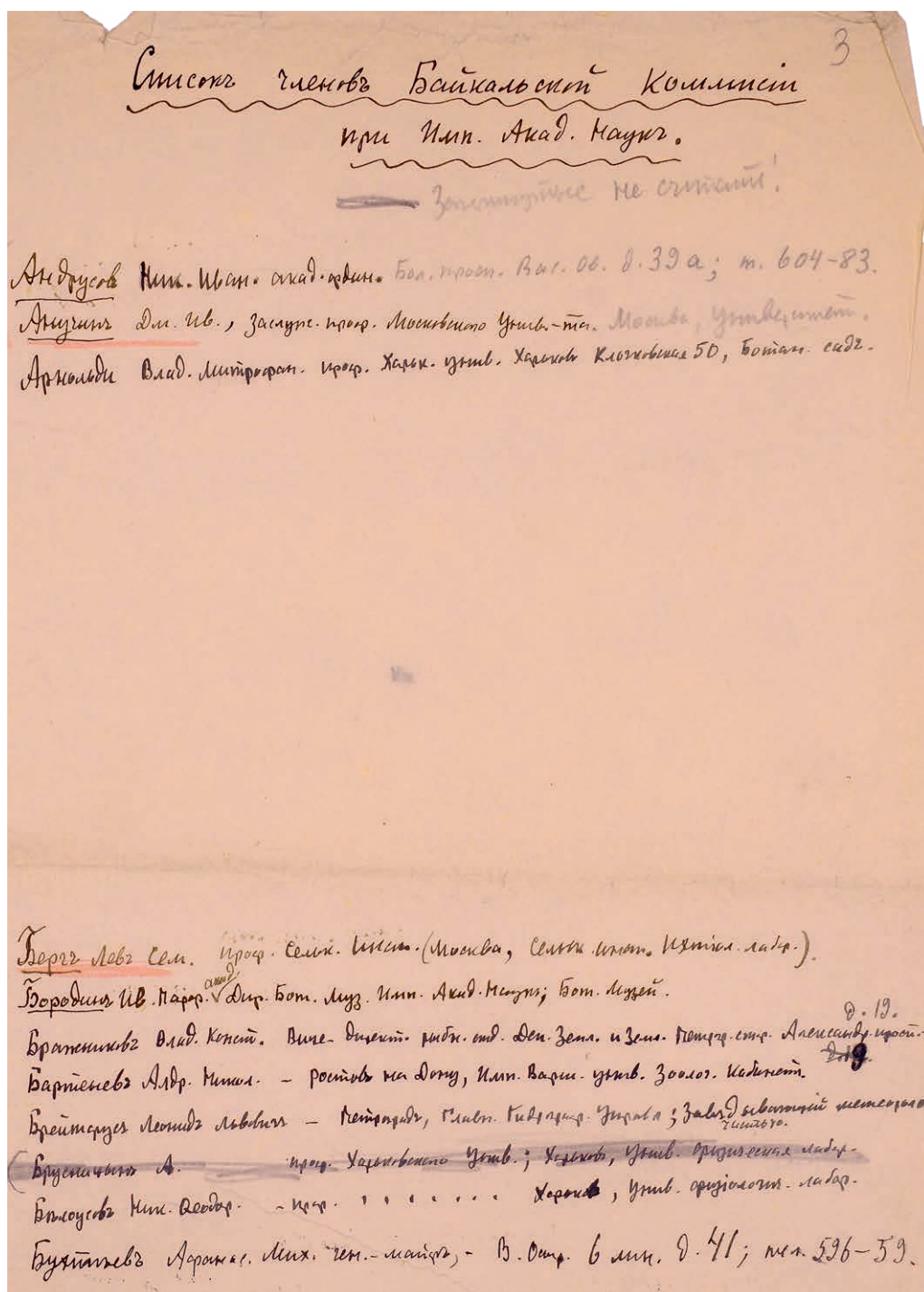
Главным источником биографических сведений традиционно являются личные

фонды учёных, число которых в СПбФ АРАН превышает 550 единиц [3, с. 21; 4, р. 7]. Информация о составе документов этих фондов легко доступна благодаря как научно-справочному аппарату (НСА) архива (прежде всего описям фондов), так и опубликованным обзорам личных фондов: с 1933 г. вышли 8 томов таких обзоров [5]. Так, для написания научных биографий «высшего академического эшелона» имеется основательная и хорошо отражённая в НСА источниковая база. Это позволило СПбФ АРАН начать осуществление публикационно-исследовательского проекта по подготовке биографического справочника учёных-фондообразователей СПбФ АРАН; на сегодняшний день вышли три тома справочника, а издание, организованное по алфавитному принципу, доведено до буквы «К».

Фонды академических учреждений как источник информации о персональном составе Академии наук (на примере фонда Байкальской лимнологической станции)

Между тем объективное воссоздание истории науки невозможно без полноценной реконструкции контекста академических исследований и всей полноты персонального состава научных учреждений, в который входят также рядовые научные сотрудники, научно-технический персонал, ученики (аспиранты) и низшие служащие. Документы, касающиеся этой категории академических сотрудников, до недавнего времени были объектом, совершенно не изученным; сегодня разработка этой тематики активно ведётся в СПбФ АРАН.

Первоочередного внимания в этом контексте заслуживают фонды академических учреждений; наиболее информативными здесь оказываются делопроизводственные и кадровые документы. Несмотря на то, что имеющиеся в бумагах учреждений сведения о персональном составе фрагментарны и рассеяны по различным документальным подборкам, всё же их ком-

Ил. 1. «Список членов Байкальской комиссии при Императорской академии наук». Первая страница. [1916–1918 г.]. Автограф рукой учёного секретаря КИБ, гидробиолога Вячеслава Михайловича Рылова (1889–1942). © СПбФ РАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 2. Л. 3

плексное изучение позволяет сформировать представление не только о списочном составе учреждений, но и получить биографические сведения об их сотрудиках.

Одним из мало изученных фондов СПбФ АРАН до недавнего времени оставался фонд 74 (Комиссия АН по изучению

оз. Байкал; Байкальская биологическая станция АН; Байкальская лимнологическая станция (БЛС) АН). При наличии исследований, посвящённых работе Байкальских академических экспедиций, Байкальской станции и работавших там лимнологов, начиная с публикаций руководителей БЛС

Ил. 2. Наблюдатель БЛС Елиферий (Елевферий) Васильевич Иванов (1872–1938).
Фото из семейного архива М.Г. Ивановой
и М.С. Игошиной (Ивановой)

Глеба Юрьевича Верещагина (1889–1944) и Дмитрия Николаевича Талиева (1908–1952) [7–11], практически не изученным оставался персональный состав как самой БЛС, так и её предшественницы – академической Комиссии по изучению озера Байкал (КИБ), которая была сформирована и утверждена на заседании Общего собрания Императорской академии наук 10 марта 1916 г. В фонде 74 хранятся всего 17 дел, содержащих списки членов КИБ в разные годы, а также протоколы заседания комиссии, в которых сохранились сведения об избрании новых членов КИБ и пополнении её состава.

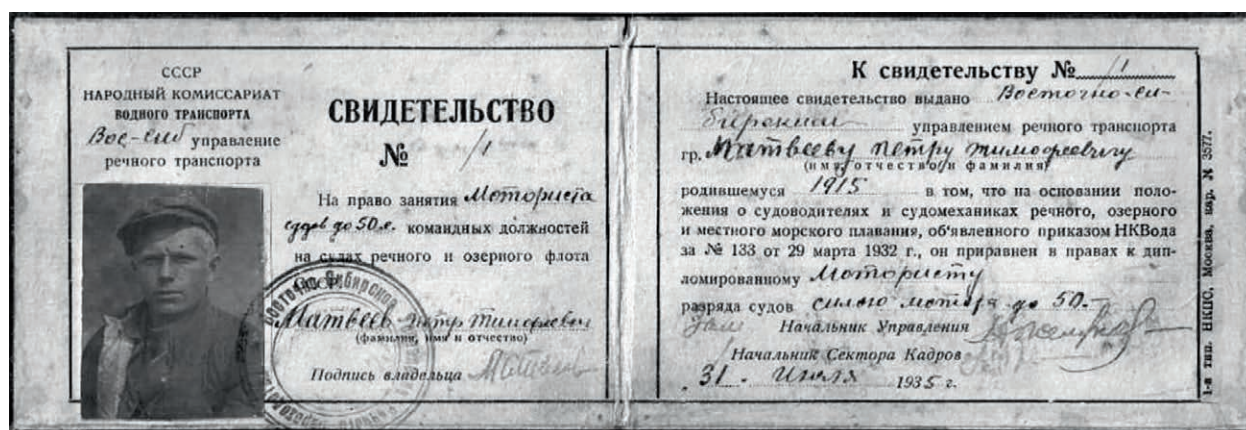
На основе этих немногочисленных документов удалось реконструировать историю формирования списочного состава КИБ за всё время её существования (1916–1929 гг.), которая на момент своего основания под председательством академика Н.В. Насонова состояла всего из 10 членов. При формировании комиссия получила право кооптации новых членов, и её состав стал стремительно расширяться. Первые довыборы произошли уже на втором заседании КИБ – 27 октября 1916 г.¹; далее пополнение комиссии происходило регулярно, на каждом заседании, и к концу 1918 г. КИБ включала уже 72 члена (ил. 1).

В последующие годы пополнение было уже не столь значительным, к тому же в 1920-е гг. состав КИБ сократился как из-за смерти ряда её членов, так и в результате эмиграции российских учёных. К моменту реорганизации КИБ в 1929 г. в состав комиссии входили 48 сотрудников [12].

Работа КИБ приостанавливалась в послевоенные годы, но с возобновлением её деятельности в начале 1920-х гг. сразу был поднят вопрос о размещении на берегу озера постоянно действующей станции, что завершилось в итоге созданием Байкальской станции (БАСТ) [13], получившей в 1928 г. статус самостоятельного академического учреждения (с 1929 г. – Байкальская биологическая станция, ББС; с 1930 г. – Байкальская лимнологическая станция, БЛС).

До недавнего времени списочный состав станции в первые годы её работы оставался не установленным. Изучение формальных на первый взгляд делопроизводственных материалов позволило не только реконструировать первые списочные составы БЛС [14], но и написать совершенно не известные ранее страницы биографий сотрудников станции. В частности, это относится к гидробиологу Александру Алексеевичу Захваткину (1900–1931). Его биография оказалась в поле зрения писателя и историка науки Александры Горяшко в связи с изучени-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–12 об.

Ил. 3. Свидетельство моториста, выданное Петру Тимофеевичу Матвееву (1915–1938) — наблюдателю, мотористу, механику БЛС в 1930-е гг. 1935 г. Из семейного архива М.Г. Ивановой и М.С. Игошиной (Ивановой)

ем северных биологических станций [15] (большая работа на эту тему в настоящее время готовится автором к публикации), одна из которых (на Соловецких островах) была создана при участии А.А. Захваткина во время отбывания им наказания в Соловецких лагерях. Информация о пребывании в этих лагерях была фактически последним известным биографическим сведением об этом учёном. Отметим, что имя А.А. Захваткина в качестве сотрудника БЛС упоминается в публикации Лимнологического института Сибирского отделения РАН 2014 г. [10, с. 40], однако там допущена ошибка не только в датах жизни, но и в имени учёного (та же ошибка — в библиотечной карточке на работы А.А. Захваткина в Президентской библиотеке им. Б.Н. Ельцина). Между тем документы СПбФ АРАН позволили получить детальную информацию о работе А.А. Захваткина на БЛС, куда он попал уже после Соловецких лагерей, и его трагической кончины на Байкале [14, с. 308–312]: 17 апреля 1931 г. директор БЛС Г.Ю. Верещагин доложил в АН о кончине А.А. Захваткина, покончившего жизнь самоубийством, «утопившись в проруби Байкала»¹. В документах СПбФ АРАН сохранилась предсмертная записка учёного².

¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1460. Л. 22–22 об.

² Там же. Л. 23.

Среди официальных сведений кадровых и делопроизводственных документов БЛС обнаружили материалы, представившие драматические страницы биографии ещё одного сотрудника станции, имя которого содержалось в первом списочном составе, — наблюдателя Елиферия (Елевферия) Васильевича Иванова (1872–1938), разделившего судьбу многих советских людей в 1930-е гг.: он был арестован в конце 1937 г. и через полгода скончался в иркутской тюремной больнице [14, с. 316].

На БЛС работали также члены семьи Е.В. Иванова [16, с. 346–348]; и сведения об этой семье, сохранившиеся в документах СПбФ АРАН, оказались в своём роде уникальными для двух исследовательниц — Марии Георгиевны Ивановой и Марины Сергеевны Игошиной (Ивановой), изучающих историю своей семьи. Получить информацию об этих документах они смогли благодаря второй составляющей описываемого проекта СПбФ АРАН, а именно обнаружению данных о персональном составе академических учреждений в электронной базе данных (ЭБД) СПбФ АРАН. Создание электронных коллекций СПбФ АРАН было начато в 2009 г. [17], и с этого времени ЭБД стала активно заполняться сведениями

о документах по персональному составу, в частности, в рамках двух проектов, поддержанных РФФИ (проект № 15-06-99604 «Создание компьютерной базы данных «Персональный состав учреждений РАН — АН СССР. Советский и постсоветский период» и проект № 18-011-00539 «Персональный состав Императорской Санкт-Петербургской — Российской — Всеобщей академии наук (XVIII–XX вв.): компьютерная база данных»). Эта база, доступная через официальный сайт СПбФ АРАН (<http://ranar.spb.ru>), и стала тем источником, из которого члены семьи — потомки Е.В. Иванова узнали о документах родственника. Благодаря этому сотрудничеству академический архив, в свою очередь, познакомился с новыми документами, электронные копии которых были переданы родственниками и размещены в ЭБД, в их числе — отсутствующая в документах СПбФ АРАН фотография Е.В. Иванова (ил. 2), а также свидетельство (с фотографией), выданное члену его семьи, сотруднику БЛС Петру Тимофеевичу Матвееву (1915–1938) (ил. 3). Можно констатировать факт, что персональный состав КИБ и БЛС максимально полно отражён как в публикациях сотрудников СПбФ АРАН, так и в ЭБД. Персональный состав прочих академических учреждений и соответствующие документы фондов учреждений также широко представлены в ЭБД, однако требуют ещё аналитического осмысления.

Формулярные списки членов Академии наук как источник персональных сведений для XVIII–XIX вв.

Богатейшая информация о персональном составе АН содержится в документах фонда 4 (Комитет правления АН; Правление АН; Управление делами АН; Административно-хозяйственное управление ленинградских учреждений АН; Хозяйственное управление ленинградских учреждений АН; Санкт-Петербургский научный центр РАН). Документы этого фонда существенно раздвигают горизонты наших

представлений о составе академических сотрудников и служащих начиная с XVIII в. и позволяют в большей мере оценить контекст и модели организации науки, а также характер окружения академических учёных.

Исключительно информативными в этом отношении оказываются документы кадрового учёта, составленные по форме, принятой к использованию в Российском государстве с середины XVIII в. Речь идёт о формулярных списках (ил. 4), которые составили в документах фонда 4 отдельную опись 5 «Формулярные списки членов Академии наук, чиновников и служащих», содержащую 90 единиц хранения. В формулярном списке содержались разнообразные сведения о служащем: фамилия, имя, чин, возраст, вероисповедание, образование, должность, условия проживания, данные о происхождении, наличии имущества, семейном положении, время вступления в службу, размер получаемого жалования, данные о продвижении по службе, о пребывании в отпуске, сведения о пожаловании чинами, о нахождении под судом. Отдельная графа предназначалась для внесения кратких сведений о служебных качествах служащего и возможности повышения его в чине.

В формулярных списках представлены как высшие академические чины, так и прочие категории служащих, среди которых библиотекари и архивариусы; академические переводчики, игравшие исключительно важную роль в эпоху пребывания на российской службе иностранных учёных; такие мало изученные специалисты на службе АН, как рисовальщики, гравёры и другие представители художественных кругов, а также механики (в их числе — И.П. Кулибин), подканцеляристы и пр. Благодаря формулярным спискам сохранились сведения о наблюдателях Главной физической обсерватории АН, о сотрудниках Севастопольской зоологической станции, Николаевской главной физической обсерватории, Ситхинской магнитной обсерватории в Новоархан-

36 № 25

Чинъ, имя, отчество, фамилия и должность, имъ опр. правленая, и сколько оныхъ роду альт.	Иль какого звания прох-хозяинъ.	Сколько имѣть во владѣннѣхъ мушкетерскихъ полкахъ душей лошадей и арестантовъ, въ колониальныхъ усадьбахъ и казѣ имовъ слободъ.	Когда въ службу вступилъ и въ оной какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ происходилъ, также некоторыя отличныхъ по службѣ дѣланій, и не былъ ли особенно кромѣ чиновъ чьѣхъ награждаемъ и въ какое время.	Въ походахъ пролежавъ не принимавъ въ самыя сраженія былъ ли альт., и когда являно.	Небыли ли въ походы и въ сраженія, и если были, то за что именно и въ чьѣхъ дѣлахъ кончено.	Къ продолженію службы способенъ и къ повиновенію чинамъ, и въ какомъ чинѣ, и за чьѣмъ и когда.	Не былъ ли въ описаннѣхъ наградахъ и чинахъ и когда.	Жена и дѣти, въ какомъ чинѣ, и гдѣ они находятся.
Мит. Советникъ Иванъ Воробьевъ	поручикъ	по	Въ Архиву Академии наукъ					Жена Анна Ивановна
Секретарь Иванъ Воробьевъ	офицеръ	есть.	Въ Архиву Академии наукъ					дети
Александръ Воробьевъ	офицеръ	есть.	Въ Архиву Академии наукъ					
Министръ Прокопъ Воробьевъ	офицеръ	есть.	Въ Архиву Академии наукъ					
Ана. Иванъ Воробьевъ	офицеръ	есть.	Въ Архиву Академии наукъ					

Ил. 4. Воробьев Иван, архивариус Комитета правления АН. Формулярный список. Подлинник. Фрагмент. Не позднее 31 декабря 1815 г. © СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 71. Л. 36 об.

Умеръ Иванъ Воробьевъ архивариусъ
 децемб. 1828го. вѣкъ 58
 10го. Свѣд. Свѣдари

Ил. 5. Петров Павел Ильич, переводчик. Формулярный список. Фрагмент. Подлинник. 1828 г. © СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 6. Л. 23 об., 24.

гельске, Химической лаборатории, лазарете. Здесь же — препараторы, комиссары, смотрители музеев, корректоры, наборщики и другие сотрудники типографии, вычислители, учёные-хранители, экзекуторы, младшие этнографы, брандмейстеры, факторы, издатели «Санкт-Петербургских ведомостей», раскладчики ведомостей и др. Среди служащих — персоны, занимавшие достаточно высокие должности, как, например, письмоводитель канцелярии неприменного секретаря АН Константин Кар-

лович Гут (в должности пребывал в 1854–1864 гг.)¹ или секретари при президенте АН В.К. Клейбер и А.С. Висковатов². Сведения, сохранившиеся о перечисленных выше категориях служащих, позволяют понять сословную принадлежность академических сотрудников, а также оценить время, затрачиваемое в те годы на продвижение по служебной лестнице.

Важные штрихи к истории академической жизни дают записи о наградах и поощрениях. Награждали орденами и ме-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 29. Л. 157–158; Д. 35. Л. 359–360.

² Там же. Оп. 4. Д. 262.

далями, а также золотыми табакерками или просто денежными суммами; часто встречаются записи: «За усердную службу и труды всемилостивейше пожалован бриллиантовым перстнем». Сотрудники получали знаки отличия за безупречную службу в юбилейные даты. В процессе изучения списков встречаются интересные факты: так, кассир Комитета правления Захаров Андриан Захарович 15 апреля 1825 г. получил благодарность (а через некоторое время даже грамоту на дворянство) за усердие при спасении утопавших семей академических чиновников во время наводнения 7 ноября 1824 г.¹

Особое внимание привлекают короткие, но красноречивые отметки на титульных листах списков: «Умер на службе [дата]» (ил. 5). Такие служащие, до конца своих дней остававшиеся в академических рядах, занимали самые разные академические должности: переводчик Павел Ильич Петров², врач Фёдор Фёдорович Веллер³, гравёр Матвей Фёдорович Фёдоров⁴ и др.

Отдельный интерес вызывает дело⁵, отличающееся тем, что содержащиеся в нём формулярные списки начала XIX в. сформированы в зависимости от чина академических служащих: действительные статские советники, статские советники, коллежские советники и т.д. Складывается впечатление, что проводился своего рода сбор статистических сведений, что особенно обращает на себя внимание, поскольку относится к первым годам после принятия нового академического устава (1803 г.).

Материалы рассматриваемого фонда обнаружили, среди прочего, обширные и совершенно не изученные ранее сведения об особой категории академических служащих — солдатах, также включённых в штат академии; их основной зада-

чей была охрана академических департаментов на стрелке Васильевского острова. Комплектование команды солдат началось ещё до учреждения в Петербурге Академии наук: в первой четверти XVIII в. шло интенсивное формирование коллекций императорской Кунсткамеры и Библиотеки, а это требовало усиления охранной команды и вызывало обращения к императору и в Правительствующий Сенат об увеличении штата солдат⁶.

Академия наук, получив в своё ведение императорские коллекции, с ещё большим усердием стала добиваться усиления их охраны [18, с. 72]. Постепенно количество солдат при АН увеличивалось: если на момент учреждения Академии в её штате состояли 7 солдат, то в 1749 г. их численность возросла до 36, в 1756 г. она составила 49 человек, в начале 1770-х гг. — 34, а к 1799 г. — 41. Круг задач, выполняемых этой категорией служащих, также расширился: уже в середине XVIII в. солдаты стали исполнять не только обязанности сторожей, но и работы, связанные с обслуживанием различных хозяйственных нужд Академии (служили истопниками, рассыльными и т.д.), в том числе и с обеспечением противопожарной безопасности [19].

С 1710 г. по указу императора Петра I офицеры и нижние чины, имеющие ранения, но способные нести посильную службу, отсылались по губерниям и составляли отдельные части внутренних гарнизонных войск [10, № 2249]. Из их числа Государственная военная коллегия направляла солдат для продолжения службы в АН на постоянной основе, они приобретали статус «академических». Если документы академической канцелярии представляют историю организации и численного состава «академических солдат», то форму-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 25. Л. 25–33.

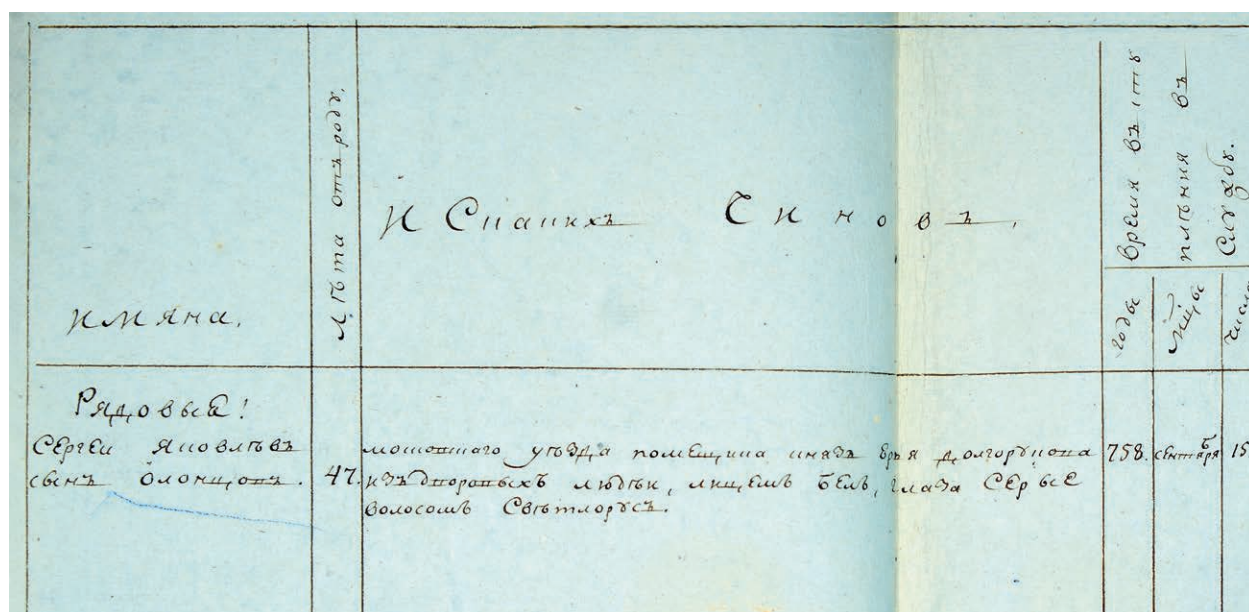
² Там же. Л. 21–24; Д. 7. Л. 47–49.

³ Там же. Оп. 5. Д. 6. Л. 59–64.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 34 об. – 35.

⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 1.

⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6.

Ил. 6. Сергей Яковлев сын Олонцов, рядовой Тобольского пехотного полка. Формулярный список. Фрагмент. Подлинник. 8 декабря 1785 г. © СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 224. Л. 14, 14 об.

лярные списки позволяют персонализировать этот разряд служащих. Солдатские формулярные списки помимо традиционных данных содержали также сведения о месте призыва, точную дату начала службы в армии и увольнения с неё, данные об участии в боевых действиях, наличии грамотности, семьи и имеющихся штрафах. В 1780-е гг. формулярные списки были дополнены сведениями о внешности военных, а в 1790-е гг. появились данные о росте (ил. 6).

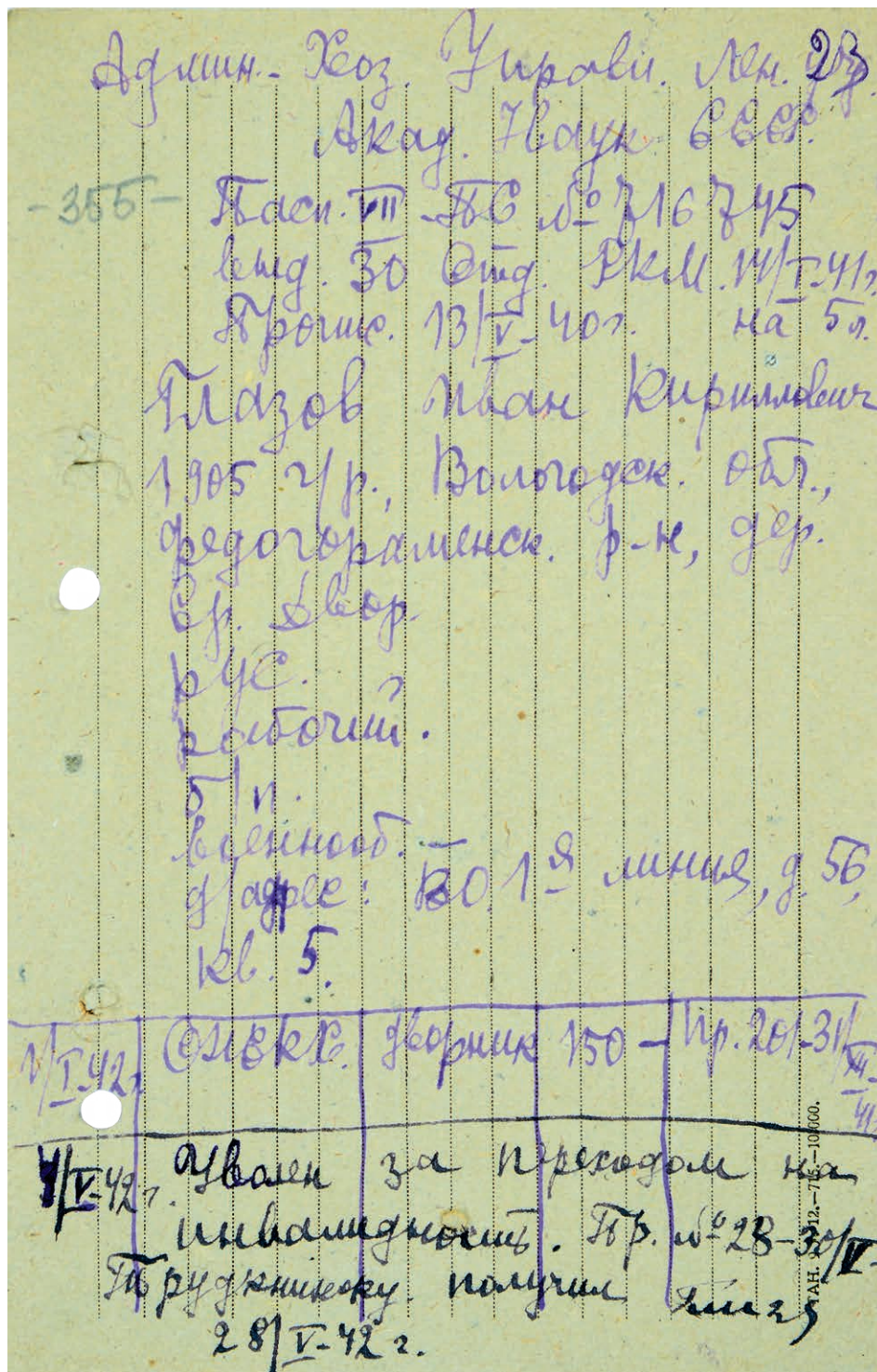
Состав учреждений Академии наук советского довоенного времени в картотеке по личному составу

Настоящим открытием в вопросе изучения персонального состава стал комплекс делопроизводственных документов за советский период из фонда 4. Его формирование в Архиве АН относится к середине 1930-х гг., когда от Управления делами АН/Административно-хозяйственного управления ленинградских учреждений на постоянное хранение стали поступать делопроизводственные документы управ-

ления и научных учреждений, о чём сохранилась информация в деле фонда¹. Среди прочего в 1933 г. в архив поступили 39 ящиков картотеки, содержащей около 38 000 карточек «инвентаря» учреждений АН. В 1935–1936 гг. от Комиссии по выявлению материалов отдела кадров и плановой комиссии на хранение в архив были приняты делопроизводственные документы, касающиеся личного состава АН, материалы бухгалтерии АН и других структурных подразделений управления, в том числе Транспортного отдела и Отдела научного обслуживания. В 1938 г., в период рассекречивания архивных документов, из Спецотдела Управления делами поступили личные дела, листки по учёту кадров и списки личного состава АН². В ряде основных учётных документов, составленных при поступлении материалов в архив, упоминается о формировании в составе данного фонда отдельной «Картотеки по личному составу», которая постепенно пополнялась личными карточками служащих АН. Так, в марте 1939 г. в фонд поступили две связки личных карточек, допол-

¹ СПбФ АРАН. Дело фонда 4. Т. 1. Л. 18.

² Там же. Л. 70.

Ил. 7. Глазов Иван Кириллович, дворник. Личная карточка. Подлинник.
 Не позднее 4 мая 1942 г. © СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а (1925). Д. 6. «Г». Л. 355

нивших картотеку. Подобный комплекс материалов составляет одну единицу хранения¹ и насчитывает около 12 000 карточек, систематизированных по алфавитно-

му принципу. Различный формат личных карточек и разная степень их заполненности свидетельствуют о первоначальном их нахождении в составе делопроизвод-

¹ Там же. Ф. 4. Оп. 4а (1925). Д. 6.

В.п.	А	Б	В	Г	Д	Е	1	3	5	7	9	11	13	15	17	19	21	23	25	27	29	31	ВЛКСМ
№	444/1388		1803		1644																		57
Профсоюз	Радпроф		Ст. с 19		г. Кн. №																		
Партийность	8/п.																						
Образование	Высшее																						
Специальность	минеролог																						
Трудовой стаж	еще в общ.																						
Адрес	Ленинград Ул. Рокко-Луксандурская д. 19 кв. №6																						
Дата рождения	1908?																						
Национальность																							
Социальн. положение																							
Отнош. к воен. службе	Военнослужащий отсрочке как офицер ВВС																						
Телефон																							
Д В И Ж Е Н И Е П О С Л У Ж Б Е																							
Основание	Дата	Должность, род работы	Место работы	Разряд	Зарплата	Основание	Дата	Должность, род работы	Место работы	Разряд	Зарплата												
Доклад	9/11 1930	Минеролог	Шадринская			Специалист						(Основан эк. деп-том - 1930 г. в.и.и.)											
Отчет	28/31	обработка материалов и напечатан научный труд по срок с 28/7 31				содан Работой Экспедиции Минералогия Кремль						Получена в Туркестанской экспедиции с ноября											
		оплата 480р.																					

Ил. 8. Гаврусевич Борис Александрович, минеролог. Личная карточка. Подлинник.
Не позднее 15 октября 1931 г. © СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а (1925). Д. 6. «Г». Л. 51

ственных документов различных академических учреждений или структурных подразделений Управления делами АН. Лишь впоследствии они были объединены в единый комплекс.

Имеются учётные формы с достаточно обширным набором граф для заполнения, в которых от работника запрашивались следующие сведения: дата и место рождения, социальное происхождение, национальность (подданство), партийность, семейное положение, отношение к воинской службе, образование, профессия, специальность, данные паспорта. Основное поле карточки составлял раздел «Движение по службе» с указанием размера заработной платы, причины и времени увольнения. В ряде случаев к карточкам (вероятно, вследствие отсутствия личного дела сотрудника) дополнительно прикреплялись документы личного характера: ха-

рактеристики, автобиографии, различного рода справки (в том числе медицинские) и т.д. В годы Великой Отечественной войны учёт сотрудников АН частично осуществлялся от руки на листах тетрадной или не разлинованной бумаги (ил. 7).

Благодаря информации этой картотеки ЭБД пополнилась новыми электронными карточками объекта «Персона» общим числом ок. 3000. В первую очередь, это сотрудники АН СССР, на которых отсутствуют личные дела в фондах учреждений из-за временного или краткосрочного (в связи со скорым увольнением по разным причинам) характера их работы. С точки зрения истории научных исследований наибольший интерес представляют документы сотрудников, принимавшихся в АН на временные работы, по договору (ил. 8), чаще всего — как сотрудники академических экспедиций или для осуществления обработки

Ф.И.О.

КУЛЬТУРНЫЕ КАДРЫ		Ш и ф р			
Буква алфавита		1291			
№	(район)	Пол (м. ж.)			
(указать, где состоит на учете, как научный работник)					
1. Фамилия <u>Купрадзе</u> Имя и отчество <u>Виктор Дмитриевич</u>					
2. Парт. стаж <u>конец 1929</u> № п/б. <u>8100</u> 3. Год рождения <u>1904</u>					
4. Социальное происхождение <u>Крестьянин</u>					
5. Социальное положение <u>Научный работник</u>					
6. Национальность <u>Грузин</u>					
7. Свободно говорит, читает на др. языках (кроме русского): <u>немецки, фр. англ. (груз. - говорит и читает) (Научный м. свободно читает Борю)</u>					
8. Состоял ли в других партиях (каких и когда): <u>Нет</u>					
9. Имеет ли взыскания (партийные и по суду): <u>В 1931г. погубили на Вид - (неаккуратная укладка Тбилиских вилособ.)</u>					
10. Служил ли в старой и белой армии (когда и в качестве кого): <u>Нет</u>					
11. Какие высшие учебные заведения окончил (или учился), если в высших не учился то указать средние учебные заведения, курсы и т. д.					
Название учебного заведения	Факультет, отделение	Окончил или нет	Г О Д		Продолж. обучения
			Поступле-ния	Оконч. или ухода	
<u>Вост. Унив. Грузии</u>	<u>Фот-лаб.</u>	<u>Оконч.</u>	<u>1922</u>	<u>1927</u>	<u>Был</u>
<u>Аспирантура ИИ</u>	<u>Фот-лаб.</u>	<u>Оконч.</u>	<u>1929</u>	<u>1932</u>	<u>2 1/2 года.</u>
12. Научная и педагогическая специальность (указать подробно) и стаж работы по ней: <u>Научный и педаг. работу вел с 1929 года</u>					
13. Кем был направлен на научную и преподавательскую работу: <u>Назначен на ЦК Коп. сош. лаб. Грузии.</u>					
14. Имел ли научные командировки (когда, куда, срок и цель командировки): <u>Командировка в 1928г. в аспирантуру АН. Имел краудисервисные командировки внутри СССР на научные конференции и конгрессы</u>					

Зак. 374/о.

Ил. 9. Купрадзе Виктор Дмитриевич (1901-1985). Личная карточка «Культурные кадры». Подлинник. © СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а (1925). Д. 6. «К». Л. 1291

ВКП	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	ВЛКСМ		
№ 200.		Ф. Дараган И. Антонины Ивановна										Год рожд. 1879 Семейн. полож. не замужем Образование высшее Специальность палеонтология Трудовой стаж с 1914 г., а в АН с 1928 г. с 12/11-1918 по 1/10-1919 в Казань с 1/10-1920 по 1/10-1921 в Казань с 2/10-1921 по 29/1-1922 в Казань											
Профсоюз Рабгос К/№ 33048 Стаж 1919		Партийность б/п. Б/№ Стаж		Адрес: Улица Некрасова д. № 58, кв. 58. Телефон № 5-93-54																			
ДВИЖЕНИЕ ПО СЛУЖБЕ												ВЗЫСКАНИЯ											
Дата поступл. или перемещ.	Должность		Отдел, часть, цех.	Разряд	СУММА зарплаты	Дополн. виды зарплаты	Дата и № основания		Какое	За что	Основание												
1918.	Научн. сотрудник II разряда		Литератур. XIV		116р.				30. VII. 1929	за нарушение дисциплины	по распоряжению												
1929. 7. 29	Ученая как кандидат наук		Литератур. XIV						11. 11. 1929	за нарушение дисциплины	по распоряжению												

Ил. 10. Дараган Антонина Ивановна, научный сотрудник II разряда. Личная карточка. Подлинник. Не позднее 29 октября 1929 г. © СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а (1925). Д. 6. «Д». Л. 57

коллекций и экспедиционного материала, подготовки музейных экспозиций.

Так, картотека даёт сведения о временных сотрудниках 1920–1930-х гг. следующих академических учреждений: Издательство АН, Библиотека АН, Музей антропологии и этнографии, Музей истории религии, Пушкинский Дом, Геологический институт, Институт почвоведения, Минералогический институт, Петрографический институт, Сейсмологический институт, Соляная лаборатория, Комиссия по изучению Якутской АССР, Центральная фотолаборатория. Отдельный обширный блок сведений сохранился на сотрудников, работавших на договорной основе в Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) (1915–1930), Комиссии экспедиционных исследований АН (1928–1930) и организованном на их основе Совете по изучению производительных сил (СОПС) (1930–1960). Для категории служащих, получивших высшее

образование или владевших несколькими иностранными языками, осуществлялся отдельный учёт: помимо прочего на них заполнялась специальная карточка «Культурные кадры», как, например, на репрессированного основателя Житомирского отдела Русского теософического общества Виктора Викторовича Гинце (1875 – после 1938) [21]¹, академика АН Грузинской АССР Виктора Дмитриевича Купрадзе (1901–1985)² (ил. 9).

Данные картотеки содержат ценные крупинки информации о тех научных работниках, биографические данные о которых сохранились лишь фрагментарно. Среди них – умерший в годы войны химик Роман Робертович Гедике (1867–1942) [22, с. 116]; топограф, на момент заполнения карточки в 1932 г. студент ЛГУ, Виктор Алфеевич Дадаев (1907–?) (его личное дело имеется также в Российском государственном архиве Военно-морского флота)³; умерший в блокаду палеонтолог Екатерина

¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а (1925). Д. 6 «Г». Л. 319, 320.

² Там же. Д. 6 «К». Л. 1290–1292, 1391.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 4. Д. 721.

Михайловна Глебовская (1890–1942) [22, с. 300]; репрессированный почвовед Антонина Ивановна Дараган (1879 – после 1929) (30 августа 1929 г. задержана по распоряжению ОГПУ и 29 октября 1929 г. уволена «как находящаяся под арестом более 2-х месяцев» [Ф. 4. Оп. 4а (1925). Д. 6 «Д»]) (ил. 10) и др.

Значительную часть картотеки составляют личные карточки служащих различных отделов Управления делами АН, отдела жилищно-коммунального хозяйства и др.: контролёров, машинисток, агентов по снабжению, продавцов, прорабов, токарей, слесарей, штукатуров, маляров, водителей, грузчиков, кочегаров, истопников, сторожей, уборщиц помещений, чернорабочих. Эти данные, как показывает опыт общения с членами семьи бывших академических работников, оказываются востребованными в генеалогических исследованиях.

Заключение. Электронная база данных о персональном составе Академии наук

Таким образом, проводимые сегодня в СПбФ АРАН исследования по изучению кадрового состава Императорской – Рос-

сийской – Всесоюзной академии наук позволили выявить продуктивные пути поиска персональной информации. Основным источником сведений о членах академии и других крупных учёных, являющихся фондообразователями СПбФ АРАН, неизменно остаются их личные архивные фонды, содержащие, как правило, всю полноту сведений по научной биографии учёного. Информация о рядовых научных сотрудниках и научно-техническом персонале аккумулирована преимущественно в фондах учреждений – в делопроизводственной и кадровой документации. В отношении же сведений о временных академических сотрудниках и технических служащих наиболее перспективным направлением поисков является обращение к фонду 4 СПбФ АРАН, при этом для XVIII–XIX вв. основной источник – это информация формулярных списков из описи 5, для советского довоенного времени – картотека по личному составу¹. Обширная информация о персональном составе содержится сегодня в электронной базе данных СПбФ АРАН, в которую на настоящий момент включены сведения более чем о 39 000 персон (<http://ranar.spb.ru/persons>).

ЛИТЕРАТУРА

1. Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1–2. СПб., 1870–1873.
2. Тункина И.В. Академическое архивоведение: актуальное прошлое (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН: итоги 300-летней истории и перспективы развития в XXI веке) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2018 / Отв. ред. В.А. Тишков; [сост. Н.В. Тарасова]. М.: РАН, 2019. С. 165–181.
3. Тункина И.В. Академический архив – сокровищница рукописного наследия мировой науки // Фонды и коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. И.В. Тункина; Сост. И.В. Тункина, Н.В. Крапошина. СПб.: Коло, 2016. С. 7–31.
4. Tunkina I.V. Academy Archive – Manuscript Heritage Treasury of the World Science // Fonds and Collections of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: Brief Guide / Ed. by I.V. Tunkina; Compil. by N.V. Kraposhina; transl. by E.A. Annenkova; Transl. ed. by M.V. Ponikarovskaia. SPb.: Kolo, 2016. P. 7–12.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а (1925). Д. 6.

5. Архив Академии Наук СССР: Обзорение архивных материалов. Т. 1 / Под ред. Г.А. Князева. Л., 1933; Т. 2 / Под ред. Г.А. Князева, Л.Б. Модзалевского. М.; Л., 1946; Т. 3 / Под ред. Г.А. Князева и др. М.; Л., 1950; Т. 4 / Под ред. Г.А. Князева и др. М.; Л., 1959; Т. 5 / Г.А. Князева и др. М.; Л., 1963; Т. 6 / Под ред. Б.В. Левшина. Л., 1971; Т. 7 / Под ред. Б.В. Левшина. Л., 1977; Т. 8 / Под ред. Б.В. Левшина. Л., 1986.
6. Учёные – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник / Науч. ред. и сост. Е.Ю. Басаргина, И.В. Тункина. Т. 1–3. СПб.: Реноме, 2018–2020.
7. Верещагин Г.Ю. Байкальская лимнологическая станция // Вестник АН СССР. 1931. № 3. С. 40–42.
8. Талиев Д.Н. Деятельность Байкальской лимнологической станции Академии наук СССР и перспективы её дальнейшей работы // Известия АН СССР. Серия геологическая. 1945. № 1. С. 79–87.
9. Дорогостайская Е.В. Виталий Чеславович Дорогостайский (1879–1938). СПб.: Наука, 1994.
10. Гидробиологи экспедиции АН СССР по изучению озера Байкал, Байкальской лимнологической станции ВСФ АН СССР и Лимнологического института СО РАН (1916–2014 гг.) / Сост. З.В. Слугина; Отв. ред. О.А. Тимошкин. Иркутск, 2014.
11. Коцарь О.В. История первых экспедиций [Электронная публикация]. URL: <http://www.lin.irk.ru/first-expeditions> (дата обращения: 21.02.2021).
12. Бондарь Л.Д. Комиссия по изучению озера Байкал Императорской–Российской–Всесоюзной академии наук: её состав и председатели // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций / Отв. ред. С.А. Лиманова. Вып. 2. М.: Архив РАН, 2019. С. 12–23 [Электронное издание]. URL: <http://arran.ru/?q=ru/publication&guid=494AF307-D817-46D7-8A8B-69C7997BEFBE> (дата обращения: 21.03.2021).
13. Груздева Е.Н., Бондарь Л.Д. О дате создания Байкальской лимнологической станции АН СССР // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 322–332.
14. Бондарь Л.Д. Байкальская лимнологическая станция АН СССР: первый список персонального состава (по документам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 100-летию Российской революции 1917 года и 95-летию профессора исследователя индустриальных процессов послеоктябрьской Сибири Е.Е. Тармаханова. Тармахановские чтения I: Российская революция 1917 г. / Науч. ред. Т.В. Паликова; Отв. ред. О.Н. Полянская. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. С. 307–317.
15. Горяшко А. Биостанция особого назначения // Московский журнал. 2007. № 11. С. 17–23.
16. Бондарь Л.Д. Байкальская лимнологическая станция АН СССР в довоенные годы: семейные портреты (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 333–350.
17. Тункина И.В. Модернизация научно-справочного аппарата Санкт-Петербургского филиала Архива РАН: сайт и база данных // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М., 2012. С. 595–597.
18. Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 / Авт.-сост. М.Ф. Хартанович, М.Я. Хартанович; Отв. ред. Н.П. Копанева, Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2004.
19. Крапошина Н.В. Солдатская служба в Академии наук (1719–1803) // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 235–252.

20. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 4 (1700–1712). СПб.: Типография собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
21. Рейнке Н. Виктор Викторович Гинце (краткая биография) // Alba. № 2. 1956. С. 37–41.
22. Наука и научные работники СССР. Ч. 5: Научные работники Ленинграда. С приложением перечня учреждений Ленинграда. Л.: АН СССР, 1934.

ENGLISH

Members of the Academy of Sciences from the 18th to the First Third of the 20th Century in the Sources of St. Petersburg Archive of the Russian Academy of Sciences

Natalia Valentinovna Kraposhina – Candidate of Science (History), Chief Researcher, St. Petersburg Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbA RAS), head of the project "Personnel of the Imperial St. Petersburg/Russian/Soviet Academy of Sciences (18th–20th cc.): Computer Database" (18-011-00539).
E-mail: nkraposhina@yandex.ru

Larisa Dmitrievna Bondar – Candidate of Science (History), academic secretary, SPbA RAS, co-researcher in the same project.
E-mail: L007@list.ru

This paper explores the chronicles and documents of St. Petersburg Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbA RAS) that contain information about the staff of academic institutions of the 18th – first third of the 20th century. Conducted at SPbA RAS, the research included the study of documents from the personal archives of academicians, prominent scientists and stakeholders in science, and resulted in a number of published biographies of these scientists (the work in progress). The study of personnel documents from the archives of academic institutions helped to reconstruct the staff lists of some of these institutions, uncover hundreds of ordinary scholars and researchers and publish some previously unknown scientific biographies. Concerning temporary academic and technical staff, the most fruitful was the Archive No. 4 with the documents of the Committee of the Board of the Academy of Sciences, Administration of Affairs of the Academy of Sciences; Administration & Maintenance Department of Leningrad Institutions of the Academy of Sciences. Here, for the 18th–19th centuries, the key source were the staff records, for the Soviet pre-war period – the extensive staff file (ca. 12,000 cards). The details of the academic staff are now entered in the e-database of SPbA RAS, which currently includes information about more than 39,000 persons (<http://ranar.spb.ru/persons>).

Keywords: History of the Russian Academy of Sciences, personnel, academic staff, digital database

REFERENCES

1. Pekarskii P.P. Istoriya Imperatorskoi akademii nauk v Peterburge. T. 1–2. SPb., 1870–1873 (in Russian).
2. Tunkina I.V. Akademicheskoe arhivovedenie: aktual'noe proshloe (Sankt-Peterburgskii filial Arhiva RAN: itogi 300-letnei istorii i perspektivy razvitiya v XXI veke) // Trudy Otdeleniya is-

- toriko-filologicheskikh nauk RAN. 2018 / Otv. red. V.A. Tishkov; [sost. N.V. Tarasova]. M.: RAN, 2019. С. 165–181 (in Russian).
3. Tunkina I.V. Akademicheskii arhiv – sokrovishchnitsa rukopisnogo naslediya mirovoi nauki // Fondy i kollektzii Sankt-Peterburgskogo filiala Arhiva Rossiiskoi akademii nauk: Kratkii spravochnik. Izd. 2-e, ispr. i dop. / Otv. red. I.V. Tunkina; Sost. I.V. Tunkina, N.V. Kraposhina. SPb.: Kolo, 2016. S. 7–31 (in Russian).
 4. Tunkina I.V. Academy Archive – Manuscript Heritage Treasury of the World Science // Fonds and Collections of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: Brief Guide / Ed. by I.V. Tunkina; Sompil. by N.V. Kraposhina; transl. by E.A. Annenkova; Transl. ed. by M.V. Ponikarovskaia. SPb.: Kolo, 2016. P. 7–12.
 5. Arhiv Akademii Nauk SSSR: Obozrenie arhivnykh materialov. T. 1 / Pod red. G.A. Knyazeva. L., 1933; T. 2 / Pod red. G.A. Knyazeva, L.B. Modzalevskogo. M.; L., 1946; T. 3 / Pod red. G.A. Knyazeva i dr. M.; L., 1950; T. 4 / Pod red. G.A. Knyazeva i dr. M.; L., 1959; T. 5 / G.A. Knyazeva i dr. M.; L., 1963; T. 6 / Pod red. B.V. Levshina. L., 1971; T. 7 / Pod red. B.V. Levshina. L., 1977; T. 8 / Pod red. B.V. Levshina. L., 1986 (in Russian).
 6. Uchyonye – fondoobrazovateli Sankt-Peterburgskogo filiala Arhiva Rossiiskoi akademii nauk: Kratkii biograficheskii spravochnik / Nauch. red. i sost. E.Yu. Basargina, I.V. Tunkina. T. 1–3. SPb.: Renome, 2018–2020 (in Russian).
 7. Vereshchagin G.Yu. Baikalskaya limnologicheskaya stantsiya // Vestnik AN SSSR. 1931. № 3. S. 40–42 (in Russian).
 8. Taliev D.N. Deyatel'nost' Baikalskoi limnologicheskoi stantsii Akademii nauk SSSR i perspektivy eyo dal'neishei raboty // Izvestiya AN SSSR. Seriya geologicheskaya. 1945. № 1. S. 79–87 (in Russian).
 9. Dorogostaiskaya E.V. Vitalii Cheslavovich Dorogostaiskii (1879–1938). SPb.: Nauka, 1994 (in Russian).
 10. Gidrobiologi ekspeditsii AN SSSR po izucheniyu ozera Baikal, Baikalskoi limnologicheskoi stantsii VSF AN SSSR i Limnologicheskogo instituta SO RAN (1916–2014 gg.) / Sost. Z.V. Slugina; Otv. red. O.A. Timoshkin. Irkutsk, 2014 (in Russian).
 11. Kotsar' O.V. Istoriya pervykh ekspeditsii [Elektronnaya publikatsiya]. URL: <http://www.lin.irk.ru/first-expeditions> (data obrashcheniya: 21.02.2021) (in Russian).
 12. Bondar' L.D. Komissiya po izucheniyu ozera Baikal Imperatorskoi–Rossiiskoi–Vsesoyuznoi akademii nauk: eyo sostav i predsedateli // Arhivnyi poisk: sbornik nauchnykh statei i publikatsii / Otv. red. S.A. Limanova. Vyp. 2. M.: Arhiv RAN, 2019. S. 12–23 [Elektronnoe izdanie]. URL: <http://arran.ru/?q=ru/publication&guid=494AF307-D817-46D7-8A8B-69C7997BEFBE> (data obrashcheniya: 21.03.2021) (in Russian).
 13. Gruzdeva E.N., Bondar' L.D. O date sozdaniya Baikalskoi limnologicheskoi stantsii AN SSSR // Millerovskie chteniya – 2018: Preemstvennost' i traditsii v sohraneni i izuchenii dokumentalnogo akademicheskogo naslediya: Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 24–26 maya 2018 g., Sankt-Peterburg / Sost. i otv. red. I.V. Tunkina. SPb.: Renome, 2018. S. 322–332 (in Russian).
 14. Bondar' L.D. Baikalskaya limnologicheskaya stantsiya AN SSSR: pervyi spisok personal'nogo sostava (po dokumentam Sankt-Peterburgskogo filiala Arhiva RAN) // Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchyonnoi 100-letiyu Rossiiskoi revolyutsii 1917 goda i 95-letiyu professora issledovatelya industrial'nykh protsessov posleoktyabr'skoi Sibiri E.E. Tarmahanova. Tarmahanovskie chteniya I: Rossiiskaya revolyutsiya 1917 g. / Nauch. red. T.V. Palikova; Otv. red. O.N. Polyanskaya. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2017. S. 307–317 (in Russian).
 15. Goryashko A. Biostantsiya osobogo naznacheniya // Moskovskii zhurnal. 2007. № 11. S. 17–23 (in Russian).
 16. Bondar' L.D. Baikalskaya limnologicheskaya stantsiya AN SSSR v dovoennye gody: semeinye portrety (po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arhiva RAN) // Millerovskie chteniya –

- 2018: Preemstvennost' i traditsii v sohraneni i izuchenii dokumental'nogo akademicheskogo naslediya: Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 24–26 maya 2018 g., Sankt-Peterburg / Sost. i otv. red. I.V. Tunkina. SPb.: Renome, 2018. S. 333–350 (in Russian).
17. Tunkina I.V. Modernizatsiya nauchno-spravochnogo apparata Sankt-Peterburgskogo filiala Arhiva RAN: sait i baza dannyh // Istoriko-kul'turnoe nasledie i duhovnye tsennosti Rossii. Programma fundamental'nyh issledovaniy Prezidiuma Rossiiskoi akademii nauk / Otv. red. A.P. Derevyanko, A.B. Kudelin, V.A. Tishkov. M., 2012. S. 595–597 (in Russian).
 18. Letopis' Kunstkamery. 1714–1836 / Avt.-sost. M.F. Khartanovich, M.Ya. Hartanovich; Otv. red. N.P. Kopaneva, YU.K. Chistov. SPb.: MAE RAN, 2004 (in Russian).
 19. Kraposhina N.V. Soldatskaya sluzhba v Akademii nauk (1719–1803) // Millerovskie chteniya – 2018: Preemstvennost' i traditsii v sohraneni i izuchenii dokumental'nogo akademicheskogo naslediya: Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 24–26 maya 2018 g., Sankt-Peterburg / Sost. i otv. red. I.V. Tunkina. SPb.: Renome, 2018. S. 235–252 (in Russian).
 20. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1. T. 4 (1700–1712). SPb.: Tipografiya sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyari i, 1830 (in Russian).
 21. Reinke N. Viktor Viktorovich Gintse (kratkaya biografiya) // Alba. № 2. 1956. S. 37–41.
 22. Nauka i nauchnye rabotniki SSSR. Ch. 5: Nauchnye rabotniki Leningrada. S prilozheniem perechnya uchrezhdenii Leningrada. L.: AN SSSR, 1934 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 821.161.1 372.893

Код ГРНТИ 17.09.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-108-01-89-103

Д.В. ДОЛГУШИН***Исторические таблицы
В.А. Жуковского**

В статье представлены результаты исследования одного из малоизученных произведений В.А. Жуковского — разработанных им таблиц для преподавания истории. Впервые Жуковский познакомился с дидактическим жанром таблиц по истории в 1810 г., когда он, занимаясь самообразованием, использовал разработки Д. Хюблера и Х. Шлёцера. Историко-географические карты Х. Шлёцера, интегрированные с синхронистическими таблицами, и методологические идеи его отца, А.Л. Шлёцера, стали для Жуковского образцом, определившим его дальнейшие поиски в области дидактики. Расцвет деятельности Жуковского-педагога пришёлся на период его службы при дворе. В это время им была разработана особая система преподавания с помощью таблиц, снабжённых особыми мнемоническими знаками. Довести разработку этой системы до конца Жуковский не успел и попытался вернуться к решению этой задачи незадолго до смерти, когда взялся за разработку «Первоначального курса обучения» для своих детей. В «Первоначальном курсе» знаки, разработанные Жуковским, стали употребляться не только для соотнесения события с датой, но и для шифрации нарративного текста. Развёртывание его обратно в нарратив во время расшифровки, осуществляемой учеником, и составляло суть дидактического замысла Жуковского.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, русский романтизм, А.Л. Шлёцер, Х. Шлёцер, исторические таблицы, придворная педагогика, царская педагогика, Александр II

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852), названный В.Г. Белинским «литературным Колумбом Руси, открывшим ей Америку романтизма в поэзии», был первопроход-

цем и в педагогике. Много лет он разрабатывал новаторскую систему преподавания, которую апробировал сначала в ходе обучения царских детей, а затем и на уроках с собственной дочерью. Ос-

* **Долгушин Дмитрий Владимирович** — доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Новосибирского национального исследовательского государственного университета, руководитель проекта «Педагогические проекты русских писателей первой половины XIX в. (М.Н. Муравьев, В.А. Жуковский, П.А. Плетнёв)» (20-012-00529).

E-mail: D_Dolgushin@mail.ru

Ил. 1. В.А. Жуковский. Акварель Г. Рейтерна, 1834

новным дидактическим приёмом в ней было использование особых, изобретённых В.А. Жуковским (ил. 1) таблиц, в которых содержание кодировалось с помощью системы мнемонических знаков. «Метода учения по таблицам», по выражению поэта, «отстраняла всё механическое, развивала деятельность умственную», «помогала учащемуся самобытно присваивать то, что ему преподаётся учителем»¹.

Разработка «методы» настолько увлекала Жуковского, что он считал это занятие одним из главных дел жизни. Однако довести её до конца Василий Андреевич не успел. Разработанные им таблицы и другие дидактические материалы так и остались неопубликованными, в настоящее время они хранятся в различных архивах.

Ещё академик А.Н. Веселовский видел в этих таблицах ключ к пониманию не-

которых особенностей творческого склада поэта и писал (правда, несколько иронически) об «элементе таблиц» в его характере (см.: [1, с. 427, 432]). Тем не менее долгое время таблицы Жуковского не привлекали особого внимания исследователей. Лишь в самое последнее время появились работы, специально им посвящённые (речь идёт, прежде всего, о работах итальянского учёного Д. Ребеккини [2]).

Изучение этого пласта творческого наследия Жуковского стало частью исследования, которое осуществляется в рамках проекта РФФИ «Педагогические проекты русских писателей первой половины XIX в.: М.Н. Муравьёв, В.А. Жуковский, П.А. Плетнёв» коллективом, состоящим из И.А. Айзиковой, Н.Л. Паниной и автора этих строк. В настоящей статье будут представлены некоторые результаты этого изучения.

История, прочитанная поперёк

По-видимому, впервые Жуковский увлёкся таблицами в 1810 г. Тогда, живя уединённо в Белёве, он усиленно занимался самообразованием и погрузился в изучение истории. Исторические штудии были ему необходимы для подготовки к написанию поэмы «Владимир». Однако эта цель постепенно отошла на второй план, уступив место желанию составить себе связное представление о событиях не только русской, но и всеобщей истории. Жуковский считал себя в этой области «совершенным невеждой» [3, с. 106] и с горячностью принялся ликвидировать пробелы своего образования, штудировав специальную литературу, которую ему присылал в Белёв его друг А.И. Тургенев.

Как можно понять из их переписки, главным пособием в этих занятиях для Жуковского стал обзорный труд немецкого историка И.Х. Гаттерера «Попытка изложения всемирной истории» («Versuch einer allgemeinen Weltgeschichte: bis zur Entdeckung Amerikens», 1792) [4], который поэт изучал, «имея перед глазами Габлеро-

¹ РНБ. Ф. 286. О. 1. № 128. Л. 2.

A. Assyrische Zeit von 1600 (1630) Jahren.		a) 1800-2600.		I.		
Jahre der Welt.	Aegypten.	Cimmerier.	Scythen.	Thracier.	Griechenland.	Italien.
1800 v. Chr. 2184	[9. MENES.] I. ÄLTESTE UNBEKANNTE ZEIT. Von den ältesten Pharaonen ist nichts bekannt.					
1000 v. Chr. 2084	Drey Staaten in Aegypten <i>This, Memphis und Thebä.</i>	† Bey Mose <i>Gomer</i> , bey den Griechen <i>Cimmerier</i> , bey den Römern <i>Cimbren</i> , wohnen zwischen den Don und der Alata, am Mäcis, dem schwarzen Meere und der Donsu, sind nur durch ihre Wanderungen merkwürdig geworden.	† wohnten zu beyden Seiten des Dojept.	† von vielen besondern Völkern bewohnt.	I. SAGEN-ZEIT.	I. ZEIT DER URBEWOHNER. 1. <i>Überische</i> Völkerstämme, in Ober- und Mittel-Italien bis an den Liris (Gariglione) <i>Lugurier, Etrusker, Sikuler, Sikaner.</i> 2. <i>Aufoner</i> , vom Liris bis zur Meerränge. a) <i>Sabiner</i> , von denen die <i>Picener, Aequier, Mavjer, Hernici</i> und eigentlichen <i>Sanniter.</i> b) <i>Sanniter</i> , von denen die <i>Lukaner, Bruttier</i> , und eigentlichen <i>Campaner.</i> c) Die ältern <i>Campaner</i> , theils <i>Avunci</i> , theils <i>Osker.</i> d) Zweifelhafte Ursprünge, die <i>Peliger, Apuler, Rutuler, Faliker, Abruigner</i> sind unter den Aufonern.
2000 v. Chr. 1984	23. <i>Memphis</i> , schon ein eingerichteter Staat, der nicht ganz neu seyn kann. Die Staaten waren <i>Priester-Aristokratien</i> , mit einem Könige an ihrer Spitze, doch war das Verhältniß beyder nicht überall und zu allen Zeiten einerley.				I. PELASGER.	
2100 v. Chr. 1884					27. <i>INACHUS</i> , Ursprung der pelagischen Staaten im Peloponnes, besonders in <i>Arcadien, Argos, Sicyon, Achaja</i> , oder vielleicht erst	3. <i>Umbrier</i> , Abkömmlinge der alten Gallier, erst theils am adriatischen Meere, theils im innern Lande, im nordöstlichen Etrurien, Sabinerlande &c.
2200 v. Chr. 1784	20. <i>Joseph</i> Großvater.	<i>Memphis</i> allein herrschend.		† Thracier wurden das erste geistige Volk in Europa.	38. seit <i>Phoroneus</i> .	
2300 v. Chr. 1684	47. Die <i>Hycios</i> ,				6. <i>Oenotrus</i> und <i>Peucetius</i> führen Pelagische Colonien nach Italien. <i>Pelager</i> verbreiten sich in <i>Hellas</i> bis an <i>Theffalien</i> . Erste bekannte Bewohner von <i>Afrika</i> (König <i>Ogyges</i>) und <i>Bäotien</i> .	II. ZEIT DER PELASGISCHEN ANKÖMMLINGE. 6. <i>Pelager</i> des <i>Oenotrus</i> u. <i>Peucetius</i> . Jene setzten sich in <i>Calabrien</i> und <i>Apulien</i> , (<i>Capitanata, Bari, Otranto</i>) diese am iamaischen Meerbusen, (<i>Golfo die S. Eufemia, in Calabria ultra</i>). Daher wurde Süditalien <i>Oenotria</i> genannt. Sie werden durch ihre mitgebrachte Cultur den ältern Einwohnern überlegen, vernichten sich mit den <i>Aufonern</i> , und beyde fangen den langen <i>Abriginer-Krieg</i> mit den <i>Sikalern</i> und <i>Umbriern</i> an.
2400 v. Chr. 1584	26. <i>Cecrops</i> Auswanderung. 53. <i>Israecliten</i> wandern aus. Ende der <i>Hycios</i> . 72. <i>Danaus</i> Auswanderung.			<i>Targiteus</i> soll regiert haben.	26. <i>CECROPS</i> aus Aegypten kömmt nach <i>Afrika</i> . 42. <i>DEUCALION</i> in <i>Phocia</i> , Stammvater der <i>Hellenen</i> . 70. Fluth des <i>Deucal</i> . Er treibt die <i>Pelager</i> aus <i>Theffalien</i> . 71. <i>DANEUS</i> aus Aegypten in <i>Argos</i> , (<i>italien</i>). 77. <i>Amphichyoon</i> in <i>Theffalien</i> . 78. <i>Hellen</i> , <i>Deucal</i> , Sohn, in <i>Theffalien</i> , dessen Söhne <i>Aeolus, Dorus, Xuthus</i> und deren Nachkommen sich in ganz <i>Griechenland</i> und <i>Peloponnes, Arcadien</i> ausgenommen, verbreiteten. 77. <i>Minos</i> II. König in <i>Kreta</i> . Erste Kriegsflotte und erste Gesetzgebung.	2. PELAGER und HELLENEN zugleich.
2500 v. Chr. 1484	II. ZEIT DER KÜNSTE UND WISSENSCHAFTEN.					In diesem Kriege stehen die ankommenden <i>Thessalischen Pelager</i> oder <i>Tyrhener</i> den <i>Aufonern</i> bey, dadurch werden die (s. die folgende Tabelle).
2600						

Ил. 2. Фрагмент синхронистических таблиц Д.Г.И. Хюблера (из книги: Synchronistische Tabellen der Völkergeschichte hauptsächlich nach herrn Hofrath Gatterers «Versuch einer allgemeinen Weltgeschichte» von M. Daniel Gotthold Joseph Hübler, conrector am Gimnasium zu Freiberg. Lieferung 1-3. Freiberg, 1797-1802)

вы таблицы» [3, с. 106]. Что это за таблицы? Кто такой Габлер? Вопреки ранее высказанным исследователями версиям его нельзя отождествить ни с художником Амбросиусом Габлером (1764–1834), ни с философом Георгом Габлером (1786–1853): составлением исторических таблиц они не занимались. Речь наверняка идёт о Даниеле Готтхольде Йозефе Хюблере (Hübler, 1734–1805) – конректоре гимназии в Фрайберге, разработавшем подробные синхронистические таблицы по материалам упомянутой выше книги Гаттерера [5].

Эти таблицы, плод многолетнего и кропотливого труда (ил. 2), способствовали изучению всеобщей истории именно в таком аспекте, который в то время привлекал Жуковского больше всего. Поэту хотелось, «невредимо пройдя через лабиринт историй частных», выработать «философический взгляд на происшествия в связи» [3, с. 106]. Его интересовали не детали, а именно «план», чертёж, общее представление об истории, абрис событийной канвы – схематичный и наглядный, подобно географической карте. Таблицы вполне этому соответствовали. Недаром Хюблер в предисловии к ним заявлял, что желал им придать ту степень наглядности, которую имеет географическая карта.

Вообще, во время своих штудий в Белёве Жуковский настойчиво придерживался «картографического» метода. Прочитав раздел из Гаттерера и сверив его с таблицами Хюблера, он откладывал обе книги в сторону и принимался за составление «карт того времени, о котором читал» [3, с. 106]. Как поясняет Жуковский в письме А.И. Тургеневу от 7 ноября 1810 г., это были карты, составленные «à la Schlötzer fils» («в духе Шлёцера-сына») [3, с. 106].

Шлёцер-сын – хорошо известный и Жуковскому, и Тургеневу профессор Московского университета Христиан Шлёцер. Жуковский неоднократно встречался и переписывался с ним, публиковал его статьи в «Вестнике Европы» (а его отца, знаменитого геттингенского историка А.Л. Шлёцера, пытался привлечь к редактированию

политического отдела в этом журнале) [3, с. 641]. Основной специальностью Х. Шлёцера была политэкономия, но занимался он и историей, даже разработал особый способ её преподавания с помощью хронологических таблиц и карт, интегрированных друг с другом. Пример подобной методики можно видеть в его атласе «Объяснение истории Британских островов» [6].

Здесь Шлёцер разместил синхронистическую таблицу, состоящую из трёх колонок: одной – для событий первого тысячелетия до н.э., двух других – для событий первого и второго тысячелетий н.э. В каждой из колонок с помощью цветных выделений по принципу «Реки времён» Штрасса он обозначил историю разных народов, живших на Британских островах (ил. 3). В образовавшиеся цветные полосы Шлёцер выписал события британской истории, расположив выписки синхронистически. Тут же он поместил четыре карты Британии, соответствующие четырём эпохам, от римской до современной, и на них теми же цветами выделил территории расселения упомянутых в таблице народов, а также с помощью дат обозначал места основных событий. Таким образом синхронистическую таблицу он трансформировал в историко-географическую карту.

В кратком предисловии к своему труду Шлёцер упоминал, что готовит к изданию полный атлас русской истории, построенный по тому же принципу, что и «Объяснение истории Британских островов». Атлас этот так и не был доведён до конца. Шлёцер опубликовал только первую его часть в двух тетрадах [7, 8], одна из которых состояла из карт, а другая – из синхронистической, хронологической и генеалогической таблиц. И карты, и таблицы по замыслу совершенно аналогичны разобранной выше (только более подробны и развёрнуты). Отдельной книгой были изданы объяснительные примечания к этим материалам [9]. На выпуск остальных частей у Шлёцера не хватило денег.

На какое из шлёцеровских изданий ориентировался Жуковский, сказать трудно.

1002 - 1013	Dänische Vesper.				
	SWEN. KANUT. d. Grossc. Herrschaft d. Dänen.		O-Rias: 1027 An- gan. 1027 An- laf 5.		
1041	HARDIKNUT.				
	EDUARD. d. Bekenner. Godwin. Herrschaft d. Angelsachsen von Neuem.				
1066	Harald. Schlacht bei Hastings.		1066 Ein Theil der ostm. Sta- ten mit Kanverint bis 1077.	1066 Ein Theil der ostm. Sta- ten mit Kanverint bis 1077.	MALCOLM III 1057. Anfang der noch gegenwär- tig üblichen schottischenSprä- che, der Kultur u. s. w.
	WILHELM. d. Eroberer. Anfang der Herrschaft der Franzosen.		1107 Eroberung geny. Ma- gnus Barfuss.	1095 Man an Ma- gnus Bar- fuss unter- worfen.	
1100 - 1101	Charta Libertatum. Innere Kriege.				
1154	HEINRICH II. Erster Beg. ad. HANJOU	1152 Bünd- nis mit Frank- reich und Schottland.	1152 Kardinal Papare.		
1169	Ersicherung von Wales. Becket.		1167. Dermod.		
1172	Eroberung eines Theils von Irland.	Wales. noch nicht		Roderich O-Connor. Cathal.	1169 Cambert und an Mehrmaliges Lehnverhältni- sgegen. England.

Ил. 3. Фрагмент синхронистических таблиц Х. Шлёцера
(из книги: Schlözer Ch., von. Erläuterungen der Geschichte der brittischen Inseln
durch Zeittafeln und historisch-geografische Karten. Mitau, 1804)

Первый комментатор переписки Жуковского с А.И. Тургеневым, И.А. Бычков, считал, что на «Объяснение истории Британских островов» [10, с. 75]. Но не менее допустимо предположить, что на «Начало российской истории», тем более что в 1810 г. эта книга была новинкой, благодаря чему могла привлечь внимание Жуковского.

И Хюблер, и Шлёцер не были первооткрывателями табличного метода. Традиция исторических таблиц ведёт своё начало ещё с античности. Расцвет её пришёлся на XVIII – начало XIX в.¹ Затронул он и Россию, где во времена Жуковского популярны были таблицы Лесажа, Штрасса,

Кольрауша и др.² За время своей педагогической деятельности Жуковский познакомился со многими образцами этого жанра. Однако именно опыты Хюблера и, особенно, Шлёцера-сына, стали отправной точкой его табличных увлечений.

Нужно сказать и о ещё одном связанном с таблицами влиянии на молодого Жуковского. Таблицы Шлёцера-сына были реализацией дидактических идей его отца, знаменитого историка А.Л. Шлёцера, высказанных в книге «Представление всеобщей истории». Вполне возможно, что Жуковский в своём «белёвском уединении» прочитал эту книгу (её русский перевод вышел в 1809 г. [13]). По крайней мере, несомнен-

¹ См. обзор этой традиции в исследовании Б. Штайнера [11], а также в статье Д. Ребекини [2].

² Даже в официальных рекомендациях учителям народных училищ, изданных в 1783 г., имелось предписание при преподавании активно использовать табличный метод [12, с. 12–18].

но, что Жуковский в это время был очень увлечён творчеством Шлёцера-старшего. В письмах А.И. Тургеневу он упрашивал своего друга прислать «шлёцеровы сочинения», с восторгом отзывался о Шлёцере-старшем как о человеке, имеющем «дар оживотворять самую сухую науку исторических древностей», называл его «Лессингом, Лагарпом истории» [3, с. 89–90].

Книга Шлёцера посвящена не историческим изысканиям, а тому, что сейчас называется репрезентацией знания. Шлёцер в ней обсуждает вопросы, как должен строиться курс всеобщей истории, какова должна быть методика его преподавания. По сути, он даёт теоретическое обоснование табличного метода и практические рекомендации по его применению. Приводятся в книге и образцы таблиц, которыми Шлёцер пользовался в Геттингенском университете. Правда, таблицы эти очень краткие и элементарные по структуре.

Основная мысль книги состоит в том, что курс всемирной истории нужно строить не как «сумму» частных историй, а как «систему» истории всего человечества. Для этого важно «синтетическое» изложение событий сочетать с «синхронистическим». Под «синтетическим» изложением Шлёцер понимает описание цепочек событий, соединённых друг с другом причинно-следственной связью («связью вещей»). Под «синхронистическим» изложением он понимает описание событий, совпадающих хронологически, но произошедших независимо друг от друга в разных концах населённого человечеством мира и поэтому соединённых только «связью времени». Любое событие может быть встроено и в «синтетический», и в «синхронистический» ряд. Первое можно сравнить с чтением «вдоль», а второе — с чтением «поперёк», поэтому, говорит Шлёцер, «каждый род происшествий» в курсе всеобщей истории необходимо прочитывать «двоим образом: однажды *вдоль*, вперёд и назад, а потом *поперёк*, в сторону, или синхронистическим образом» [13, с. 44].

И действительно, синхронистические таблицы — это история, прочитанная поперёк. В таком прочтении обнаруживается её архитектоника, масштабность. Наблюдатель поднимается над хронологическими рядами, созерцая историю как будто бы не во времени, а в пространстве. Временность поглощается пространственностью, торжествует пафос формы и визуальности.

Однако в самообразовании Жуковского составление синхронистических карт «à la Schlötzer fils» не было самоцелью. Объясняя ход своих занятий в письме А.И. Тургеневу от 7 ноября 1810 г., поэт рассказывает, что после их составления пишет «из головы общее обозрение происшествий прочитанного периода» [3, с. 106].

Таким образом, исторический материал во время автодидактических штудий Жуковского проделывал круг: от нарратива к карте и обратно. Сначала материал, изложенный нарративно в книге Гаттерера, с помощью таблиц Хюблера и Шлёцера-младшего препарировался Жуковским в карту. На стадии карты он переставал быть нарративом: карта, в отличие от нарратива, может читаться «поперёк», т.е. в любом направлении, вне сюжетной последовательности. Однако затем, в процессе написания Жуковским «общего обозрения происшествий», материал опять возвращался в нарратив — однако уже не Гаттерера, а Жуковского. Нетрудно заметить, что так осуществлялась привычная для первого русского романтика переводческая стратегия.

Светлана в тенетах таблиц

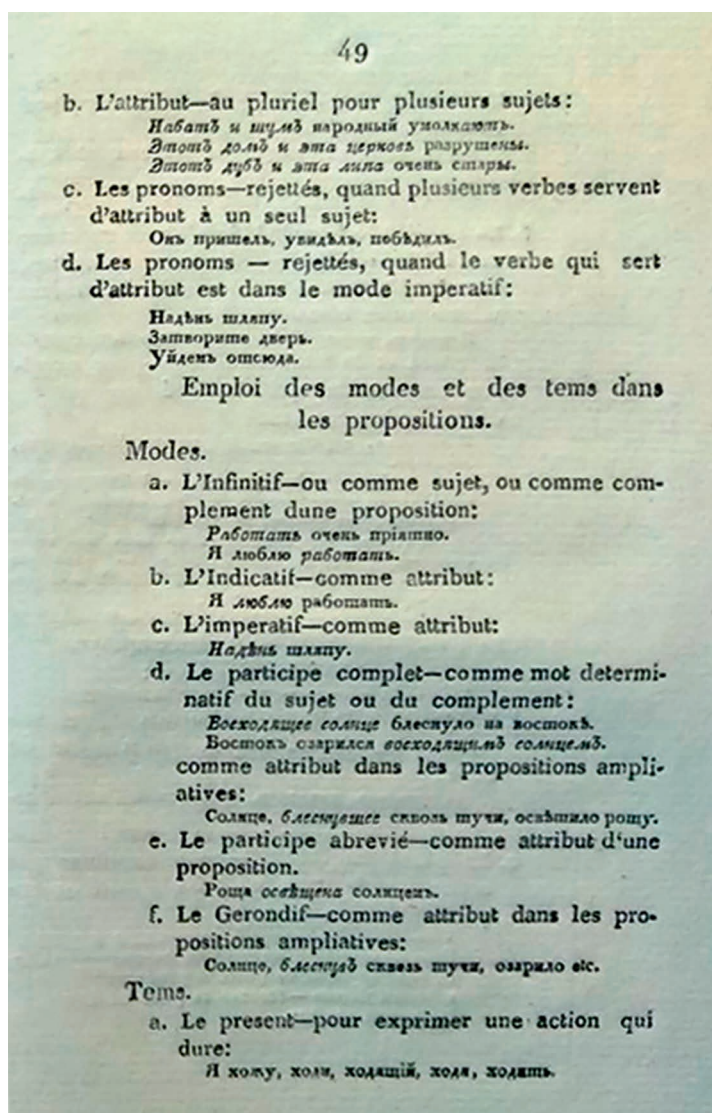
В 1817 г. Жуковский был назначен учителем русского языка великой княгини Александры Фёдоровны. Началась его педагогическая служба при дворе, и табличные увлечения получили новый импульс для своего развития: Жуковский принялся разрабатывать таблицы русского языка для своей ученицы. Результатом этих трудов стала отпечатанная для Александры Фёдоровны типографским способом книжка «Очерк русской грамматики» (ил. 4)

и приложение к ней в виде десяти таблиц (в экземплярах из научной библиотеки ТГУ одна из этих таблиц вплетена в книгу, остальные переплетены под отдельной обложкой) [14, 15]¹ с парадигмами склонений, спряжений, образования времён и т.п.

О своих занятиях поэт рассказывал друзьям, и к 1818 г. образ Жуковского-«табличника» проник в переписку карамзинистского круга². Расхожим мотивом в ней стало сетование о том, что он растрчивает свой талант в придворных коридорах и учебных комнатах. Жуковский в тон этим упрекам шуточно вздыхал, называя себя арзамасским прозвищем: «Я, Светлана, в графах таблиц, как будто в тенетах, / Скорчась, сижу» (Речь в заседании Арзамаса, 1817) [17, с. 73].

Став наставником сына Александры Фёдоровны великого князя Александра Николаевича, в 1825 г. провозглашённого наследником престола, Жуковский окончательно погрузился в табличную пучину. В его обязанности инспектора классов (так иногда называли должность, которую занимал поэт) входили разработка учебного плана, подготовка учебников и учебных пособий, подбор преподавателей, координация их деятельности — в общем, организация и сопровождение учебного процесса.

Занимаясь выполнением этих обязанностей, Жуковский разработал особую методику преподавания, которой, как он рассчитывал, будет следовать весь учительский коллектив, трудящийся под его руководством. Воспитатель брата наслед-

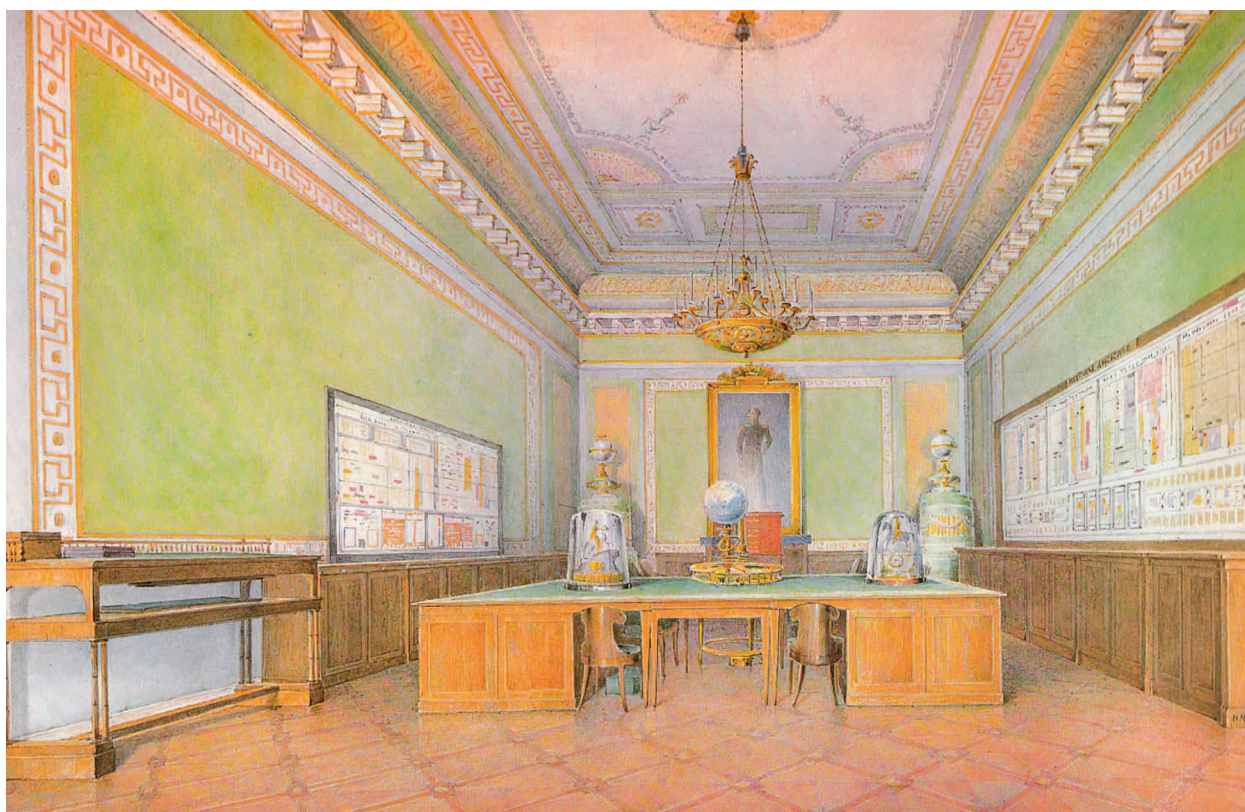
Ил. 4. Страница учебника русской грамматики, подготовленного В.А. Жуковским для великой княгини Александры Фёдоровны (из книги: *Esquisse de grammaire russe*. S.p., s.a.)

ника престола, великого князя Константина Николаевича, Ф.П. Литке называл эту методику «систематическим курсом, изобретённым В.А. Жуковским», и писал о том, что главную роль в нём играли таблицы [18, с. 24–25].

Жуковский действительно сделал на них педагогическую ставку, поскольку был уве-

¹ Судя по филиграммам с датой «1818», оба издания следует датировать этим временем.

² «Жуковский не может нахвалиться своей августейшей ученицей; но между тем пишет одни грамматические таблицы» [16, с. 253], — рассказывал Н.М. Карамзин в письме И.И. Дмитриеву 28 ноября 1818 г. И.И. Дмитриев, в свою очередь, в письме А.И. Тургеневу от 5 июня 1819 г. надеялся: «Может быть, Плещеев успеет обратить Жуковского к поэзии и простудить его к грамматическим таблицам. Как можно поэту заниматься такую работою!!» [1, с. 390].

Ил. 5. Чернецов Н.Г. Учебная комната цесаревича Александра Николаевича (акварель).
На стенах видны учебные таблицы большого формата

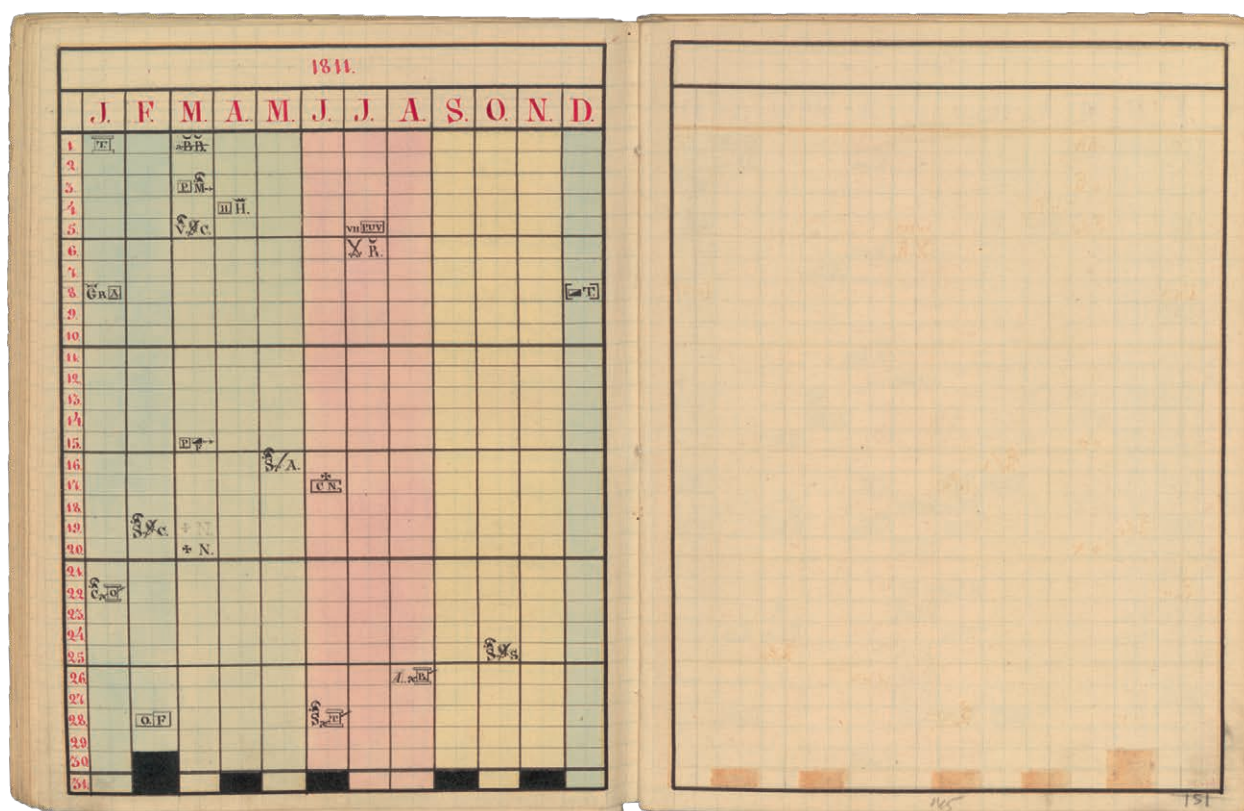
рен в их дидактической эффективности. Уверенность эта основывалась на собственном опыте, полученном в период белёвского уединения. С другой стороны, та горячность и увлечение, с которыми Жуковский принялся за составление таблиц, были сродни поэтическому вдохновению.

В Дрездене, где Жуковский после лечения на курортах в 1826 г. занимался подготовкой к занятиям с наследником престола, он все свои дни посвящал составлению исторических таблиц. Эта, на первый взгляд, сухая работа, писал поэт императрице Александре Фёдоровне 2 (14) октября 1826 г., «имеет для меня всю прелесть моих прежних поэтических работ» [19, с. 384].

В Петербурге, куда Жуковский вернулся в октябре 1827 г., эти труды продолжились с новой силой. Квартира Жуковского на четвёртом этаже Шепелевского дворца стала похожа на келью учёного монаха, занимающегося переписыванием рукописей. «Работал он, как бенедиктинец, — вспоминал П.А. Вяземский. — Сколько написал он,

сколько начертал планов, карт, конспектов, таблиц исторических, географических, хронологических! Бывало, придёшь к нему в Петербурге: он за книгою и делает выписки, с карандашом, кистью или циркулем, и чертит и малюет историко-географические картины» [1, с. 384]. Для этих занятий Жуковскому были выделены помощники. «Все работы свои он приготавливал сперва сам, вчерне, а потом отдавал их чертить набело и раскрашивать, для чего постоянно находились в его квартире, бывшей во дворце, двое копиистов» [20, с. 153], — поясняет П.А. Плетнёв.

По архивным данным можно выяснить их фамилии — Власов и Матвеев. Каждому из них Жуковский периодически определял «фронт работ», в основном это были работы по оформлению таблиц. Например, для Власова на 1828 г. было намечено: «списать хронологическую таблицу к географии», сделать «выписки из хронологических таблиц», нарисовать «карту историческую общую синхронистическую»,

Ил. 6. Жуковский В.А. Учебные таблицы по истории (фрагмент)
(РНБ. Ф. 286. О. 1. № 125а. Л. 144 об. – 145)

«подробный атлас исторический», «стенную карту хронологическую», «письменные таблицы для физики», «письменные таблицы для грамматики», «малую таблицу выгравировать синхронистическую», «малую таблицу выгравировать хронологическую», «таблицы для Павского», «таблицы знаков». Матвееву было предписано сделать «рисунки для физики», «иллюминировать синхронистическую таблицу», нарисовать «карту России», «карты для истории (Швейцарии, Англии, Меркаторову карту)»¹.

Планы собственных занятий Жуковского тоже пестрят пунктами «переписать письменную таблицу», подготовить «хронологическую таблицу», составить «таблицы повторительные по естественной истории»² и т.п. Таблицы эти были самых разных форматов: от огромных, висевших на стенах учебной комнаты наследника

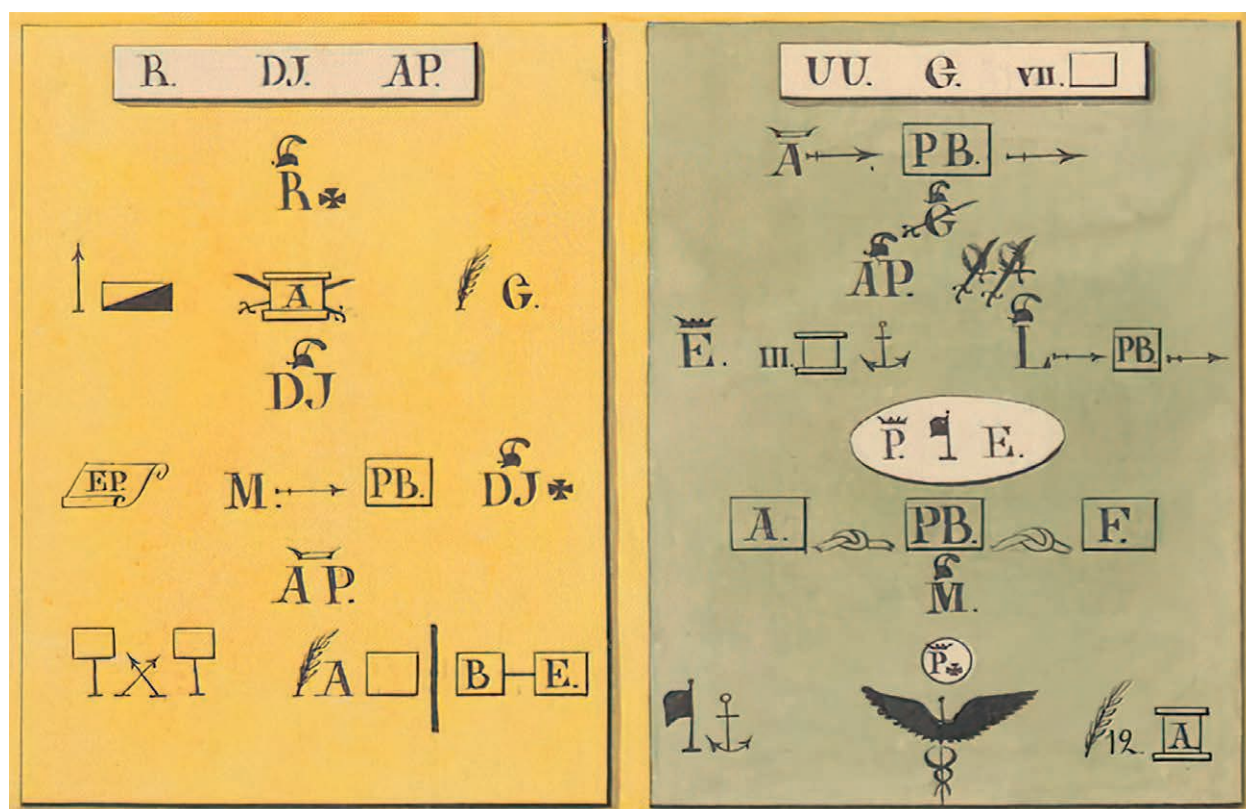
престола (ил. 5), до небольших, сшитых в учебные тетради (ил. 6).

Жуковский не шёл слепо по стопам своих предшественников в табличном методе, но существенно усовершенствовал его. Главная методическая находка Жуковского состояла в том, что он «ex novo создал язык легко распознаваемых и хорошо запоминавшихся символов» [2, с. 243], которые использовал в своих таблицах. Язык этот состоял из алфавитных и идеографических знаков.

Исторические деятели, страны, города и народы в нём обозначались первыми буквами своих имён и названий (ил. 7). К этим буквам добавлялись детерминативы. Так, буква, вписанная в квадрат, обозначает в языке Жуковского страну; буква, вписанная в квадрат с утолщениями сверху и снизу, — город; буква, увенчанная изображением шлема, обозначает полко-

¹ РНБ. Ф. 286. О. 1. № 124. Л. 56.

² Там же. Л. 58.

Ил. 7. Жуковский В.А. Учебные таблицы по истории (фрагмент)
(РНБ. Ф. 286. О. 1. № 129. Л. 1)

водца, изображением языка пламени – поэта, папской тиары – римского папу и т.д. Стрелка, направленная к букве, означала возвращение, направленная от неё – изгнание исторического лица. Меч с венком означает победу, флаг – войну, два перекрещенных флага – гражданскую войну, серп – сельское хозяйство и т.д. Всего таких знаков Жуковским было придумано семьдесят. Они имели определённые правила сочетаемости и образовывали искусственный язык со своими семантикой, грамматикой и синтактикой.

Дидактические эксперименты Жуковского не остались незамеченными. О них было известно не только сотрудникам, друзьям и родственникам поэта, но и широкому кругу лиц. Более того – ими заинтересовалось министерство народного просвещения. Только что занявший пост министра народного просвещения С.С. Уваров и его молодой сотрудник А.А. Краевский, редактировавший «Журнал министерства народного просвещения», продви-

жали табличный метод. В мае 1834 г. в журнале появился обзор таблиц А.Ф. Язвинского, а в июне 1836 г. Краевский опубликовал подробный рассказ о таблицах Жуковского. Именно их Краевский считал наиболее удачным образцом этого дидактического жанра: «употребление сокращённых знаков в таблицах вместо полных фраз имеет неисчислимыя выгоды и для преподавателя, и для учащегося и составляет, по моему мнению, самое счастливое изобретение, дающее перевес таблицам Жуковского пред всеми известными» [21, с. 433], – писал он. Краевский сообщал, что Жуковский задумал издать цикл таблиц по всеобщей истории и намерение это осуществится «в непродолжительном времени» [21, с. 418].

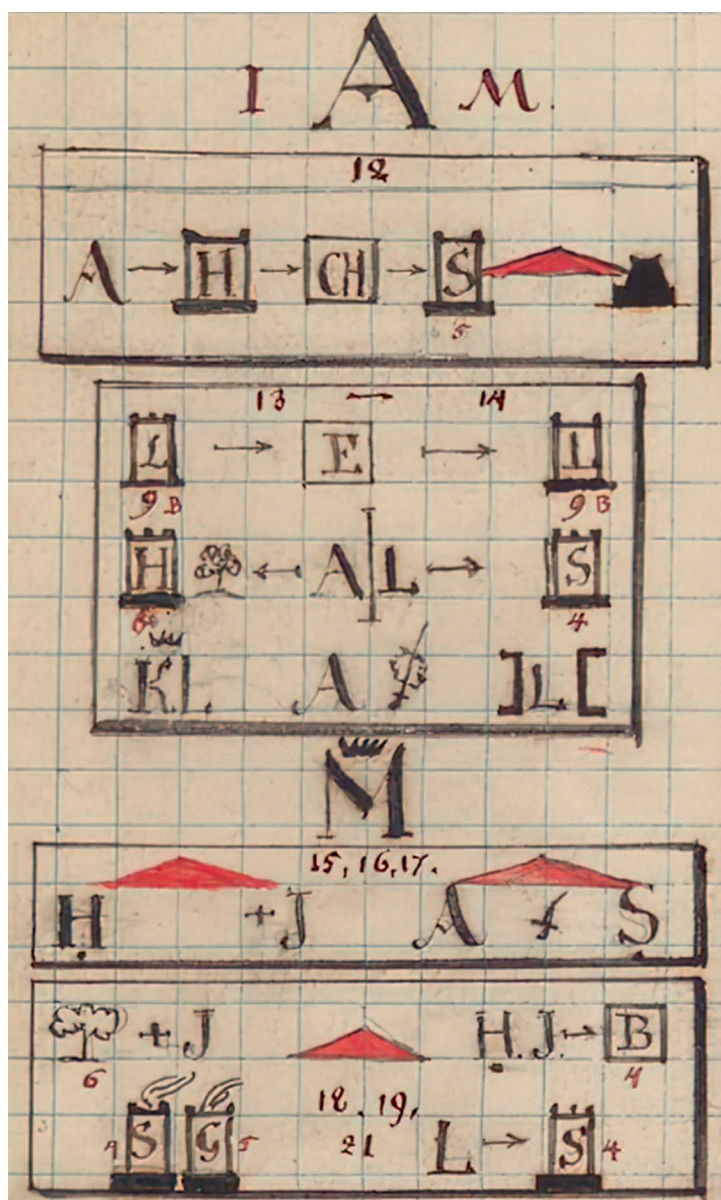
Однако этого не произошло. Жуковский счёл опыт преподавания по таблицам при дворе неудачным. Причину фиаско он видел не в методе, а в тех условиях, в которых проходила его апробация. Нехватка времени, разработка таблиц не заранее, а на ходу, отсутствие необходимых навы-

ков у педагогов — всё это привело к неудаче. «Я начал обрабатывать свою методику, писал Жуковский в 1845 г. своему повзрослевшему ученику, — <...> в такое время, когда уже все учителя были на сцене со своими собственными рутинными; им невозможно было отделаться от старых собственных привычек для приобретения новых, им чуждых; да и времени на то не доставало: учение шло вперёд своим чередом, за ним тащились мои таблицы и почти всегда опаздывали, и преподаватели не могли ими пользоваться сами <...>. Всё это произошло от того, что материалы преподавания не были подготовлены заранее и что преподаватели не могли с ними предварительно ознакомиться и их себе присвоить» [22, с. 501–502].

Попытку довести свой замысел до конца Жуковский предпринимает уже после окончания службы при дворе, в 1840-х гг.

Педагогическая поэма

Первый раз идея обобщить свой педагогический опыт пришла Жуковскому в 1845 г., когда он собирался подготовить начальный курс обучения для сыновей своего воспитанника вел. кн. Александра Николаевича. Тогда сделать это не удалось: помешала болезнь жены, а к концу 1840-х гг. подросли и собственные дети Жуковского. Старшей из них, Саше, в 1848 г. исполнилось шесть лет, и Жуковский вдохновился мыслью самому стать для неё учителем. С этого времени в его тетрадях начинают появляться наброски «Первоначального курса обучения», предназначенного для домашнего образования детей. Курс должен был включать три предмета: язык, математику и священную историю. Пик работы над ним пришёлся на 1851 г., когда Жуковский одновременно и подготавливал для него

Ил. 8. Жуковский В.А. Учебные таблицы по священной истории из «Первоначального курса обучения» (фрагмент) (РНБ. Ф. 286. О. 1. № 131. Л. 9 об.)

материалы, и апробировал их на занятиях. «Я теперь работаю много, но мои теперешние работы все ограничиваются педагогической, то есть приготовлением к предварительному курсу детей моих; эта работа берёт всё моё время и не позволяет ни за что другое приняться» [23, с. 396], — сообщал поэт в письме Н.В. Гоголю 1 (13) февраля 1851 г. «Я теперь по горло погрузился в мои педагогические труды» [24, с. 315–316], — рассказывал он в письме наследнику престола 1 (13) января 1851 г. В письме

П.А. Плетнёву он называл эти труды свой «педагогической поэмой» [25, с. 82].

В «Первоначальный курс» должны были войти таблицы, в том числе и по священной истории. Интересно, что в них Жуковский, как правило, использовал символы не для сопоставления событий с датами (как в таблицах периода службы при дворе), а для кодирования повествования о событиях¹ (ил. 8). Так, например, он шифрует ими книгу Иисуса Навина, или книгу Бытия. Использование таких таблиц предполагало, что сначала учитель рассказывает материал ученику, затем показывает его по таблице. Ученик, глядя на неё, воспроизводит материал, расшифровывая табличные знаки связным рассказом.

Как видим, в этой методике сохранялся принцип «от нарратива к карте и обратно», который Жуковский усвоил ещё во времена своего знакомства с атласами Шлёцера-младшего. Сильной стороной этого приёма Жуковский считал его, как он выражался, «образовательность», т.е. образность, воздействие на воображение.

«Я бы желал, чтобы вы знали и мою методу учения по таблицам, — говорил Жуковский своему духовнику священнику Иоанну Базарову. — Я испробовал её над детьми моими. Воображение их так сильно было приковано к событию, что они плакали, когда я им рассказывал последнюю вечерю Господа, его Гефсиманскую молитву» [27, с. 453].

Слова эти были сказаны Жуковским за день до смерти. Даже на одре предсмертной болезни он хотел объяснять, «как учил детей своих по изобретённым им таблицам» [27, с. 452] и порывался эти таблицы показывать. Именно замысел преподавания по таблицам был для Жуковского главным в последние месяцы его жизни. И именно этот его замысел оказался самым недоговорённым и незамеченным. Реконструкция табличного метода Жуковского — не только интересная исследовательская задача, но и дань памяти первому русскому романтику, так и не успевшему дописать свою «педагогическую поэму».

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский: поэзия чувства и «сердечного воображения». М., 1904.
2. Ребеккини Д. Мир символов: мнемонические таблицы В.А. Жуковского и их значение // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 3. / Гл. ред. А.С. Янушкевич. Томск: ТГУ, 2017. С. 238–257.
3. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 15: Письма 1795–1817-х годов / Сост., подгот. текстов и примеч. И.А. Айзикова, С.В. Берёзкина, Э.М. Жиликова, В.С. Киселёв, О.Б. Лебедева, С.И. Панов, И.А. Поплавская, А.С. Янушкевич; Ред. О.Б. Лебедева. М.: ИД ЯСК, 2018.
4. Gatterer J.Ch. Versuch einer allgemeinen Weltgeschichte: bis zur Entdeckung Amerikens. Göttingen, 1792.
5. Hübler D.G.I. Synchronistische Tabellen der Völkergeschichte hauptsächlich nach herrn Hofrath Gatterers "Versuch einer allgemeinen Weltgeschichte" von M. Daniel Gotthold Joseph Hübler, conrector am Gimnasium zu Freiberg. Lieferung 1–3. Freiberg, 1797–1802.
6. Schlözer Ch., von. Erläuterungen der Geschichte der brittischen Inseln durch Zeittafeln und historisch-geografische Karten. Mitau, 1804.
7. Шлёцер Х. Начало российского государства в исторических картах, хронологических и генеалогических таблицах, представленное профессором Шлёцером. Тетрадь первая. М.: Университетская типографии, 1809.

¹ Подробнее об этом см. [26].

8. Шлёцер Х. Начало российского государства в исторических картах, хронологических и генеалогических таблицах, представленное профессором Шлецером. Тетрадь вторая. М.: Вольная типография у Фёдора Любия, 1810.
9. Шлёцер Х. Объяснительные примечания к историческим картам, хронологическим и генеалогическим таблицам профессора Шлёцера. Перевёл с немецкого коллежский асессор Михаил Пареного. Тетрадь первая. М.: Университетская типография, 1809.
10. Письма В.А. Жуковского А.И. Тургеневу. М.: Университетская типография, 1895.
11. Steiner V. Die Ordnung der Geschichte: Historische Tabellenwerke in der Frühen Neuzeit. Köln: Böhlau Verlag, 2008.
12. Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи, изданное по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй. СПб., 1783.
13. Шлёцер А.Л. Представление всеобщей истории. СПб.: При Св. Правительствующем Синоде, 1809.
14. Esquisse de grammaire russe. S.p., s.a.
15. [Грамматические таблицы русского языка]. Б.м., б.г.
16. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб.: Типография Имп. академии наук, 1866.
17. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. / Ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М.: Языки русской культуры, 2000.
18. Головнин А.В. Великий князь Константин Николаевич. СПб.: Д.А.Р.К., 2006.
19. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / Ред. коллегия: И.А. Айзикова, С.В. Берёзкина, Д.В. Долгушин, Э.М. Жилиякова, В.С. Киселёв, О.Б. Лебедева, Н.Е. Никонова, И.А. Поплавская, А.С. Янушкевич (гл. редактор). Т. 16: Письма 1818–1827 годов / Отв. ред. О.Б. Лебедева. М.: ИД ЯСК, 2020.
20. Долгушин Д.В. «Общество светлого мира, весёлых трудов и умилительной искренности...»: Придворное педагогическое сообщество 1820–1830-х годов в мемуарах П.А. Плетнёва // Представления о прошлом в памятниках письменности XVI–XX вв. Отв. ред. А.Х. Элерт. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2021. (Археография и источниковедение Сибири; Вып. 40). С. 129–174.
21. Краевский А. Об исторических таблицах В.А. Жуковского // Журнал министерства народного просвещения. 1836. Июнь. С. 409–436.
22. Жуковский В.А. Сочинения. Изд. 8. Т. VI. СПб., 1885.
23. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 15: Переписка. 1848–1852 / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.: Изд-во Московской патриархии, 2009.
24. Киселёв В.С. Письма Жуковского к великому князю Александру Николаевичу 1850–1852 гг.: публикация и комментарий // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 3. / Гл. ред. А.С. Янушкевич. Томск: ТГУ, 2017. С. 304–345.
25. Плетнёв П.А. Сочинения и переписка. Т. 3. СПб., 1885.
26. Долгушин Д.В., Панина Н.Л. «Первоначальный курс обучения» В.А. Жуковского: опыт реконструкции и анализа визуального ряда // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 2. С. 94–109.
27. В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. / Сост., подг. текста, вступ. ст. О.Б. Лебедевой, А.С. Янушкевича. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.

ENGLISH

Historical Tables by Vasily Zhukovsky

Dmitriy Vladimirovich Dolgushin – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of History and Theory of Literature, Novosibirsk National Research State University, head of the project "Pedagogical Projects of Russian Writers in the First Half of the 19th Century (Mikhail Muravyov, Vasily Zhukovsky, Pyotr Pletnyov)" (20-012-00529).
E-mail: nad_teterina@mail.ru

This paper explores the little-studied works of V.A. Zhukovsky, namely, his tables for teaching history. Zhukovsky first learned the didactic genre of history tables back in 1810, when, during his self-learning, he relied on the research conducted by D.J. Hubler and Christian von Schlözer. Schlözer's historical and geographical maps integrated with synchronistic tables, and methodological ideas of his father August Ludwig von Schlözer, became a model for Zhukovsky that steered him in his didactics study. The peak of Zhukovsky's teaching was the period of his service at the court. At that time, he developed a special teaching system using tables with special mnemonic signs. Zhukovsky failed to complete his system and tried to return to it just before his death, when he was busy with the Initial Training Course for his children. In this textbook, the signs created by Zhukovsky were used not only to link the event with the date, but also to encrypt the narrative text. Deciphering it back into the narrative by students was the core of Zhukovsky's didactic plan.

Keywords: Vasily Zhukovsky, Russian Romanticism, August Ludwig von Schlözer, Christian von Schlözer, history tables, royal court teaching, tsarist pedagogics, Alexander II

REFERENCES

1. Veselovskii A.N. V.A. Zhukovskii: poeziya chuvstva i «serdechnogo voobrazheniya». M., 1904 (in Russian).
2. Rebekkini D. Mir simvolov: mnemonicheskie tablitsy V.A. Zhukovskogo i ih znachenie // Zhukovskii: Issledovaniya i materialy. Vyp. 3. / Gl. red. A.S. Yanushkevich. Tomsk: TGU, 2017. S. 238–257 (in Russian).
3. Zhukovskii V.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t. T. 15: Pis'ma 1795–1817-kh godov / Sost., podgot. tekstov i primech. I.A. Aizikova, S.V. Beryozkina, E.M. Zhilyakova, V.S. Kiselyov, O.B. Lebedeva, S.I. Panov, I.A. Poplavskaya, A.S. Yanushkevich; Red. O.B. Lebedeva. M.: ID YASK, 2018 (in Russian).
4. Gatterer J.Ch. Versuch einer allgemeinen Weltgeschichte: bis zur Entdeckung Amerikens. Göttingen, 1792.
5. Hübler D.G.I. Synchronistische Tabellen der Völkergeschichte hauptsächlich nach herrn Hofrath Gatterers "Versuch einer allgemeinen Weltgeschichte" von M. Daniel Gotthold Ioseph Hübler, conrector am Gimnasium zu Freiberg. Lieferung 1–3. Freiberg, 1797–1802.
6. Schlözer Ch., von. Erläuterungen der Geschichte der brittischen Inseln durch Zeittafeln und historisch-geografische Karten. Mitau, 1804.
7. Shlyotser H. Nachalo rossiiskogo gosudarstva v istoricheskikh kartah, hronologicheskikh i genealogicheskikh tablitsah, predstavlennoe professorom Shlyotserom. Tetrad' pervaya. M.: Universitetskaya tipografii, 1809 (in Russian).

8. Shlyotser H. Nachalo rossiiskogo gosudarstva v istoricheskikh kartah, hronologicheskikh i genealogicheskikh tablitsah, predstavlennoe professorom Shletserom. Tetrad' vtoraya. M.: Vol'naya tipografiya u Fyodora Lyubiya, 1810 (in Russian).
9. Shlyotser H. Ob'yasnitel'nye primechaniya k istoricheskim kartam, hronologicheskim i genealogicheskim tablitsam professora Shlyotsera. Perevyol s nemetskogo kollezhskii asessor Mihail Parenogo. Tetrad' pervaya. M.: Universitetskaya tipografiya, 1809 (in Russian).
10. Pis'ma V.A. Zhukovskogo A.I. Turgenevu. M.: Universitetskaya tipografiya, 1895 (in Russian).
11. Steiner B. Die Ordnung der Geschichte: Historische Tabellenwerke in der Frühen Neuzeit. Köln: Böhlau Verlag, 2008.
12. Rukovodstvo uchitelyam pervogo i vtorogo klassa narodnyh uchilishch Rossiiskoi imperii, izdannoe po vysochaishemu poveleniyu tsarstvuyushchei imperatritsy Ekateriny Vtoroi. SPb., 1783 (in Russian).
13. Shlyotser A.L. Predstavlenie vseobshchei istorii. SPb.: Pri Sv. Pravitel'stvuyushchem Sinode, 1809 (in Russian).
14. Esquisse de grammaire russe. S.p., s.a.
15. [Grammaticheskie tablitsy russkogo yazyka]. B.m., b.g.
16. Pis'ma N.M. Karamzina k I.I. Dmitrievu. SPb.: Tipografiya Imp. akademii nauk, 1866 (in Russian).
17. Zhukovskii V.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 20 tomah. T. 2: Stihotvoreniya 1815–1852 gg. / Red. O.B. Lebedeva, A.S. Yanushkevich. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000 (in Russian).
18. Golovnin A.V. Velikii knyaz' Konstantin Nikolaevich. SPb.: D.A.R.K., 2006 (in Russian).
19. Zhukovskii V.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t. / Red. kollegiya: I.A. Aizikova, S.V. Beryozkina, D.V. Dolgushin, E.M. Zhilyakova, V.S. Kiselyov, O.B. Lebedeva, N.E. Nikonova, I.A. Poplavskaya, A.S. Yanushkevich (gl. redaktor). T. 16: Pis'ma 1818–1827 godov / Otv. red. O.B. Lebedeva. M.: ID YASK, 2020 (in Russian).
20. Dolgushin D.V. «Obshchestvo svetlogo mira, vesyolyh trudov i umilitel'noi iskrennosti...»: Pridvornoe pedagogicheskoe soobshchestvo 1820–1830-h godov v memuarah P.A. Pletnyova // Predstavleniya o proshlom v pamyatnikah pis'mennosti XVI–XX vv. Otv. red. A.H. Elert. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN, 2021. (Arheografiya i istochnikovedenie Sibiri; Vyp. 40). S. 129–174 (in Russian).
21. Kraevskii A. Ob istoricheskikh tablitsah V.A. Zhukovskogo // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1836. Iyun'. S. 409–436 (in Russian).
22. Zhukovskii V.A. Sochineniya. Izd. 8. T. VI. SPb., 1885 (in Russian).
23. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. T. 15: Perepiska. 1848–1852 / Sost., podgot. tekstov i komment. I.A. Vinogradova, V.A. Voropaeva. M.: Izd-vo Moskovskoi patriarii, 2009 (in Russian).
24. Kiselyov V.S. Pis'ma Zhukovskogo k velikomu knyazyu Aleksandru Nikolaevichu 1850–1852 gg.: publikatsiya i kommentarii // Zhukovskii: Issledovaniya i materialy. Vyp. 3. / Gl. red. A.S. Yanushkevich. Tomsk: TGU, 2017. S. 304–345 (in Russian).
25. Pletnyov P.A. Sochineniya i perepiska. T. 3. SPb., 1885 (in Russian).
26. Dolgushin D.V., Panina N.L. «Pervonachal'nyi kurs obucheniya» V.A. Zhukovskogo: opyt rekonstruktsii i analiza vizual'nogo ryada // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2021. T. 20. № 2. S. 94–109 (in Russian).
27. V.A. Zhukovskii v vospominaniyah sovremennikov. / Sost., podg. teksta, vstup. st. O.B. Lebedevoi, A.S. Yanushkevicha. M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1999 (in Russian).

Индекс УДК 782.1

Код ГРНТИ 13.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-108-01-104-114

**Н.И. ТЕТЕРИНА,
В.А. АЛЕКСАНДРОВА***

Неопубликованное наследие Б.В. Асафьева о М.П. Мусоргском

Неопубликованные труды Б.В. Асафьева о Модесте Петровиче Мусоргском принципиальным образом изменяют сложившиеся представления о вкладе музыканта в изучение и публикацию творческого наследия великого русского композитора. Изданные в советское время работы Асафьева давали представление только о небольшой части искусствоведческих текстов, связанных с музыкой Мусоргского. Завершившийся исследовательский проект, основываясь на материалах московских и петербургских архивов, расшифровках неизданного эпистолярия (около 150 писем), документах служебных дел, маргинальных записях на листах нотной бумаги, в максимально полном объёме показывает те виды деятельности музыковеда, которые оставались не изученными гуманитарной наукой. В издании сочинений Мусоргского учёный принимал участие как научный соредатор П.А. Ламма, музыковед-текстолог, нотный редактор, готовящий партитуру «Бориса Годунова» к публикации, композитор-соавтор, досочинивший незавершённые фрагменты музыки, наконец, композитор-оркестровщик, полностью инструментовавший оперу «Хованщина» в стилистическом единстве с оригинальными партитурными текстами Мусоргского.

Ключевые слова: М.П. Мусоргский, Б.В. Асафьев, П.А. Ламм, русская опера, опера «Борис Годунов», опера «Хованщина»

Исследовательский проект «Неизданное наследие Б.В. Асафьева: научные концепции, публицистические работы, эпистолярный, музыкально-театральные труды (по архивным материалам о творчестве М.П. Мусоргского)» принципиальным образом изменяет тради-

ционные представления о вкладе Б.В. Асафьева в изучение и публикацию творческого наследия М.П. Мусоргского (ил. 1).

Один из крупнейших учёных гуманитарного профиля XX столетия — Борис Владимирович Асафьев (1884–1949), известный также под литературным псевдо-

* **Тетерина Надежда Ивановна** — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного института искусствознания (ГИИ), руководитель проекта «Неизданное наследие Б.В. Асафьева: научные концепции, публицистические работы, эпистолярный, музыкально-театральные труды (по архивным материалам о творчестве М.П. Мусоргского)» (19-012-00395).

E-mail: nad_teterina@mail.ru

Александрова Василиса Александровна — научный сотрудник ГИИ, исполнитель того же проекта.

E-mail: alexandrova.vasilisa@mail.ru

нимом *Игорь Глебов*, ещё при жизни удостоился высших государственных наград и званий, став (единственным из музыкантов) действительным членом Академии наук СССР (ил. 2). После кончины учёного его многочисленные труды не подвергались существенной критике и переоценке, оставались востребованными читающими кругами интеллигенции. В 1952–1958 гг. было опубликовано научно-литературное наследие Асафьева в пяти томах [1]. Подобной чести не достаивался ни один из советских музыковедов. Пожалуй, только известный художественный критик XIX столетия В.В. Стасов мог соперничать с Асафьевым по количеству как изданных, так и цитируемых работ [2].

Утвердилось общепринятое мнение, что труды Асафьева сформировали новую научную парадигму, «открыли новый этап в развитии отечественной музыкальной науки <...> Он явился основоположником многих <...> направлений» [3, с. 61–62]. Созданная Б.В. Асафьевым новаторская музыкально-теоретическая концепция, изложенная в книге «Музыкальная форма как процесс», время от времени рассматривалась, по точному наблюдению Л.А. Мазеля, с одной стороны, как «очень талантливая», а с другой — как «очень противоречивая»; при подобных тенденциях смены вектора трудно было уловить серьёзные закономерности: «акцент легко и свободно смещается с “противоречивости” на “талантливость” и обратно...» [4, с. 73].

Наследие Б.В. Асафьева отличают такие качества, как разносторонность, всеохватность, энциклопедичность и фундаментальность. Он работал практически во всех областях музыкальной культуры — как историк, композитор, философ, журналист. По сей день в его трудах черпают идеи учёные разной ориентации: музыковеды, филологи, социологи. В последнее десятилетие существенно расширилось поле рассмотрения асафьевских трудов. Существенную его часть продолжают занимать работы, посвящённые именно музыкально-теоретической концепции [5], исследуется

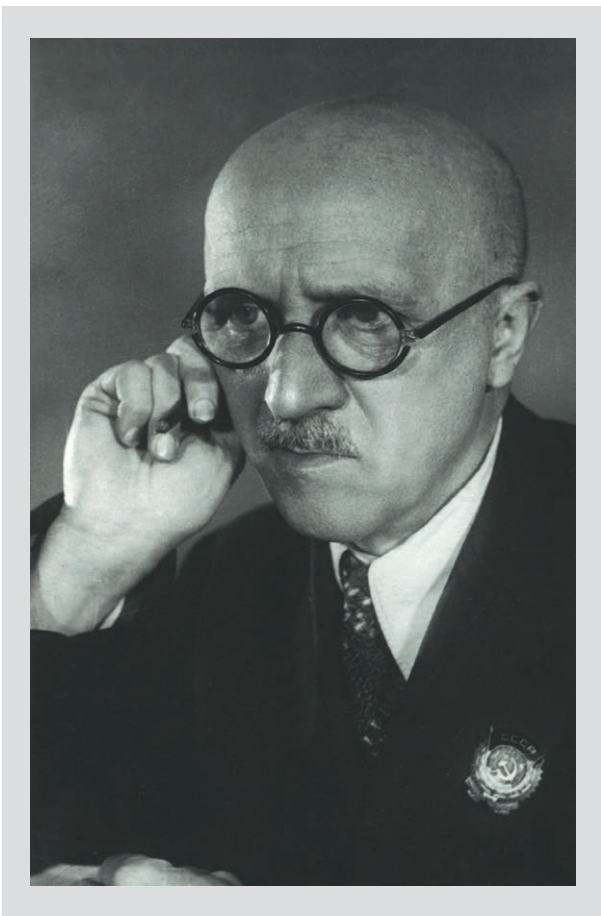

Ил. 1. М.П. Мусоргский. Фотопортрет. 1870-е гг.
РНБ. Ф. 816. Оп. 4. Ед. хр. 3619

просветительская деятельность [6], изучаются идеи в области музыкального образования [7], этномузыкологии [8]. Значительное место занимает философский и философско-литературоведческий ракурс обозрения [9, 10].

Работа Б.В. Асафьева над сочинениями М.П. Мусоргского

В наши дни наименее изученными оказались яркие и талантливые искусствоведческие работы Асафьева, посвящённые творчеству русских композиторов-классиков, и в частности М.П. Мусоргского. Хотя к фундаментальным асафьевским опусам обращаются в научной, публицистической и учебной литературе, на его труды постоянно ссылаются, но современные исследователи почти не предпринимают усилий для переосмысления литературного и композиторского наследия.

Ил. 2. Б.В. Асафьев. Фотопортрет. 1940-е годы.
РГАЛИ. Ф. 2620. Оп. 1. Ед. хр. 2607. Л. 1.

Авторы проекта обратились к ранее не опубликованным материалам из фондов московских (РГАЛИ, РНММ) и петербургских (КР РИИИ, ЦГАЛИ СПб) архивов, расшифровывая эпистолярный, разбирая маргинальные записи на листах нотной бумаги, анализируя музыкальные клавиры и партитуры.

По результатам проекта можно говорить о том, что обобщены все стороны многогранной деятельности Асафьева, относящиеся к его работе над наследием М.П. Мусоргского, а именно:

- ◆ журналистская (рецензии в печати);
- ◆ публицистическая (аналитические статьи в периодических изданиях);
- ◆ исследовательская (статьи в научных сборниках);
- ◆ нотно-редакционная (издательское редактирование сочинений Мусоргского);
- ◆ творчески-редакционная (гармонизация

небольших фрагментов музыки Мусоргского);

- ◆ композиторская (оркестровка оперы «Хованщина»);
- ◆ эпистолярная (практически вся переписка, так или иначе затрагивающая разные аспекты композиторского творчества и публикационного процесса при издании сочинений Мусоргского);
- ◆ служебно-организационная (устные выступления в разного рода советах, коллегиях, комиссиях, совещаниях);
- ◆ маргинальные пометы (можно сказать, заметки для себя), оставленные учёным-музыкантом на полях оперных партитур [11];
- ◆ популяризаторская (написание вступительных текстов для концертных и театральных программ).

Асафьев осмысливал творчество Мусоргского в различных гуманитарных контекстах на протяжении всей жизни. Первая рецензия на исполнение сочинений композитора опубликована в 1914 г. [12]. Последние поправки и дополнения в незавершённое исследование «Борис Годунов» Мусоргского как музыкальный спектакль из Пушкина» относятся к 1948 г. [13].

Изучение композиторского наследия М.П. Мусоргского, начавшись в конце XIX в., особенно бурно развивалось в 1910–1930-х гг. О композиторе ранее всего писали те, кто знал его лично, кто музицировал рядом с ним, исполнял под его аккомпанемент вокальные опусы, был осведомлён о ходе творческих исканий. Среди них — В.В. Стасов, Н.А. Римский-Корсаков, И.Е. Репин, семья Д.В. Стасова, А.Н. Молас (в девичестве — А.Н. Пургольд).

Фигура Б.В. Асафьева в этом ракурсе оказалась связующим звеном между двумя поколениями русской художественной интеллигенции. Он, с одной стороны, много почерпнул из личного общения с В.В. Стасовым, И.Е. Репиным, А.Н. Молас, т.е. с очевидцами, принадлежавшими к старшему поколению, а с другой стороны, начал активно поддерживать П.А. Ламма, поверив в его идею «вос-

становления подлинного Мусоргского». Творческое общение между ними активно шло около десяти лет, с начала 1920-х до начала 1930-х гг.

Полемика, связанная с «восстановлением подлинного Мусоргского»

Время, вошедшее в историю под лозунгом «восстановление подлинного Мусоргского», принесло уникальные художественные и научные результаты. Прежде всего укажем на начавшийся выпуск Полного собрания сочинений М.П. Мусоргского в научной редакции П.А. Ламма. Первое в нашем отечестве собрание сочинений одного композитора, почти полностью реализованное, было тогда подлинно новаторским, оно вызвало волну необыкновенного интереса со стороны европейских и американских музыкантов. А в Советском Союзе, несмотря на основательную поддержку дирижёра В.А. Дранишников и директора Музсектора Госиздата А.Н. Юровского, Ламм и активно сотрудничавший с ним Асафьев слышали многочисленные упреки со стороны маститых коллег как в свой адрес, так и в адрес самого Мусоргского, по инерции считавшегося «безграмотным». Оба соредатора буквально шли «против течения», повторяя в своём профессиональном и мировоззренческом пути положения известного стихотворения Алексея Константиновича Толстого «Против течения». «Какое счастье, — задолго до этих событий писал Асафьев, — что Мусоргский успел многое высказать, прежде чем его начали поправлять. Пишу это не для сравнения себя с Мусоргским, а как дань уважения к его смелости. Я счастлив, что и в себе чувствую пока много музыкального бунтарства и непокорности; но всё же подчас бывает тяжело, когда упрекают меня в бессознательном необдуманном твор-

честве, а у меня <...> каждая нотка пережитая и продумана...» [14, с. 82].

Глубинное основание асафьевской позиции — «Мусоргский велик и проницателен и может сам за себя постоять»¹ — афористически, почти как манифест высказанная мысль в споре с апологетами художественных обработок музыки Мусоргского, сделанных Н.А. Римским-Корсаковым. Тогда, на излёте 1920-х гг., это было не просто дискуссией, а серьёзным столкновением эстетических идеалов и культурных иерархических ценностей (что доходило порой до разрыва профессиональных и личных отношений).

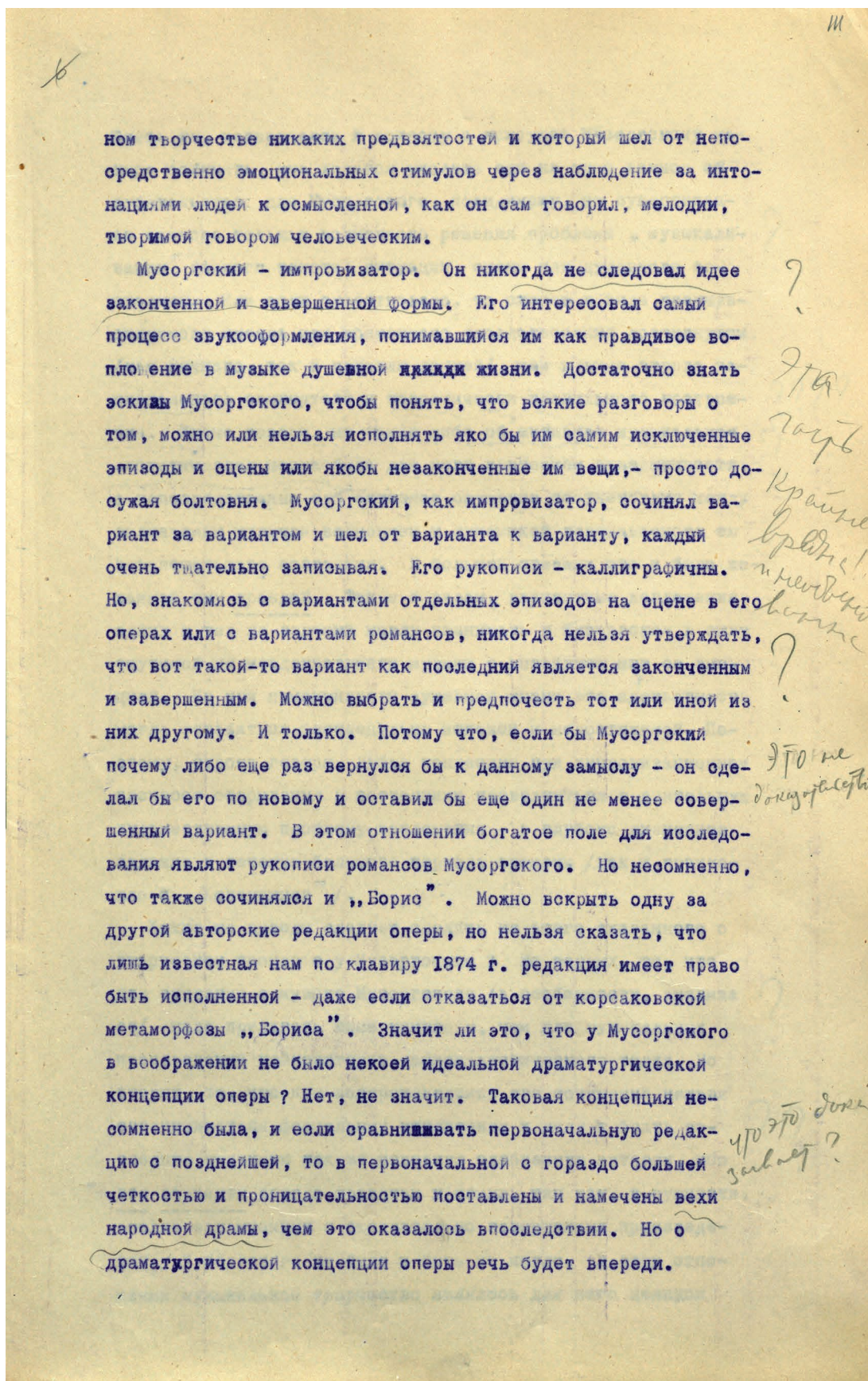
При этом, взяв на себя решение множества организационных, художественных, научных и публицистических задач, считая себя в ответе за общее дело «восстановления подлинного Мусоргского», Асафьев всегда оставался как бы в тени, на периферии, уступая ведущее место Ламму [15, с. 33].

Весьма показательна история, связанная с вынужденной переделкой Асафьевым своей статьи «Почему надо исполнять “Бориса Годунова” Мусоргского в подлинном виде?» (ил. 3). После нескольких десятков отрицательных суждений и несогласий, высказанных Ламмом, Асафьев, уступая требованиям, учёл большинство замечаний, сформулировав причины в своём неотправленном письме Ламму: «Не любя не заканчивать раз взятого дела, я сделал его по вашим указаниям <...> Теперь всё выправлено, высушено, и статья потеряла свою остроту»² [16].

Спустя несколько лет, в 1930–1931 гг., драматическая коллизия между двумя учёными-музыкантами в понимании творческих основ музыки Мусоргского привела к отрицанию Ламмом выполненной Асафьевым инструментовки «Хованщины» [17, 18]. Однако мы не побоимся утверждать, что в области именно практического слы-

¹ Протокол заседания в ГАТОБе Комиссии по прослушиванию оперы «Борис Годунов» в первоначальной редакции 19 ноября 1926 г. // РГАЛИ. Ф. 2743. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 8 об.

² Асафьев Б.В. Письмо П.А. Ламму от 14 января 1928 г. // РНММ. Ф. 171. Ед. хр. 1268. Л. 1.

Ил. 3. Б.В. Асафьев. Страница первого варианта статьи «Почему надо исполнять «Бориса Годунова» в подлинном виде». РГАЛИ. Ф. 2743. Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 111. Машинопись

The image shows a page of handwritten musical notation for the opera 'The Oprichnik' (Хованщина) by Modest Mussorgsky, arranged by Boris Vasilyevich Asafyev. The score is written on aged, yellowed paper. It features multiple staves for various instruments: Flute (Fl.), Clarinet I and II (Cl. I, Cl. II), Violin I and II (Vn. I, Vn. II), Viola (Vla.), Cello (Vcl.), and Bass (Bass). There are also staves for strings (Violins, Violas, Cellos, Basses) and percussion (Trombones, Trumpets, Timpani). The vocal lines are written in both Russian and German. The page is numbered 28 and 29 in red ink. The notation includes complex rhythmic patterns, dynamic markings, and articulation symbols.

Ил. 4. Лист партитуры оперы «Хованщина» М.П. Мусоргского в оркестровке Б.В. Асафьева.
РГАЛИ. Ф. 2658. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 39. Автограф Б.В. Асафьева

шания оркестровой фактуры, знания стиля и колорита оркестра, понимания основ всех тонкостей оркестровки Асафьев значительно превосходил Ламма. А потому

отказ от издания партитуры существенно снизил научный и художественный уровень Полного собрания сочинений Мусоргского. В итоге «Хованщина» оказалась

единственной оперой, которую Ламм издал только в виде отредактированного им клавираусцуга (для солистов и хора в сопровождении фортепьяно). Другие, не завершённые Мусоргским театральные сочинения — «Женитьба», «Сорочинская ярмарка» — были и завершены (досочинены), и оркестрованы советскими композиторами (М.М. Ипполитовым-Ивановым, В.Я. Шебалиным).

В плане исторического познания отметим, что труд Асафьева над операми Мусоргского представлял собой крупнейшую концепционную работу по нотному редактированию оркестровой партитуры «Бориса Годунова», не подготовленной самим композитором к изданию. В ПСС Мусоргского учёный принимал участие как научный соредактор П.А. Ламма, композитор-соавтор, досочинивший незавершённые фрагменты музыки, композитор-оркестровщик (ил. 4). Все перечисленные виды деятельности не получили должной оценки ни в публикациях отечественных музыковедов, ни — как бы это не казалось странным — в текстах самого Асафьева.

Заключение

По итогам исследовательского проекта подготовлен сборник статей с предварительным названием «Б.В. Асафьев о М.П. Мусоргском. Исследования, материалы, документы, статьи, эпистолярный» объёмом около 36 авт.л. В него вошли как исследовательские тексты, так и ранее не публиковавшиеся работы Асафьева, например первый вариант статьи «Почему надо исполнять “Бориса Годунова” в подлинном виде», реконструированный на основе архивных материалов [19]. Впервые расшифрована и прокомментирована обширная переписка Асафьева с П.А. Ламмом, а также переписка с В.А. Дранишниковым, А.Н. Юровским, С.С. Поповым и другими музыкантами

(около 150 писем). Подготовлены к печати исторически важные «Протоколы заседаний Художественного совета ГАТОБ» с участием Б.В. Асафьева. Составлен полный список опубликованных и неопубликованных работ Асафьева о Мусоргском, а также хронограф работы над операми композитора.

Изучена асафьевская оркестровка оперы «Хованщина», партитура которой хранится в РГАЛИ¹. Напомним, что сам Мусоргский инструментовал только два небольших номера своего сочинения, тогда как основная часть музыки сохранилась лишь в клавирном изложении. Возможная в будущем публикация партитуры «Хованщины» в оркестровке Асафьева существенно поможет российским театрам осуществить постановку этой оперы в авторской драматургической версии.

Известные во всём мире художественные редакции и оркестровки «Хованщины», сделанные Н.А. Римским-Корсаковым и (особенно) Д.Д. Шостаковичем, выполнены с серьёзными видоизменениями (либо сокращениями, либо досочинениями) музыкальных номеров. Они рассчитаны прежде всего на исполнение на сценах крупных театров оркестровыми коллективами, обладающими солидными инструментальными ресурсами (например, тройной состав оркестра нужен для партитуры Шостаковича).

Тогда как оркестровый инструментарий, использованный Асафьевым, в настоящее время составляет основу всех небольших отечественных коллективов. Помимо чисто научного значения, прояснение данного обстоятельства делает реальным новые постановки оперы в авторской версии Мусоргского не только в театрах Москвы и Санкт-Петербурга, но и в других городах России, что, безусловно, будет способствовать расширению географии исполнения «Хованщины» и привлечению новых слушателей-зрителей в театры.

¹ Мусоргский М.П. Хованщина. Инструментовано Б. Асафьевым. Общая редакция П. Ламм. Партитура // РГАЛИ. Ф. 2658. Оп. 1. Ед. хр. 105–109.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асафьев Б.В. Избранные труды: В 5 т. / Ред. колл.: акад. И.Э. Грабарь и др.; Вступ. статья Д. Кабалевского /; Академия наук СССР. Институт истории искусств. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952–1958.
2. Стасов В.В. Избранные сочинения: В 3 т.: Живопись. Скульптура. Музыка / Ред. колл.: Е.Д. Стасова [и др.]. М.: Искусство, 1952.
3. Арановский М.Г. Концепция Б.В. Асафьева // Искусство музыки: теория и история. 2012. № 6. С. 61–62. URL: <http://imti.sias.ru/upload/iblock/b90/aranovski.pdf> (дата обращения: 24.02.2022).
4. Мазель Л.А. О музыкально-теоретической концепции Б.В. Асафьева // Советская музыка. 1957. № 3. С. 73.
5. Холопова В.Н. Борис Владимирович Асафьев: идеи на века // Журнал Общества теории музыки. 2017. № 2 (18). С. 29–40.
6. Букина Т.В. Музыкальная наука на передовой «Третьего фронта»: просветительские проекты Б.В. Асафьева (1920-е гг.) // Актуальные вопросы теории и практики современного профессионального образования в сфере культуры: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вологда: Вологодский областной колледж искусств, 2019. С. 43–45.
7. Букина Т.В. Б.В. Асафьев и музыкальное просвещение послереволюционной эпохи: музыковедение на службе у социалистического строительства // Художественная культура. 2020. № 1 (32). С. 369–392. URL: http://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/dba/hk_2020_1_369_392_bukina.pdf (дата обращения: 24.02.2022).
8. Лобкова Г.В. Из истории отечественной этномузыкологии: вклад Б.В. Асафьева в становление петербургской музыкально-этнографической школы // История музыкального образования и современность: фундаментальный и прикладной аспекты: Материалы второй сессии Научного совета по проблемам истории музыкального образования. Ред.-сост. В.И. Адищев. Екатеринбург, 2011. С. 209–217.
9. Миклина Н.Н. Философская сущность понятия лада в концепциях Б.Л. Яворского и Б.В. Асафьева // Искусство и философия: Материалы IV Международной конференции. 2015. С. 166–174.
10. Viljanen E. The problem of the modern and tradition: Early Soviet Musical Culture and the Musicological Theory of Boris Asafiev (1884–1949). Acta Semiotica Fennica. 2017. (Approaches to Musical Semiotics; 23).
11. Тетерина Н.И. Неопубликованные маргиналии Б.В. Асафьева на полях партитуры оперы «Борис Годунов» М.П. Мусоргского // Художественное образование и наука. 2021. № 3 (28). С. 110–117. URL: [hon2021\(3-28\).pdf](http://hon2021(3-28).pdf) (hudozhestvennoe-obrazovanie-i-nauka.ru) (дата обращения: 24.02.2022).
12. Петроградские куранты. 1: Концертная летопись с импрессионистическими замечаниями о творчестве Лядова, Мусоргского, Стравинского, Прокофьева и прочих. Симфонические [концерты] Музыкального общества. Концерты Мариинского оркестра. Дирижёры Малько и Коутс. «Современники» // Музыка. 1914. № 203. С. 629–636.
13. Асафьев Б.В. «Борис Годунов» как музыкальный спектакль из Пушкина // Асафьев Б.В. Избранные труды. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 3. С. 100–159. Комментарии С. 317–318.
14. Асафьев Б.В. Письмо Д.В. Стасову. 21 февраля 1910 г. // Материалы к биографии Б. Асафьева / Сост., вступ. статья и коммент. А.Н. Крюкова. М.: Музыка, 1981. С. 82.
15. Тетерина Н.И. Значение и роль Б.В. Асафьева в «восстановлении подлинного Мусоргского» // М.П. Мусоргский: Истоки. Истина. Искусство: Коллективное исследование по материалам Международной научно-практической конференции, посвящённой 180-летию со дня рождения М.П. Мусоргского. Вып. 2. Ч. 1. СПб.; Великие Луки: РИИИ, 2019. С. 33–54.

16. Александрова В.А. Б.В. Асафьев – П.А. Ламм. Из неопубликованной переписки (1928) // Искусство музыки. Теория и история. 2021. № 2. С. 48–101. (URL: http://imti.sias.ru/upload/iblock/f64/imti_2021_25_48_101_aleksandrova2.pdf) (дата обращения: 24.02.2022).
17. Александрова В.А. Проект постановки «Хованщины» М.П. Мусоргского в оркестровке Б.В. Асафьева // Художественное образование и наука. 2020. № 2. С. 95–102. (URL: [hon2020\(2-23\).pdf](http://hon2020(2-23).pdf) (hudozhestvennoe-obrazovanie-i-nauka.ru)) (дата обращения: 24.02.2022).
18. Александрова В.А. Редакция П. Ламма – Б. Асафьева оперы М. Мусоргского «Хованщина». Постановка научной проблемы на материале архивных документов // Искусствознание: наука, опыт, просвещение. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. Г.У. Лукина. М.: ГИИ, 2018. С. 326–335.
19. Глебов И. [Асафьев Б.В.] Почему надо исполнять «Бориса Годунова» Мусоргского в подлинном виде? / Публикация и комментарии В.А. Александровой // Искусство музыки. Теория и история. 2021. № 2. С. 102–120. (URL: http://imti.sias.ru/upload/iblock/034/imti_2021_25_102_121_glebov.pdf) (дата обращения: 24.02.2022).

ENGLISH

Boris Asafyev's Unpublished Legacy of Modest Mussorgsky

Nadezhda Ivanovna Teterina – Candidate of Science (Art Studies), Chief Researcher, State Institute for Art Studies (SIAS), head of the project "Boris Asafyev's Unpublished Legacy: Research Concepts, Journalistic Works, Collection of Letters, Musical and Theatrical Works (from the Archives on the Works of Modest Mussorgsky)" (19-012-00395).

E-mail: nad_teterina@mail.ru

Vasilisa Aleksandrovna Aleksandrova – researcher, SIAS, co-researcher in the same project.

E-mail: alexandrova.vasilisa@mail.ru

Boris Asafyev's unpublished works about M.P. Mussorgsky fundamentally change the existing perceptions of his contribution to the study and publication of the great Russian composer's legacy. Published in the Soviet times, Asafyev's works provided insights just into a tiny part of the art history texts about Mussorgsky's music. The completed research project based on the materials from Moscow and St. Petersburg archives (transcripts of unpublished writings (around 150 letters), official documents, and marginalia on music sheets) fully uncovers the activities of the musicologist that have, until recently, remained unexplored in the context of the humanities. Asafyev took part in the publication of Mussorgsky's works as P.A. Lamm's co-editor, music expert and textual critic, music editor preparing the score of "Boris Godunov" for publication, co-author-composer completing the unfinished musical fragments, and composer-orchestrator who fully instrumented "Khovanshchina" in stylistic synchrony with Mussorgsky's original score.

Keywords: Modest Mussorgsky, Boris Asafyev, Pavel Lamm, Russian opera, opera Boris Godunov, opera Khovanshchina

REFERENCES

1. Asaf'ev B.V. Izbrannyye trudy: V 5 t. / Red. koll.: akad. I.E. Grabar' i dr.; Vstup. stat'ya D. Kabalevskogo /; Akademiya nauk SSSR. Institut istorii iskusstv. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952–1958 (in Russian).
2. Stasov V.V. Izbrannyye sochineniya: V 3 t.: Zpivopis'. Skulptura. Muzyka / Red. koll.: E.D. Stasova [i dr.]. M.: Iskusstvo, 1952 (in Russian).
3. Aranovskii M.G. Kontseptsiya B.V. Asaf'eva // Iskusstvo muzyki: teoriya i istoriya. 2012. № 6. S. 61–62. URL: <http://imti.sias.ru/upload/iblock/b90/aranovski.pdf> (data obrashcheniya: 24.02.2022) (in Russian).
4. Mazel' L.A. O muzykal'no-teoreticheskoi kontseptsii B.V. Asaf'eva // Sovetskaya muzyka. 1957. № 3. S. 73 (in Russian).
5. Holopova V.N. Boris Vladimirovich Asaf'ev: idei na veka // Zpurnal Obshchestva teorii muzyki. 2017. № 2 (18). S. 29–40 (in Russian).
6. Bukina T.V. Muzykal'naya nauka naпередovoi «Tret'ego fronta»: prosvetitel'skie proekty B.V. Asaf'eva (1920-e gg.) // Aktual'nye voprosy teorii i praktiki sovremennogo professional'nogo obrazovaniya v sfere kul'tury: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vologda: Vologodskii oblastnoi kolledzh iskusstv, 2019. S. 43–45 (in Russian).
7. Bukina T.V. B.V. Asaf'ev i muzykal'noe prosveshchenie poslerevolutsionnoi epohi: muzykoznanie na sluzhbe u sotsialisticheskogo stroitel'stva // Hudozhestvennaya kul'tura. 2020. № 1 (32). S. 369–392. URL: http://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/dba/hk_2020_1_369_392_bukina.pdf (data obrashcheniya: 24.02.2022) (in Russian).
8. Lobkova G.V. Iz istorii otechestvennoi etnomuzykologii: vklad B.V. Asaf'eva v stanovlenie peterburgskoi muzykal'no-etnograficheskoi shkoly // Istoriya muzykal'nogo obrazovaniya i sovremennost': fundamental'nyi i prikladnoi aspekty: Materialy vtoroi sessii Nauchnogo soveta po problemam istorii muzykal'nogo obrazovaniya. Red.-sost. V.I. Adishchev. Ekaterinburg, 2011. S. 209–217 (in Russian).
9. Miklina N.N. Filosofskaya sushchnost' ponyatiya lada v kontseptsiyah B.L. Yavorskogo i B.V. Asaf'eva // Iskusstvo i filosofiya: Materialy IV Mezhdunarodnoi konferentsii. 2015. S. 166–174 (in Russian).
10. Viljanen E. The problem of the modern and tradition: Early Soviet Musical Culture and the Musicological Theory of Boris Asafiev (1884–1949). Acta Semiotica Fennica. 2017. (Approaches to Musical Semiotics; 23).
11. Teterina N.I. Neopublikovannyye marginalii B.V. Asaf'eva na polyah partitury opery «Boris Godunov» M.P. Musorgskogo // Hudozhestvennoe obrazovanie i nauka. 2021. № 3 (28). S. 110–117. URL: [hon2021\(3-28\).pdf](http://hon2021(3-28).pdf) (hudozhestvennoe-obrazovanie-i-nauka.ru) (data obrashcheniya: 24.02.2022) (in Russian).
12. Petrogradskie kuranty. 1: Kontsertnaya letopis' s impressionisticheskimi zamechaniyami o tvorchestve Lyadova, Musorgskogo, Stravinskogo, Prokof'eva i prochih. Simfonicheskie [kontserty] Muzykal'nogo obshchestva. Kontserty Mariinskogo orkestra. Dirizhery Mal'ko i Kouts. «Sovremenniki» // Muzyka. 1914. № 203. S. 629–636 (in Russian).
13. Asaf'ev B.V. «Boris Godunov» kak muzykal'nyi spektakl' iz Pushkina // Asaf'ev B.V. Izbrannyye trudy. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954. T. 3. S. 100–159. Kommentarii. S. 317–318 (in Russian).
14. Asaf'ev B.V. Pis'mo D.V. Stasovu. 21 fevralya 1910 g. // Materialy k biografii B. Asaf'eva / Sost., vstup. stat'ya i komment. A.N. Kryukova. M.: Muzyka, 1981. S. 82 (in Russian).
15. Teterina N.I. Znachenie i rol' B.V. Asaf'eva v «vosstanovlenii podlinnogo Musorgskogo» // M.P. Musorgskii: Istoki. Istina. Iskusstvo: Kollektivnoe issledovanie po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchyonnoi 180-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Musorgskogo. Vyp. 2. Ch. 1. SPb.; Velikie Luki: RIII, 2019. S. 33–54 (in Russian).

16. Aleksandrova V.A. B.V. Asaf'ev – P.A. Lamm. Iz neopublikovannoi perepiski (1928) // Iskusstvo muzyki. Teoriya i istoriya. 2021. № 2. S. 48–101. (URL: http://imti.sias.ru/upload/iblock/f64/imti_2021_25_48_101_aleksandrova2.pdf) (data obrashcheniya: 24.02.2022) (in Russian).
17. Aleksandrova V.A. Proekt postanovki «Hovanshchiny» M.P. Musorgskogo v orkestrovke B.V. Asaf'eva // Hudozhestvennoe obrazovanie i nauka. 2020. № 2. S. 95–102. (URL: [hon2020\(2-23\).pdf](http://hudozhestvennoe-obrazovanie-i-nauka.ru/hon2020(2-23).pdf)) (hudozhestvennoe-obrazovanie-i-nauka.ru) (data obrashcheniya: 24.02.2022) (in Russian).
18. Aleksandrova V.A. Redaktsiya P. Lamma – B. Asaf'eva opery M. Musorgskogo «Hovanshchina». Postanovka nauchnoi problemy na materiale arhivnykh dokumentov // Iskusstvoznanie: nauka, opyt, prosveshchenie. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii / Red.-sost. G.U. Lukina. M.: GII, 2018. S. 326–335 (in Russian).
19. Glebov I. [Asaf'ev B.V.] Pochemu nado ispolnyat' «Borisa Godunova» Musorgskogo v podlinnom vide? / Publikatsiya i kommentarii V.A. Aleksandrovoi // Iskusstvo muzyki. Teoriya i istoriya. 2021. № 2. S. 102–120. (URL: http://imti.sias.ru/upload/iblock/034/imti_2021_25_102_121_glebov.pdf) (data obrashcheniya: 24.02.2022) (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Индекс УДК 159.9, 330.16

Код ГРНТИ 15.81.25

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-108-01-115-126

С.А. КУРНОСОВА, Е.В. ЗАБЕЛИНА, И.А. ТРУШИНА, К.Е. ЩУКИНА*

Модель экономического поведения коренных малочисленных народов Севера в условиях глобализации

В статье представлены результаты теоретического и эмпирического исследования, посвящённого разработке модели экономического поведения коренных малочисленных народов Севера в условиях глобализации. Разработанная и верифицированная в эмпирическом исследовании модель позволяет говорить о существовании различных стратегий экономического поведения у коренных малочисленных народов Севера. Выявленные стратегии, детерминируемые внутренними (отношение ко времени, ценности) и внешними (культура, пол, возраст) факторами, вносят различный вклад в формирование субъективного экономического благополучия представителей данных народов. Наиболее существенный и позитивный вклад вносит сбалансированная стратегия экономического поведения, предполагающая оптимальное соотношение сбережений, инвестиций и активности, опору на финансовые знания в принятии экономических решений, высокий

* **Курносова Светлана Александровна** — кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой общей и профессиональной педагогики Института образования и практической психологии Челябинского государственного университета (ЧелГУ), руководитель проекта «Трансформация экономического поведения коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации в условиях глобализации» (19-013-00394).

E-mail: ksa0308@mail.ru

Забелина Екатерина Вячеславовна — доктор психологических наук, доцент кафедры специальной и клинической психологии Института образования и практической психологии ЧелГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: katya_k@mail.ru

Трушина Ирина Александровна — кандидат педагогических наук, директор Института образования и практической психологии ЧелГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: trushina_ia@mail.ru

Щукина Ксения Евгеньевна — преподаватель кафедры общей и профессиональной педагогики Института образования и практической психологии ЧелГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: shchks4@mail.ru

уровень саморегуляции и самоконтроля в экономической сфере. В то же время повышенная значимость материальных ценностей, готовность получать их в ущерб здоровью и призванию в сочетании с недоверием финансовым институтам и акторам, напротив, снижают уровень субъективного экономического благополучия.

Разработанная в ходе исследования модель может лечь в основу концепции трансформации экономического поведения коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, экономическое поведение, экономическое сознание, экономические аттитюды, отношение к деньгам, субъективное экономическое благополучие, глобализация

Социальные и культурные изменения, происходящие под влиянием глобализационных процессов, критически отражаются на коренных малочисленных народах Севера (далее – КМНС), сохраняющих идентичность главным образом посредством ведения традиционного хозяйства. Индустриализация северных территорий оказала огромное влияние на жизнь КМНС, благополучие которых напрямую зависит от экологической ситуации в регионе, промыслового потенциала территории, а также внешнего воздействия на их общественный уклад жизни, обычаи и традиции [1]. Наиболее заметны последствия глобализации в экономической сфере, где зачастую наблюдаются безработица, снижение интереса к предпринимательской деятельности, экономический пессимизм и апатия, неготовность планировать своё финансовое будущее.

Несмотря на важность проблемы, экономическое сознание и поведение КМНС изучены крайне ограничено. Это обуславливает актуальность данного вопроса и растущий интерес исследователей к нему в последние годы.

Экономическое сознание – это в большей степени предмет изучения отечественной экономической психологии, в то время как внимание зарубежных психологов сосредоточено на феномене экономического поведения [2]. Экономическое сознание может быть определено как целостная система отражения объективной эконо-

мической действительности, состоящая из различных представленных в психике экономического субъекта элементов, находящихся между собой в закономерных иерархических отношениях [3]. Не отождествляя полностью экономическое сознание и поведение, учёные, тем не менее, говорят об их тесной связи и о том, что экономическое сознание во многом определяет экономическое поведение [4, 5].

В группу внешних детерминант экономического поведения (сознания) были включены экономическая культура и традиционные демографические переменные (пол, возраст, уровень образования, род занятий и т.д.) [6, 7].

Внутренними детерминантами экономического сознания выступили восприятие человеком времени и отношение к нему и мотивационно-ценностная сфера личности [8, 9].

В качестве критериев эффективности экономического поведения в данном исследовании мы использовали субъективно оцениваемый уровень дохода, косвенно свидетельствующий о субъективном экономическом благополучии личности и удовлетворённости жизнью (субъективное счастье, психологическое благополучие), позволяющий оценить не только благосостояние человека в экономической сфере, но и его психологическое благополучие [4, 10, 11, 12].

В общем виде гипотеза исследования сформулирована следующим образом: не-

которые стратегии экономического поведения северных народов, специфически детерминируемые внутренними и внешними факторами, могут повышать уровень их субъективного благополучия, том числе экономического, в то время как другие — могут существенно снижать его.

Методы и выборка

С целью диагностики экономического сознания и поведения КМНС применялись опросник А. Фёнема «Шкала денежных убеждений и поведения» [13] в адаптации О.С. Дейнека [4] и шкальный многофакторный опросник для экспресс-диагностики экономических аттитюдов [14].

С целью изучения внутренних, психологических детерминант экономического поведения КМНС была использована методика «Временные аттитюды» Ж. Нюттена (в модификации К. Муздыбаева) [15].

Для диагностики жизненных ценностей применялась расширенная и уточнённая версия опросника П. Шварца PVQ-R, адаптированная сотрудниками НИУ «Высшая школа экономики» [16].

Для исследования эффективности экономического поведения КМНС диагностировались уровень субъективного благополучия (удовлетворённости жизнью) и уровень субъективного экономического благополучия (субъективный уровень дохода). Для диагностики уровня удовлетворённости жизнью применялась Шкала удовлетворённости жизнью Э. Динера в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина [17]. Для диагностики субъективного экономического благополучия в исследовании использовалась шкала уровня субъективного дохода А. Фенема в адаптации О.С. Дейнека [4].

С целью изучения культурных и демографических факторов проводилось анкетирование респондентов: выяснялись их пол, возраст, уровень образования, семейный и профессиональный статус, принадлежность к этносу.

Обработка данных осуществлялась с помощью статистического пакета SPSS. 24.0, включая модуль AMOS. Для изучения ти-

пов экономического сознания и стратегий экономического поведения использовался эксплораторный факторный анализ. Для заключения о соответствии модели экономического поведения КМНС исходным данным были использованы рекомендованные значения критериев, подтверждающие состоятельность модели: p – уровень значимости критерия, $\chi^2 > 0,05$, CFI $> 0,95$, RMSEA $< 0,05$, GFI $> 0,9$, PCLOSE=0,5.

В исследовании принимали участие 213 человек в возрасте от 15 до 73 лет (59% женщин и 41% мужчин), проживающих в Арктической зоне Российской Федерации: ненцы (Ямало-Ненецкий автономный округ, Ненецкий автономный округ) – 78 чел., ханты (Ямало-Ненецкий автономный округ) – 5, долганы (Красноярский край) – 32 чел., ительмены (Камчатский край) – 2 чел., коряки (Камчатский край) – 8 чел., нивхи (Сахалинская область) – 25 чел., эвены (Магаданская область) – 31 чел., чукчи (Чукотский автономный округ) – 25 чел., эскимосы (Чукотский автономный округ) – 7 чел.

Анкеты предъявлялись респондентам в бумажном варианте, давалась подробная инструкция по заполнению.

Результаты

Результаты теоретического анализа и предыдущих исследований позволили представить гипотетическую модель экономического поведения КМНС в условиях глобализации (рис. 1).

На первом этапе исследования с целью выявления типов экономического поведения и уменьшения размерности переменных в модели был проведён эксплораторный факторный анализ. Анализу были подвергнуты показатели экономических аттитюдов (табл. 1), отношения к деньгам (табл. 2) и жизненных ценностей.

Проведённый анализ позволил выделить три фактора, интерпретируемые как стратегии, или типы экономического поведения респондентов. Первый фактор объясняет экономическое поведение, основанное на создании сбережений с учё-

Рис. 1. Теоретическая модель экономического поведения КМНС в условиях глобализации

том знания финансовых законов. Такой тип экономического поведения связан с удовлетворённостью в экономической сфере, финансовым оптимизмом, готовностью выступать в качестве инвестора и повышенной активностью в экономической сфере. Данный фактор отражает сбалансированную позицию в экономическом поведении, предполагающую нахождение оптимального соотношения сбережений, инвестиций и активности, в которой решения принимаются рационально и обоснованно (на основе знания финансовых законов).

Второй фактор включает негативное отношение к предпринимателям, готовность жертвовать здоровьем и призванием ради высокого заработка, готовность брать кредитные обязательства и вместе с тем недоверие к банкам как финансовым институтам, а также стремление к занятию высокого финансового статуса.

Третий фактор отражает тип экономического поведения, в основе которого лежат вера в собственные силы, опора на себя в принятии экономических решений, осознанный взгляд на маркетинговые механизмы, высокие финансовые притязания

и наряду с этим недостаток конкретных экономических знаний для их реализации.

В табл. 2 представлены результаты факторного анализа отношения респондентов к деньгам.

Факторный анализ позволил выделить три фактора, характеризующих отношение респондентов к деньгам. Вместе с тем следует отметить, что значительное число утверждений опросника не набрало достаточного веса в факторной структуре и было исключено из анализа. Можно предположить, что те особенности отношения к деньгам, которые описывают данные утверждения, не характерны для КМНС. Например, лёгкое расставание с деньгами или привычка торговаться из-за цены не входит в перечень особенностей финансового сознания северных народов, что может быть обусловлено специфической социально-экономической системой и типом хозяйствования.

Первый фактор является достаточно противоречивым по своему психологическому содержанию, что может рассматриваться как признак некоторой невротизации по отношению к деньгам. С одной стороны, сюда включены аттитуды,

Таблица 1

Результаты факторного анализа экономических аттитюдов у КМНС

	Факторы		
	1	2	3
Уверенность в будущем благодаря сбережениям	,813		
Финансовая грамотность	,795		
Потребительское удовлетворение	,772		
Стремление к сбережению	,661		
Активность, рациональность в банковской сфере	,602		
Финансовый оптимизм	,565		
Готовность инвестировать	,541		
Потребительская активность	,535		
Рациональность покупок	,533		
Познавательная экономическая активность	,518		
Негатив к предпринимателям		,805	
Приоритет заработка здоровью		,710	
Значимость финансового статуса		,484	
Недоверие к банкам, иррациональность		,475	
Предпочтение кредитов		,452	
Приоритет заработка призванию		,433	
Ценность самостоятельных экономических достижений			,784
Осознание потребительской иррациональности			,698
Экономические амбиции			,555
Инвестиционная неграмотность			,460
Сумма объяснимой дисперсии, %	20,19	12,70	10,12

свидетельствующие об иррациональном отношении к деньгам (игра в лотерею, покупка ненужных вещей из-за низкой стоимости), а с другой стороны, деньги здесь представляются как инструмент социального влияния (решение проблем, достижение социальной успешности, установление социальных связей). Противоречие наблюдается и в эмоциональном фоне, связанном с деньгами: с одной стороны, это презрение к богатству, а с другой – предпочтение денег как терапевтического средства для восстановления после неудач, а также удовлетворённость от того, что их много.

Второй фактор в целом отражает концентрацию на деньгах у респондентов (деньги как высшая ценность). Это некая «зацикленность» на деньгах и фетишизация их, а также сильная зависимость от их нали-

чия. Деньги здесь являются залогом решения всех проблем, ассоциируются с личной свободой и социальным статусом. Данный фактор можно рассматривать как проявление тревожности, связанной с финансами.

Наконец, третий фактор объединяет аттитюды, связанные со стремлением сберегать деньги, не тратить, а копить их, с внимательным, бережным, рациональным отношением к деньгам (например, составление списков доходов и расходов).

Факторный анализ, проведённый для показателей жизненных ценностей, обнаружил, что все они вошли в один фактор с высоким весом (больше 0,7), который объясняет 75,7% совокупной дисперсии. Данный фактор можно интерпретировать как общий уровень мотивированности респондентов, их увлечённости чем-либо

Таблица 2

Результаты факторного анализ отношения к деньгам у КМНС

Утверждения	Факторы		
	1	2	3
Ф42 Иногда я покупаю ненужные мне вещи, чтобы произвести впечатление на друзей	,744		
Ф21 Если у меня есть какая-то сумма денег, я чувствую себя неуютно, пока не потрачу их	,714		
Ф44 Я завожу друзей, тратя на них свои деньги	,712		
Ф41 Я играю в лотереи	,627		
Ф35 Я часто покупаю ненужные мне вещи только из-за того, что цена на них снижена	,577		
Ф34 Я думаю о деньгах чаще, чем другие	,571		
Ф11 Я часто использую деньги, чтобы влиять на соперников или врагов	,559		
Ф30 Я презираю деньги и тех, кто ими обладает	,536		
Ф17 Я часто трачу деньги на себя, когда нахожусь в плохом настроении	,428		
Ф13 Я обычно чувствую себя лучше тех, кто имеет меньше денег	,415		
Ф43 Я твёрдо убеждён, что деньги могут решить все мои проблемы		,673	
Ф36 Я чувствую себя более свободным, когда у меня есть деньги		,652	
Ф39 Я бы использовал все возможности, чтобы у меня стало достаточно денег		,517	
Ф26 Для меня удовольствие тратить деньги		,516	
Ф37 Лучший подарок — это деньги		,513	
Ф29 Я люблю пересчитывать деньги		,491	
Ф27 Я часто обсуждаю с родителями или друзьями проблему денег		,469	
Ф38 Большинство моих друзей имеют больше денег, чем я		,436	
Ф33 В нашей стране о человеке судят по количеству имеющихся у него денег		,407	
Ф8 Я всегда знаю, сколько я накопил			,648
Ф5 Я горжусь своей способностью сохранять деньги			,636
Ф9 Моё финансовое положение лучше, чем думает большинство моих друзей			,601
Ф14 Я всегда пересчитываю сдачу			,575
Ф4 Я внимательно разглядываю оформление купюр и монет			,539
Ф20 Я коплю деньги «на чёрный день»			,537
Ф22 Я веду учёт своих расходов и доходов			,521
Ф10 Мне трудно принимать решения о трате денег, независимо от их суммы			,484
Ф15 Я думаю, что деньги — это единственная вещь, на которую я могу положиться			,434
Ф18 При покупках в первую очередь я думаю о цене			,422
Ф40 Я раскладываю деньги в кошельке аккуратно, по достоинству купюр			,414
Доля объяснимой дисперсии, %	12,09	10,2	10,09

в жизни. Доминирующую роль в этом факторе играют ценности самостоятельности, универсализма, безопасности и доброты, что согласуется с ранее проведёнными исследованиями [19].

На заключительном этапе для верификации теоретической модели экономического поведения КМНС применялся метод моделирования структурными уравнениями. Результаты моделирования показали удов-

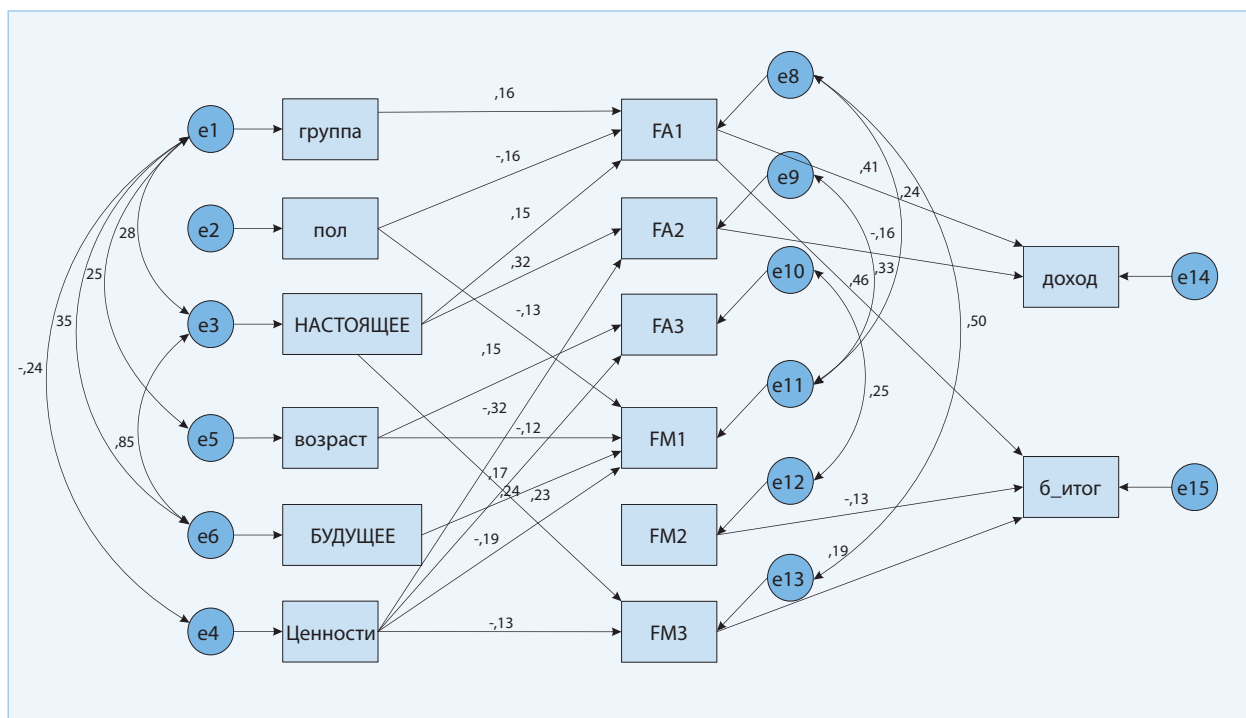

Рис. 2. Эмпирическая модель экономического поведения КМНС в условиях глобализации

Примечание: группа – принадлежность к этносу, FA 1 – сбалансированная экономическая стратегия, FM1 – фактор денежной невротизации, FM2 – фактор финансовой тревожности, FM3 – фактор рационального отношения к деньгам, доход – удовлетворённость доходом, б_итог – субъективное благополучие

летворительные индексы соответствия эмпирических данных теоретической модели ($p = 0,005$; GFI = 0,937; CFI = 0,953; RMSEA = 0,051; Pclose = 0,455) (рис. 2). Все элементы модели показывают значимые взаимосвязи (табл. 3).

Анализ значений показателей связей в модели подтверждает выдвинутую гипотезу. Сбалансированная стратегия экономического поведения (оптимальное соотношение сбережений, инвестиций и активности, опора на финансовые знания в принятии экономических решений, высокий уровень саморегуляции и самоконтроля в экономической сфере) вносит существенный вклад в формирование субъективного экономического благополучия КМНС и их удовлетворённость жизнью в целом. В то же время значимость материальных ценностей, готовность получать их в ущерб здоровью и призванию в сочетании с недоверием финансовым институтам и акторам в определённой степени предсказывают низкий уровень субъектив-

ного экономического благополучия.

Отношение респондентов к деньгам не влияет напрямую на удовлетворённость доходом, однако формирует в определённой степени уровень удовлетворённости жизнью в целом. «Зацикленность» на деньгах, зависимость от их наличия снижают уровень удовлетворённости жизнью респондентов. Напротив, внимательное, бережливое отношение к деньгам, рациональность в обращении с ними и умение делать сбережения в значительной степени повышают уровень удовлетворённости жизнью представителей северных народов.

Стратегии экономического поведения КМНС по-разному детерминированы внешними и внутренними факторами, что также подтверждает выдвинутую гипотезу. В частности, фактор культуры – принадлежность к определённому этносу – вносит вклад в формирование сбалансированной стратегии экономического поведения (оптимальное соотношение сбережений, инвестиций и активности). Дополнительно проведён-

Таблица 3

Регрессионные коэффициенты в модели экономического поведения КМНС

			Estimate	S.E.	C.R.	P
FA1	<---	Группа	,053	,019	2,773	,006
FA1	<---	Пол	-,294	,110	-2,683	,007
FA1	<---	НАСТОЯЩЕЕ	,087	,039	2,247	,025
FA2	<---	НАСТОЯЩЕЕ	,162	,032	5,112	***
FM3	<---	НАСТОЯЩЕЕ	,114	,034	3,342	***
FA2	<---	Ценности	-,279	,055	-5,116	***
FM3	<---	Ценности	-,106	,050	-2,117	,034
FM1	<---	Пол	-,219	,106	-2,075	,038
FA3	<---	Ценности	,151	,059	2,571	,010
FM1	<---	Ценности	-,167	,055	-3,038	,002
FA3	<---	Возраст	,010	,005	2,197	,028
FM1	<---	Возраст	-,008	,004	-2,005	,045
FM1	<---	БУДУЩЕЕ	,096	,026	3,678	***
доход	<---	FA1	,498	,077	6,439	***
доход	<---	FA2	-,210	,085	-2,480	,013
б_итог	<---	FA1	,709	,101	7,009	***
б_итог	<---	FM2	-,219	,098	-2,227	,026
б_итог	<---	FM3	,338	,114	2,963	,003

Примечание: группа — принадлежность к этносу, FA 1 — сбалансированная экономическая стратегия, FM1 — фактор денежной невротизации, FM2 — фактор финансовой тревожности, FM3 — фактор рационального отношения к деньгам, доход — удовлетворённость доходом, б_итог — субъективное благополучие.

ный дисперсионный анализ показывает, что данная стратегия наиболее выражена у эвенов и коряков. А для нивхов, ненцев и чукчей эта стратегия менее характерна. Данный факт подтверждается и более низкими показателями субъективного экономического благополучия и удовлетворённости жизнью у этих народов.

Гендерная специфика в определённой части обуславливает сбалансированную стратегию экономического поведения и противоречивое, невротичное отношение к деньгам. Как сбалансированная стратегия экономического поведения, предполагающая высокий уровень самоконтроля в экономической деятельности, оптимальное соотношение сбережений, инвестиций и активности, так и определённый уровень невротизации в отношении денег более характерны для мужчин. Последний факт необходимо учитывать при формировании групп для обучения финансовой грамотности.

Возрастные особенности также в определённой степени детерминируют экономическое поведение. В частности, с возрастом увеличивается вероятность выбора стратегии, основанной на внутреннем экономическом локусе контроля. Это можно объяснить тем, что в процессе реализации себя в экономической сфере приобретается новый опыт, формируются новые умения и навыки в экономической сфере, а вместе с этим растёт и уверенность в своих силах. И напротив, чем моложе представитель КМНС, тем вероятнее для него противоречивое, невротичное отношение к деньгам.

Вклад внутренних факторов (отношение ко времени, ценности) оказался более сильным, чем внешних переменных. Так, более критичное отношение к настоящему в значительной степени определяет выбор стратегии достижения материального благополучия любыми средствами и в мень-

шей степени влияет на выбор сбалансированной стратегии экономического поведения. Кроме того, реалистичное отношение к событиям настоящего оказывает влияние на формирование рационального отношения к деньгам, стремления сберегать свои средства, не тратить их. Непривлекательный образ будущего, страх перед ним вносят значительный вклад в формирование невротизации в вопросах, связанных с деньгами.

Наконец, жизненные ценности как показатель увлечённости личности определёнными идеями, стремлением реализовать что-то в жизни повышают внутренний экономический локус контроля (уверенность в своих силах в экономической реальности) и в значительной степени сглаживают противоречивые чувства в отношении денег, снижают финансовую депривацию. Можно сделать вывод, что наличие выраженных ценностных ориентиров у представителей КМНС повышает эффективность их экономического поведения, является его внутренним ресурсом. Это ещё одно доказательство того факта, что сохранение ценностей, этнической идентичности позитивно влияет на экономическое поведение, а через него – на субъективное экономическое благополучие коренных малочисленных народов Севера.

Заключение

По результатам проведённого исследования можно сформулировать ряд выводов.

Разработанная и верифицированная в эмпирическом исследовании модель позволяет говорить о существовании различных типов экономического сознания и основанных на них различных стратегиях экономического поведения у коренных малочисленных народов Севера. Выявленные стратегии вносят неодинаковый вклад в формирование субъективного экономического благополучия представителей данных народов. Сбалансированная стратегия экономического поведения вносит существенный вклад в формирование субъективного экономического благополу-

чия КМНС и их удовлетворённость жизнью в целом.

Подтвердилась гипотеза о внешних и внутренних предикторах экономического поведения КМНС. Наряду с принадлежностью к этносу (экономической культурой), полом и возрастом, наибольший вклад в формирование продуктивных стратегий экономического поведения и нивелирование непродуктивных вносят жизненные ценности, понимаемые как «познанные» потребности, непосредственно зависящие от культуры, среды, менталитета конкретного общества. Это ещё одно доказательство того, что сохранение ценностей, этнической идентичности позитивно влияет на экономическое поведение, а через него – на субъективное экономическое благополучие КМНС.

Проведённое исследование позволяет сформулировать рекомендации по профилактике неконструктивных экономических стратегий у представителей северных народов, особенно молодых и обладающих недостаточным опытом, посредством повышения их финансовой грамотности, уверенности в своих силах, поощрения самостоятельности в принятии экономических решений, формирования позитивного образа будущего. Важную роль в этом играют сохранение этнической идентичности, поддержание таких ценностей, как самостоятельность, универсализм, безопасность и сохранение доброжелательных отношений с близкими людьми. При разработке программ по развитию продуктивных стратегий экономического поведения следует помнить, что в них, прежде всего, должны быть задействованы такие этносы, как нивхи, чукчи и ненцы. Особую группу «риска» представляют юноши и мужчины, вероятно потому, что традиционно на них ложится ответственность за материальное обеспечение семьи.

Разработанная в ходе исследования модель может лечь в основу концепции трансформации экономического поведения коренных малочисленных народов Севера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Научный и институциональный потенциал комплексного развития Российской Арктики в средне- и долгосрочной перспективе // Проблемы прогнозирования. 2015. № 6. С. 58–66.
2. Lewis A., Webley P., Furnham A. The new economic mind: the social psychology of economic behavior. N.Y., 1995.
3. Забелина Е.В. Психологическое время и экономическое сознание: социально-психологический анализ: Дисс. ... д-ра психол. наук: 19.00.05. СПб., 2021.
4. Дейнека О.С. Экономическая психология: социально-политические проблемы. СПб.: СПбГУ, 1999.
5. Дейнека О.С. Экономическое сознание: феноменология, структура и потенциал развития // Культура и экономическое поведение: сборник статей / Под общ. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М.: Макс Пресс, 2011. С. 118–148.
6. Карнышев А.Д. Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии / А.Д. Карнышев, М.А. Винокуров. М.: Институт психологии РАН. 2010.
7. Харлампыева Н.К., Телицына А.Ю., Курносова С.А., Забелина Е.В., Немчинова Т.С. Специфика экономического поведения коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Арктической зоне Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 109–120.
8. Забелина Е.В., Смирнов М.Г., Честюнина Ю.В. Психологическое время личности в условиях глобализации: постановка проблемы // Universum: Психология и образование: Электронный научный журнал. 2016. № 9 (27). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3607>. (дата обращения: 18.01.2022).
9. Schwartz S., Bilsky W. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. № 53 (3). P. 550–562.
10. Хашченко В.А. Социально-психологическая детерминация субъективного экономического благополучия: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук: 19.00.05. М., 2012.
11. Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: Three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. № 125 (2). Pp. 276–302. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276>.
12. Czapinski J., Panek T. Introduction. // Contemporary economics, University of economics and human sciences in Warsaw. 2015. Vol. 9 (4).
13. Furnham A. Many sides of the coin: the psychology of money usage // Personality and Individual Differences. 1984. Vol. 5. P. 95–103.
14. Дейнека О.С., Забелина Е.В. Результаты разработки шкального многофакторного опросника для экспресс-диагностики экономических аттитюдов // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.01.2022).
15. Муздыбаев К. Переживание времени в момент кризисов // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 5–21.
16. Шварц Ш, Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточнённая теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 9 (1), С. 43–70.
17. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН; Российское общество социологов, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (дата обращения: 18.01.2022).
18. Литвина С.А., Богомаз С.А. Индивидуальные достоинства как предикторы удовлетворенности человека своей жизнью // Сибирский психологический журнал. 2014. № 54. С. 211–221.
19. Zabelina E.V., Kurnosova S.A., Trushina I.A., Koptseva N.P., Luzan V.S. Life Values and Subjective Well-being of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Arctic Zone (Based on the Example of the Nenets) // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 2020. № 13 (6). P. 997–1006. DOI: 10.17516/1997-1370-0623.

ENGLISH

The Model of Economic Behavior of Indigenous Minorities of the North in the Context of Globalization

Svetlana Aleksandrovna Kurnosova – Candidate of Science (Pedagogics), Head of the Department of General and Professional Pedagogy, Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University (CSU), head of the project "Transformation of Economic Behavior of Indigenous Minorities of the North in the Russian Arctic in the Context of Globalization" (19-013-00394).

E-mail: ksa0308@mail.ru

Ekaterina Vyacheslavovna Zabelina – Doctor of Psychology, Associate Professor, Department of Special and Clinical Psychology, Institute of Education and Practical Psychology, CSU, co-researcher in the same project.

E-mail: katya_k@mail.ru

Irina Aleksandrovna Trushina – Candidate of Science (Pedagogics), Director of the Institute of Education and Practical Psychology, CSU, co-researcher in the same project.

E-mail: trushina_ia@mail.ru

Ksenia Evgenievna Shchukina – Professor, Department of General and Professional Pedagogy, Institute of Education and Practical Psychology, CSU, co-researcher in the same project.

E-mail: shchks4@mail.ru

This paper focuses on the findings of the theoretical and empirical study dedicated to the model of economic behavior of indigenous minorities of the North in the context of the globalization. Developed and verified in the empirical study, the model uncovers various strategies of economic behavior of indigenous minorities of the North. The identified strategies determined by internal (time attitude, values) and external (culture, sex, age) factors make different contributions to the perceived economic well-being of these peoples. The most significant and positive contribution is made by the balanced strategy of economic behavior: optimal ratio of savings, investments and activity, reliance on financial knowledge in making economic decisions, high level of economic self-regulation and self-control. Yet, the increased importance attached to material values, the pursuit to obtain them at the expense of good health and vocation, together with the distrust in financial institutions and actors, on the contrary, reduces the level of perceived economic well-being.

The developed model can serve as the basis for the concept of transforming economic behavior of the indigenous minorities of the North.

Keywords: indigenous minorities of the North, economic behavior, economic thinking, economic attitudes, money attitudes, perceived economic well-being, globalization

REFERENCES

1. Leksin V.N., Porfir'ev B.N. Nauchnyi i institutsional'nyi potentsial kompleksnogo razvitiya Rossiiskoi Arktiki v sredne- i dolgosrochnoi perspektive // Problemy prognozirovaniya. 2015. № 6. S. 58–66 (in Russian).
2. Lewis A., Webley P., Furnham A. The new economic mind: the social psychology of economic behavior. N.Y., 1995.
3. Zabelina E.V. Psihologicheskoe vremya i ekonomicheskoe soznanie: sotsial'no-psihologicheskii analiz: Diss. ... d-ra psihol. nauk: 19.00.05. SPb., 2021 (in Russian).

4. Deineka O.S. Ekonomicheskaya psihologiya: sotsial'no-politicheskie problemy. SPb.: SPbGU, 1999 (in Russian).
5. Deineka O.S. Ekonomicheskoe soznanie: fenomenologiya, struktura i potentsial razvitiya // Kul'tura i ekonomicheskoe povedenie: sbornik statei / Pod obshch. red. N.M. Lebedeva, A.N. Tatarko. M.: Maks Press, 2011. S. 118–148 (in Russian).
6. Karnyshev A.D. Etnokul'turnye traditsii i innovatsii v ekonomicheskoi psihologii / A.D. Karnyshev, M.A. Vinokurov. M.: Institut psihologii RAN. 2010 (in Russian).
7. Harlamp'eva N.K., Telitsyna A.Yu., Kurnosova S.A., Zabelina E.V., Nemchinova T.S. Spetsifika ekonomicheskogo povedeniya korennykh malochislennykh narodov Severa, prozhivayushchih v Arkticheskoi zone Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki. 2020. № 4. S. 109–120 (in Russian).
8. Zabelina E.V., Smirnov M.G., Chestyunina Yu.V. Psihologicheskoe vremya lichnosti v usloviyah globalizatsii: postanovka problemy // Universum: Psihologiya i obrazovanie: Elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2016. № 9 (27). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3607> (data obrashcheniya: 18.01.2022) (in Russian).
9. Schwartz S., Bilsky W. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. № 53 (3). P. 550–562 (in Russian).
10. Hashchenko V.A. Sotsial'no-psihologicheskaya determinatsiya sub"ektivnogo ekonomicheskogo blagopoluchiya: Avtoref. diss. ... d-ra psihol. nauk: 19.00.05. M., 2012 (in Russian).
11. Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: Three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. № 125 (2). Pp. 276–302. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276>.
12. Czapiński J., Panek T. Introduction. // Contemporary economics, University of economics and human sciences in Warsaw. 2015. Vol. 9 (4).
13. Furnham A. Many sides of the coin: the psychology of money usage // Personality and Individual Differences. 1984. Vol. 5. P. 95–103.
14. Deineka O.S., Zabelina E.V. Rezul'taty razrabotki shkal'nogo mnogofaktornogo oprosnika dlya ekspress-dagnostiki ekonomicheskikh attityudov // Psihologicheskie issledovaniya. 2018. T. 11. № 58. S. 9. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 18.01.2022) (in Russian).
15. Muzdybaev K. Perezhivanie vremeni v moment krizisov // Psihologicheskii zhurnal. 2000. T. 21. № 4. S. 5–21 (in Russian).
16. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnyonnaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primenenie v Rossii // Psihologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2012. № 9 (1), S. 43–70 (in Russian).
17. Osin E.N., Leont'ev D.A. Aprobatsiya russkoyazychnykh versii dvuh shkal ekspress-otsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya // Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa. M.: Institut sotsiologii RAN; Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf (data obrashcheniya: 18.01.2022) (in Russian).
18. Litvina S.A., Bogomaz S.A. Individual'nye dostoinstva kak prediktory udovletvorennosti cheloveka svoei zhizn'yu // Sibirskii psihologicheskii zhurnal. 2014. № 54. S. 211–221 (in Russian).
19. Zabelina E.V., Kurnosova S.A., Trushina I.A., Koptseva N.P., Luzan V.S. Life Values and Subjective Well-being of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Arctic Zone (Based on the Example of the Nenets) // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 2020. № 13 (6). P. 997–1006. DOI: 10.17516/1997-1370-0623.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Индекс УДК 902; 903.2; 904

Код ГРНТИ 03.04.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-108-01-127-144

С.И. БАРАНОВА, Л.А. БЕЛЯЕВ*

Пётр Великий и дворец в Коломенском: архивы, музеи, археология

В статье представлены главные результаты изучения и реконструкции итогов археологических работ на территории объектов царского (Государева) двора в селе Коломенское. Этот дворец был построен в 1660–1680-х гг. в царствование Алексея Михайловича и его сына Фёдора. Строительство велось группой мастеров, в которой важную роль играли художники из Центральной Европы (Белоруссии, Литвы и других стран). В 1670-х – 1690-х гг. здесь бывал будущий реформатор России Пётр I, тогда ещё ребёнок и юноша. Он хорошо знал и любил этот дворец. По его указанию дворец был инженерно укреплен и обновлен в конце 1710-х – начале 1720-х гг. Дворец простоял около столетия. Царице Екатерине II пришлось его разобрать как слишком старый для использования. Раскопки на месте дворца начали в 1920-х, периодически возвращаясь к ним. Наиболее важные работы прошли в 1935, 1970–1980-х и в 2000-х гг.

Для анализа полученных данных потребовалось собрать отчёты об этих раскопках и находки из разных хранилищ. При этом были заново составлены недостающие разделы, собрана база находок. Все сведения перенесены на систему карт. Готовится трёхмерная реконструкция. Параллельно вёлся сбор архивных текстов и изображений дворца XVII–XIX вв. В результате удалось показать, что дворец был важнейшей из летних царских резиденций, рассчитанных, в том числе, на демонстрацию его мировому сообществу. Его интерьеры включали огромное количество европейских предметов. Эта атмосфера существенно повлияла на молодого царя Петра Алексеевича, сделав его восприимчивым к западной культуре и архитектуре.

Ключевые слова: царские дворцы и резиденции, археология Нового времени, история археологии в России, династия Романовых, изразцы, источниковедение XVII–XIX вв.

В русской истории и литературе XVIII–XIX вв. сложился устойчивый стереотип: молодой царь

Пётр Алексеевич вырос в удушливой атмосфере Москвы, полной азиатчины и боярско-стрелецких заговоров, и от-

* **Баранова Светлана Измайловна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета, руководитель проекта «Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование» (20-09-42021).

E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

Беляев Леонид Андреевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом Института археологии РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: labeliaev@bk.ru

толкнулся от неё в своём «прыжке» в Европу. Правда, многие историки отмечали, что этому противоречат сведения о значительном европейском элементе в воспитании царевича, его европейских игрушках, книжках, наставниках (напомним хрестоматийную фразу Василия Осиповича Ключевского: «Как только Пётр стал себя помнить, он был окружён в своей детской иноземными вещами; всё, во что он играл, напоминало ему немца»). Но привычка противопоставлять архаичную Москву и модернизированный Санкт-Петербург глубоко укоренилась. Существенную роль в этой картине играл архитектурный фон с Кремлём как исходной точкой, с противостоящими ему Немецкой слободой и будущими дворцами на Неве. Эта дихотомия свойственна не только русской историографии — она издавна усвоена на Западе, в том числе в истории архитектуры (см., напр.: [1]).

Подобный подход не учитывает важной особенности самой московской дворцовой и церковной архитектуры. Примерно с XVI в. её характер перестал быть чисто византийским и по крайней мере в его столичном, придворном варианте активно ориентировался на Запад. Царевич Пётр с детства жил в пространстве, организованном европейскими архитекторами. Дворец и соборная площадь, стены московских крепостей Кремля и Китай-города, «барочный» ансамбль Высоко-Петровского монастыря (в то время уже «своего» для Нарышкиных) с его маленьким, но вполне итальянским собором, построенным ещё в начале XVI в., — всё это исподволь приучало глаз к восприятию европейских архитектурных форм. Они были тем фоном, на котором разворачивались все события ранней петровской эпохи. Полки царя символично встретили мятежных стрельцов у стен построенного совсем недавно Ново-Иерусалимского монастыря, самого восточного из европейских *sacri monti*. Да и соперники Петра не были ретроградами: архитектура, создававшаяся по заказам царевны Софьи

(например, Новодевичий монастырь), или оформление интерьеров во дворце князя В.В. Голицына обнаруживают страстную тягу к европейским архитектурным и бытовым моделям (хотя удовлетворяется она из иных, чем при дворе Петра, источников).

Во многом ориентированы на Запад и царские подмосковные дворы XVII в. с их хозяйствами, полными технических новинок (Измайлово) и удачно вписанное в ландшафт Коломенское. Последнее уже с XVI в. имело великолепную церковь Вознесения, построенную итальянским зодчим и восходившую к традиции замковых капелл крестоносцев, которые символизировали Гроб Господень.

Дворец в Коломенском и юный Пётр

Коломенское — парадная резиденция Романовых, во второй половине XVII в. своего рода летний Кремль — играло в жизни царевича значительную роль. Будущий император бывал здесь ребёнком и, согласно преданию, начал учиться грамоте; позже в долине Москвы-реки, между Кожуховым и Коломенским, проводил манёвры своих потешных войск. Этот дворец Пётр I помнил всю жизнь и в период активного строительства Санкт-Петербурга, когда прямой необходимости в этом, казалось, не было, позаботился о его поддержании в порядке, приказав опытным архитекторам обновить и укрепить его. Дворец стал символом, генеалогическим свидетельством, подтверждением наследственных прав Петра на древний московский трон, связующим звеном с ранними Романовыми и более отдалённым династическим прошлым.

Ясно, что дворец в Коломенском просто не мог не повлиять на развитие будущего царя-реформатора как человека и правителя, он заслуживает самого пристального внимания историков. Однако до сих пор о том, как дворец отразился в сознании первого российского императора, о его роли в формировании личности Петра почти не задумывались, восприни-

Ил. 1. Фасад Коломенского дворца с восточной стороны.

Хромолитография по рисунку Ф.Г. Солнцева из альбома «Древности Российского государства»

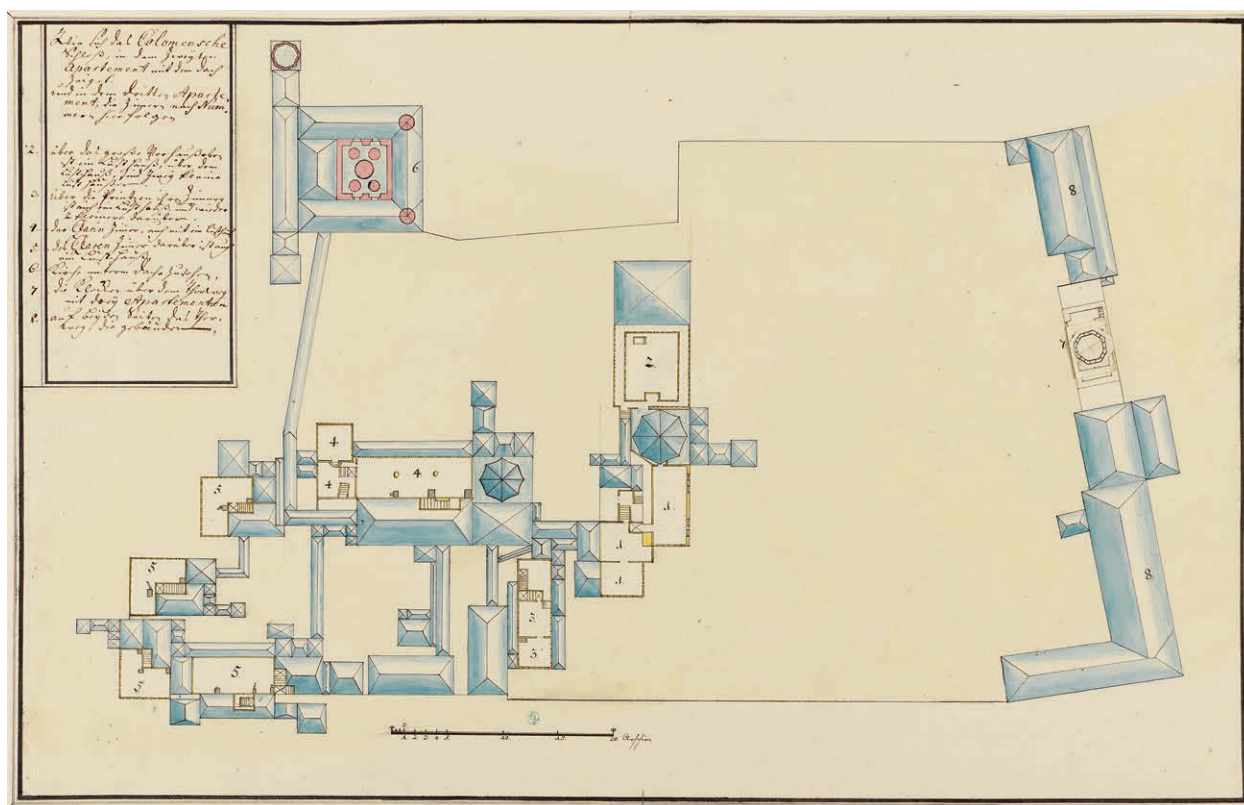
мая сам дворец как порождение старой московской традиции.

В Коломенском во времена правления Михаила Фёдоровича существовал небольшой деревянный дворец. Но при его сыне Алексее и внуке Фёдоре был построен новый ансамбль, отличающийся внушительными объёмами и соответствующий современным ему эстетическим представлениям. Он состоял из соединённых между собой огромных деревянных срубов значительной высоты, которые были обрамлены постройками из кирпича: стеной со встроенными в неё палатами хозяйственного и административного назначения; церковью с переходами и двумя парадными воротами. Кирпично-каменным был и огромный комплекс хранилищ и кухонь (Кормовой двор) внутри периметра, совсем рядом с дворцом, но всё же отдельный от него.

Для истории русской культуры дворец стал хрестоматийным памятником, его вид украшает многие школьные учебни-

ки. Но не в разделе эпохи Петра, а в предыдущем, рассказывающем о культуре Московского царства. Начиная с русской историографии XIX в., со времён Ивана Егоровича Забелина, дворец видели как образцовое произведение русского «народного стиля», высшую точку его развития, коренным образом отличающееся и от линии каменного зодчества XV–XVII вв., и от западной архитектуры [2]. Получалось, что детство и юность Петра прошли в достаточно примитивно оформленной среде, родственной крестьянским дворам Русского Севера, «Руси деревянной» (ил. 1).

Наши исследования показали самую известную загородную резиденцию московских царей совсем иначе. Атмосфера Коломенского с его шатровым храмом и дворец, построенный после знакомства Алексея Михайловича с архитектурой Центральной Европы [3], украшенный творениями резчиков и гончаров из современной Белоруссии и Литвы, наполненный зарубеж-

Ил. 2. Берггольц Фридрих Вильгельм. Чертёж «Дворец. План верхних этажей». 1740-е гг. Nationalmuseum (NM), Stockholm, Sweden

ными изделиями (шпалерами, картинами, часами, мебелью), развили вкус царевича, сделали его восприимчивым к западному стилю культуры и новациям в целом.

Дворец в Коломенском: новый подход

Разобраться в вопросе генезиса и историко-культурной принадлежности дворца было бы гораздо легче, сохранился он до наших дней. Помогло бы и детальное натурное изучение в прошлом. К сожалению, жизнь ансамбля в его главной, деревянной, части оказалась совсем короткой, около столетия. Исследован он тоже не был, его не видел никто из историков архитектуры: дворец не дождал до появления этой отрасли науки в России. Поэтому о дворце судят по вычерченным (до сноса дворца) во второй половине – конце XVIII в. планам; подробным описям; любительским наброскам 1740-х гг.; вольным «народным картинкам», лубкам, которые были выполнены уже после разборки здания; по де-

ревянной модели, сделанной примерно тогда же (ил. 2).

Поскольку в зеркале науки XIX в. дворец отразиться не успел, он до наших дней оставался во многом загадкой – и прежде всего в части, связанной с присутствием в нём Петра Алексеевича и его семьи. О том, как часто и с какой целью царь посещал Коломенское, как ни странно, не было полных сведений. Да и о проекте восстановления дворца в конце 1710-х – начале 1720-х гг. тоже. К подлинным архивным материалам по истории дворца не обращались практически со времени И.Е. Забелина, довольствуясь его частичной публикацией описи. По этой причине исследование строилось как комплексное: требовалось исчерпывающе включить в научный оборот письменные и графические источники, в значительной мере не опубликованные, в том числе из зарубежных архивов (Швеция); изучить и реконструировать интерьеры с их наполнением; представить дворец в современной трёхмерной реконструкции.

Работы по этим направлениям стали важной частью проекта, в результате которого был дополнен перечень поездок Петра I и членов его семьи в Коломенское в 1672–1724 гг., подготовлены к научному изданию описи Коломенского дворца, выяснены особенности повседневной жизни и придворных церемониалов, восстановлен ход работ по ремонту дворца на протяжении последней четверти XVII – первой четверти XVIII в. В целом восстановление Коломенского дворца теперь вписано в контекст мемориальной и династической политики Петра I.

В ходе этих исследований сделан ряд сравнительно небольших, но важных для русской истории открытий. Так, доказано, что будущая императрица Екатерина Алексеевна в декабре 1709 г. в Коломенском не останавливалась, а её дочь Елизавета Петровна, также впоследствии занявшая императорский престол, родилась не в Коломенском, а в Старо-Преображенском или Лефортовском дворце. До настоящего времени в историографии была принята основанная на легенде П.Н. Крекшина версия, согласно которой дочь Петра I родилась именно в Коломенском [4].

Изучение практики восстановления Коломенского дворца в 1719–1724 гг. позволило выяснить, что Пётр I решил сохранить его не в качестве напоминания о начале своего царствования, но вследствие стремления выдать дочерей за представителей европейских династий, для чего необходимо было иметь комплекс резиденций соответствующего уровня в Москве. Династическая политика требовала – для подкрепления идеи наследной монархии – восстановления и включения в складывающийся церемониал императорской коронации Екатерины Алексеевны (1724 г.)

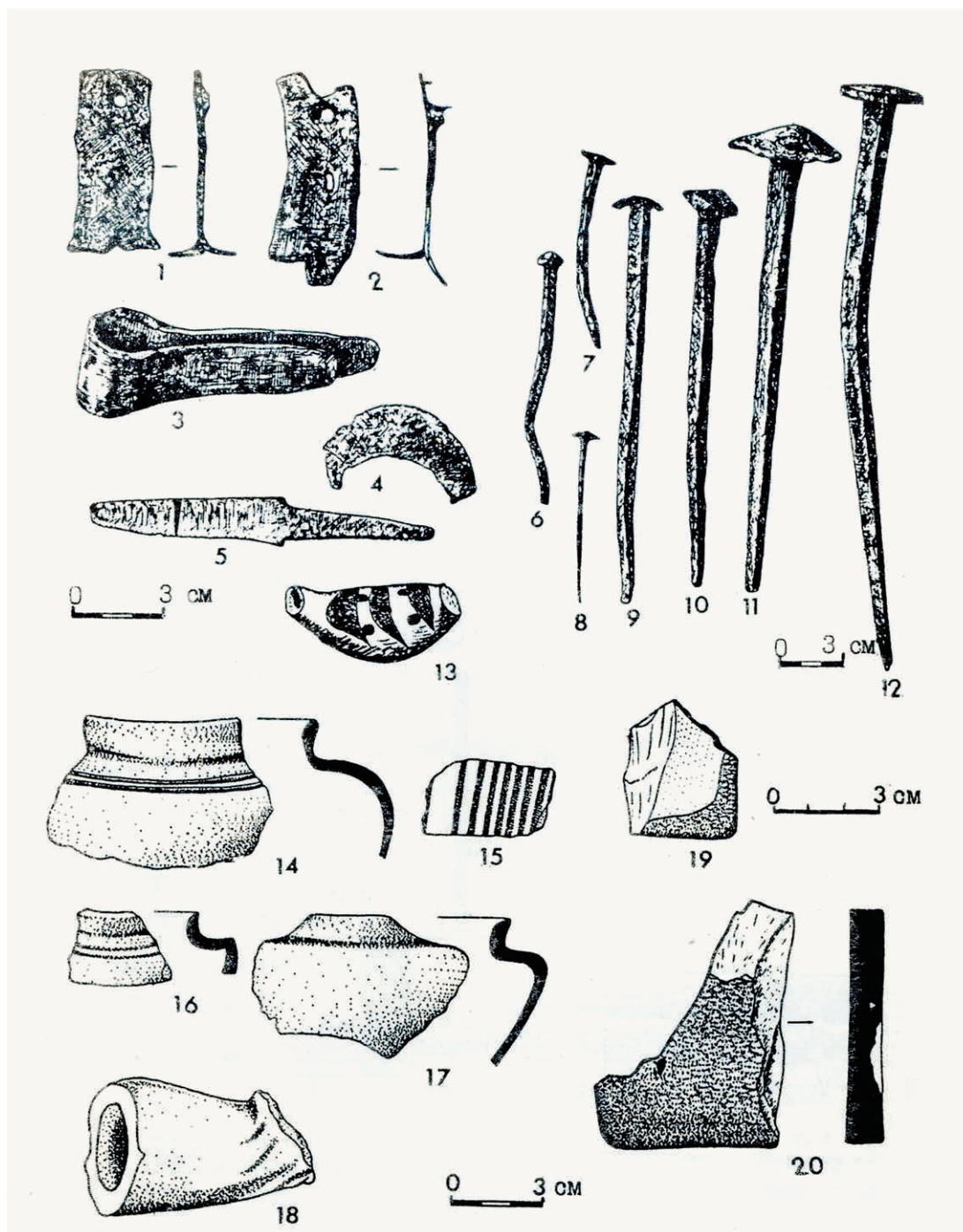

Ил. 3. Археологические раскопки К.Я. Виноградова, 1935 г. Траншея к Водовзводной башне. Фото И.Ф. Барщевского

кремлёвского и подмосковных дворцов. Они образовали сцену, на которой для двора и присутствовавших на коронации представителей других государств демонстрировалась история перехода власти от Московского царства к Российской империи, от Петра I к Екатерине Алексеевне и их дочерям – Анне и Елизавете [5].

Археология дворца в Коломенском

Существует, однако, ещё источник, до сих пор мало задействованный. Это – данные археологии. На территории дворца раскопки проводили в течение чуть ли не столетие, с 1920-х до конца 2000-х гг.,

Ил. 4. Находки, сделанные при раскопках 1935 г. на месте «хором царицы»
(по: Беляев, Кренке, 1993, рис. 9)

но систематически их результат не анализировался и в огромной части до сих пор не опубликован (ил. 3). В силу этого обстоятельства второй частью проекта стал запуск механизма комплексного анализа совокупности изобразительных, письменных и археологических источников — при опоре на последние. Это позволило

серьёзно изменить и углубить представления о переломном этапе истории, заново оценить важность подготовительной работы XVII в. для реформ, совершившихся в начале XVIII в.; внести свежие штрихи в облик юного Петра Алексеевича.

Образ исторического персонажа довольно трудно восстановить, опираясь

на окружающие предметы, хотя такой жанр известен — достаточно вспомнить описание кабинетов Евгения Онегина у Пушкина; бесчисленные говорящие натюрморты на портретах Нового времени; жанр «в комнатах»; бесчётные «портреты» дворцовых галерей и залов. Но с вещами в пространственных контекстах сложнее: они (по крайней мере, их часть) когда-то тоже представляли собой яркие послания. Но археологу остаются только их следы. Да и сами источники требовали предварительной проработки, их состав с самого начала представлялся довольно необычным.

Исследование оказалось археологическим в двух смыслах: как анализ источников и как поиск, осмысление, включение в научный оборот сведений о них. Дело в том, что данные по раскопкам, как выяснилось, рассеяны по разным хранилищам и мало доступны. Более того, не обо всех сохранились отчёты, самые ранние очень скудно документированы, их находки не всегда снабжены паспортами. Чтобы установить соотношение полевого шифра (даже если он есть на вещи) и последующей нумерации в инвентарной книге зачастую требуется специальное исследование. Более того: для важнейшего сезона работ — раскопок 2005 г. — значительную часть документации пришлось восстанавливать по личным архивам участников, поскольку подготовленные тогда данные в государственный архив были сданы только частично, причём это коснулось, в первую очередь, участков на территории дворца. При этом находки своевременно передали музею. Соединение их с полевой документацией, а также доработка отчёта для публикации стали одними из задач работы

Ил. 5. Филиппов А.В. Лист с зарисовками изразцов, найденных в Коломенском при раскопках 1935 г. Вторая половина 1940-х гг. Архив А.В. Филиппова

(да и остальные результаты полевых работ пришлось сводить воедино и специально прорабатывать для дальнейшего анализа).

Натурное изучение дворца имеет долгую историю, отражая развитие не только науки, но и общества в России. Впервые о «дворище» как недавно возникшем топографическом объекте написал ещё И.Е. Забелин. В первое десятилетие советского строя, в годы расцвета краеведения, в музее Коломенского (возник в 1924 г.) энтузиасты старой русской архитектуры и археологи провели широкие вскрытия. Однако они не оправдали их надежд на получение яркой картины дворцового быта или — в духе

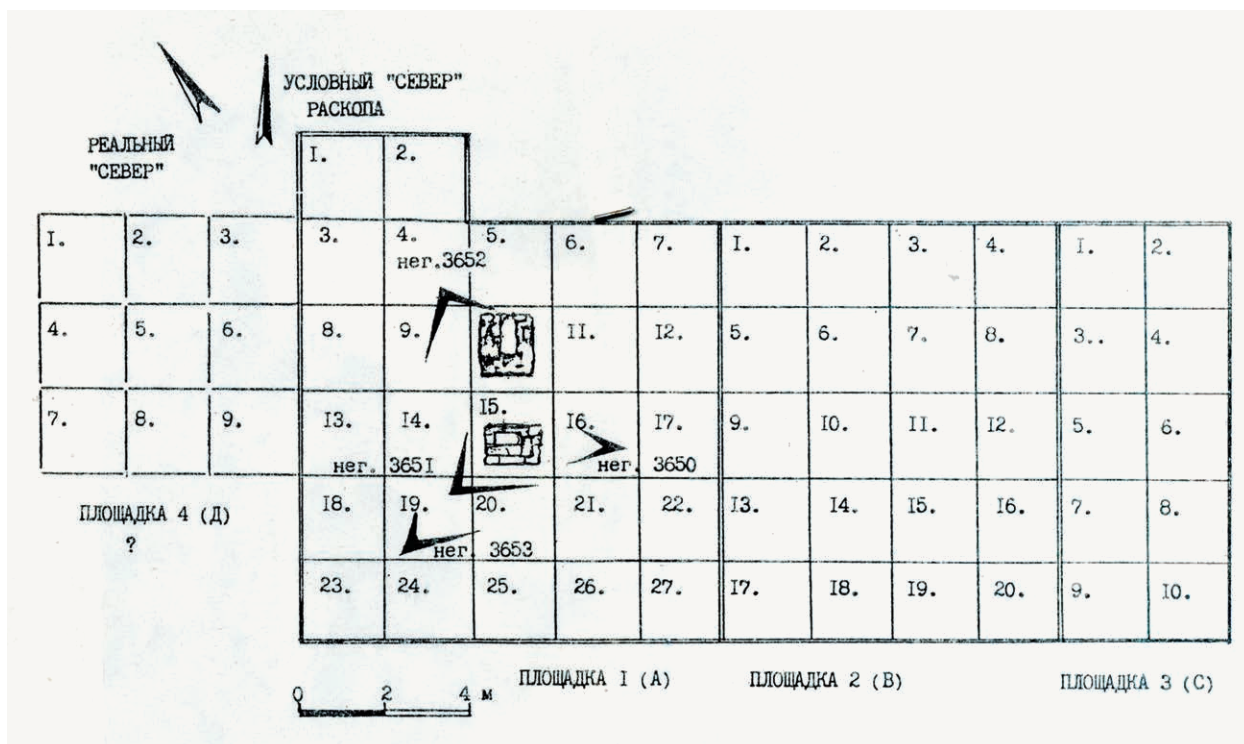

Ил. 6. Гра М.А. Рисунки изразцов, найденных на месте Коломенского дворца. 1960-е гг. Частный архив

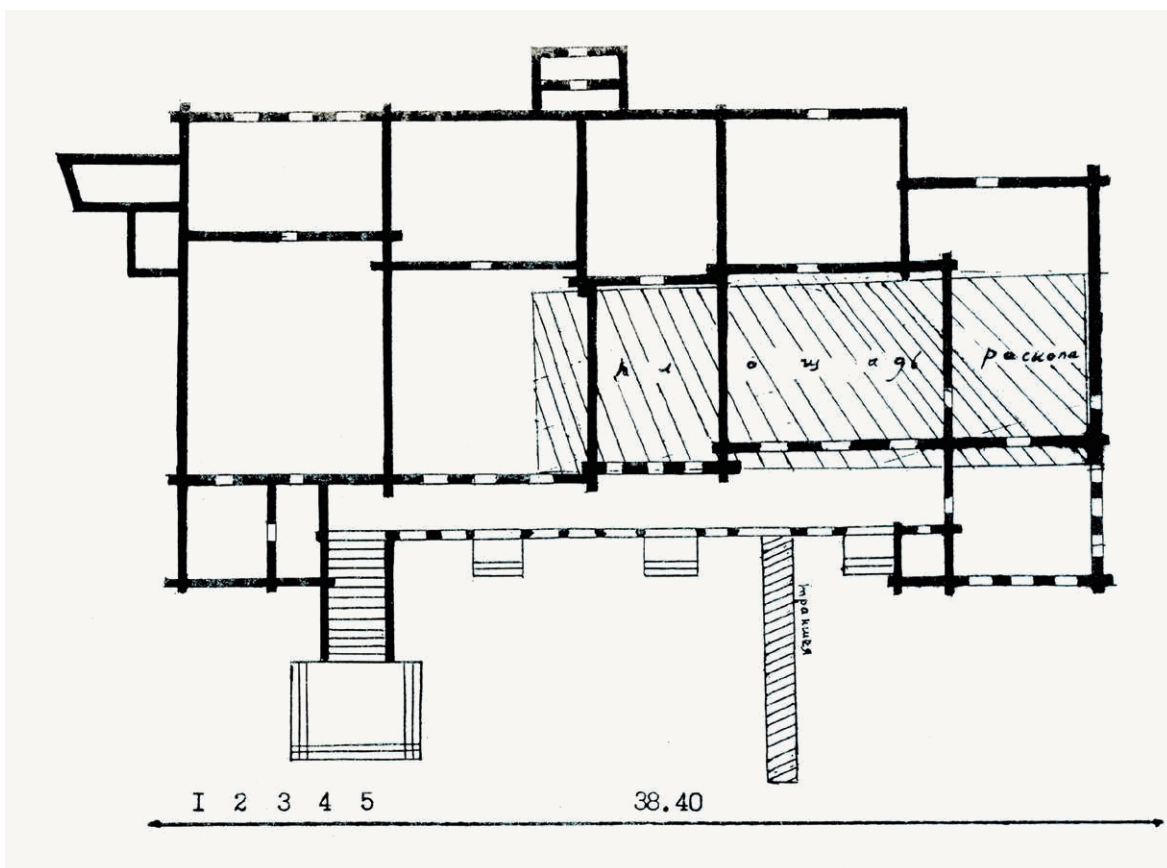
времени — классового разделения: «дворец» и «хижина» не давали должного контраста, «оплот феодализма» выглядел на редкость скромно. Продолжения работ не последовало, на жизни музея они сказались мало. Авторы первых исследований, по сути дела, пришли к заключению, которое следует назвать разочаровывающим: археология ключевого для русской культуры деревянного дворца в Коломенском не отвечала его пышным описаниям и графическим «пор-

третам». Даже противоречила им: вместо ожидаемых дворцовых сокровищ на свет появлялись невзрачные гвозди, скобы, мелкие фрагменты керамики (ил. 4).

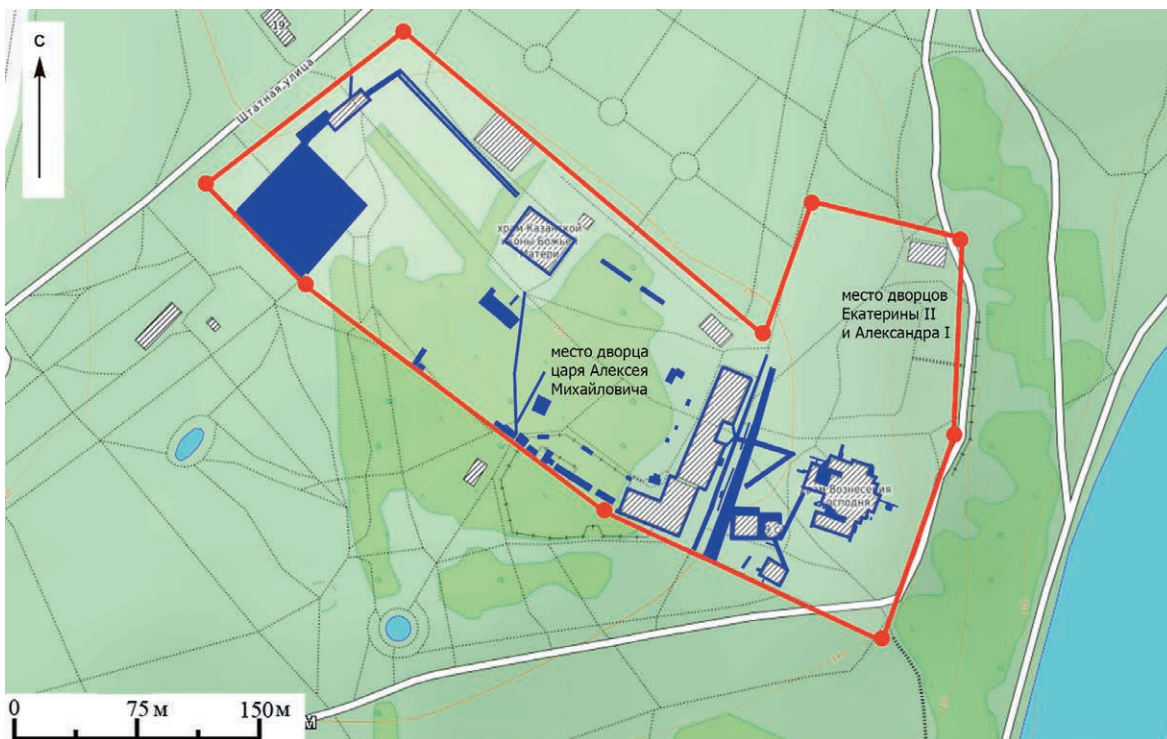
О том, что здесь стоял когда-то крупный престижный жилой ансамбль говорили разве что отдельные опоры из белого камня, подведённые под узлы конструкций в 1710–1720-х гг., да выкладки из кирпича под печами, выступавшие местами прямо над дёрном и окружённые россыпью

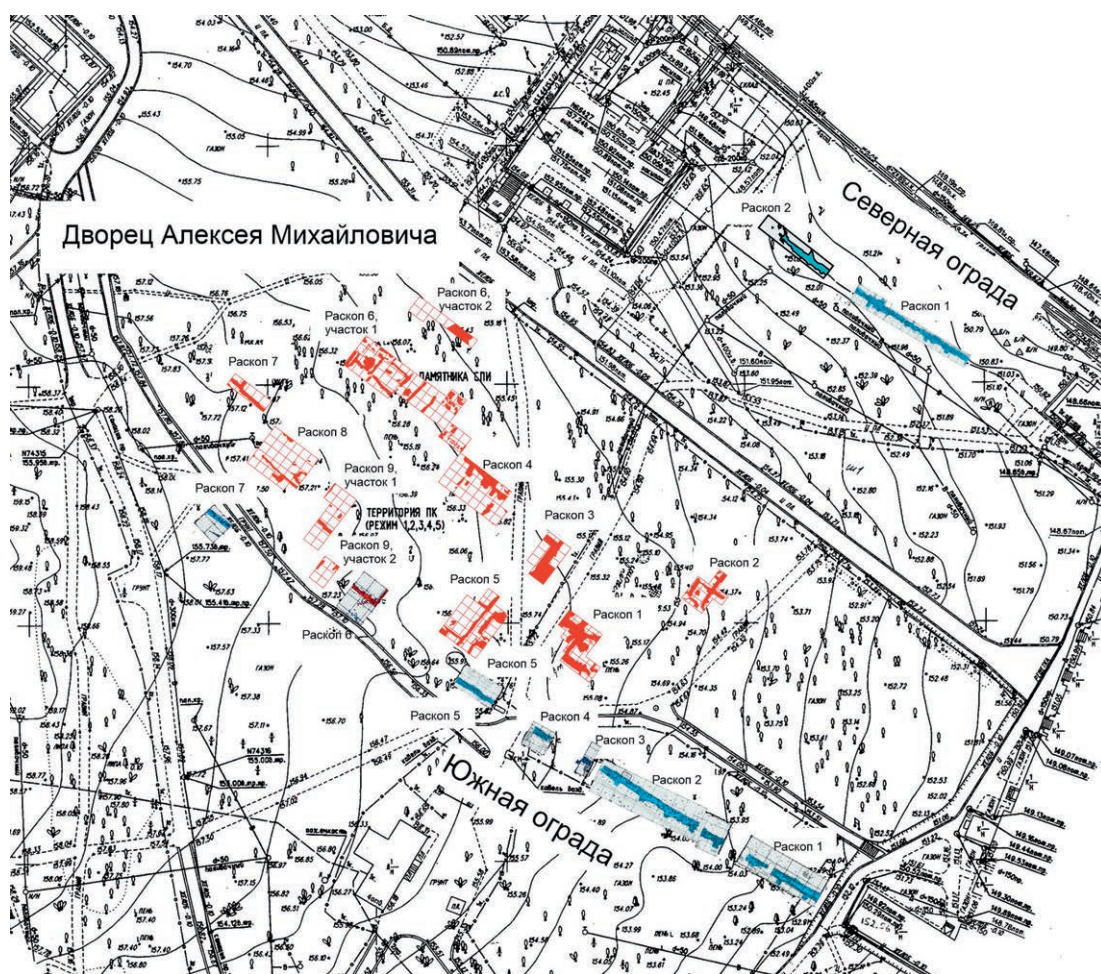
Ил. 7. Кренке Н.А. Реконструкция квадратов раскопов («площадок») 1935 г. и углов съёмки И.Ф. Барцевским открытых в них сооружений (по: Беляев, Кренке, 1993, рис. 4)

Ил. 8. Схема раскопов 1935 г. из отчёта К.Я. Виноградова. Архив ИИМК. Ф. 2, Р. 1, Д. 79, 1935 г. (по: Беляев, Кренке, 1993, рис. 4)

Ил. 9. Сводный план раскопов и открытых ими сооружений на участке Государева двора. 1920-е – 2010-е гг.

Ил. 10. Раскопы 2005 г. на геодезической подоснове участка дворца. Сводный план. Синим показаны раскрытые участки кирпичной ограды, красным — опорные кладки, фундаменты печей и стенки сооружений в составе дворца

фрагментов (а порой и целых) изразцов, которые тогда же привлекли внимание П.Д. Барановского и А.В. Филиппова [6], а в послевоенный период к их изучению обратилась М. Гра [7] (ил. 5 и 6).

Этот сюжет источниковедения 1920–1930-х гг. разобрали ещё в 1990-х гг. [8]. Однако анализ на новом, комплексном уровне показал, что дело не безнадежно, если связать все источники воедино. В послевоенные годы археология дворца интересовала только архитекторов-реставраторов [9]. Но это вызвало новую серию раскопок, на этот раз на периферии Дворца – вдоль его стен и снаружи, у каменных палат и на площади перед храмом Вознесения [10]. Эти работы обогатили представления о Коломенском как памятнике археологии Московского пери-

ода русской истории, но к самому Дворцу мало относились.

Осознание участка дворца как ценного исторического источника пришло в начале 1990-х гг., когда Н.А. Кренке предложил опубликовать материалы раскопок 1920–1930-х гг. и провёл работу по составлению подробной археологической карты Коломенского. Позже его эксперимент по вскрытию небольшого участка дворца показал, что слой здесь тонок, требует микростратиграфического подхода для уточнения привязки дворца к местности и соотнесения конструкций со старыми планами, описями и сделанными в прошлом находками [11, 12] (ил. 7 и 8).

К сожалению, эта методика не была применена при масштабных вскрытиях дворцовой территории, которые проводи-

Ил. 11. Отдельные участки раскопок 2005 г. на территории дворца в селе Коломенском: а — раскоп 1, кирпичное основание дворца эпохи царя Михаила Фёдоровича; б — остатки печей 1670-х гг.; в — фундамент и нижняя часть юго-восточной ограды дворцовой территории (справа — неглубокая траншея для исследования идущей вдоль стены деревянной трубы); г — опорный столб, подведённый под стык срубов 1680-х гг. в конце 1710-х – начале 1720-х гг.

лись в 1999–2005 гг. сначала на периферийных участках и Кормовом дворе, а затем на основной площади деревянного дворца. Отвечала за них служба охраны памятников г. Москвы, вскрытия шли широкими площадями, но на основе обычной, стандартной для охранных работ методики, довольно быстро, силами коммерческих организаций и студентов-практикантов с привлечением небольшого числа специалистов.

Для сведения в одно целое всех этих данных требовалось уточнить топографическую привязку разновременных раскопок и вклю-

чить в неё — на доступном по исходному состоянию уровне — раскрытые сооружения и собранные находки. Методами геоинформатики применялось наложение всей имеющейся информации на серию топографически выверенных подоснов (в программе ArcMap). Они и составили информационную базу по археологии дворца. На её основе стало возможным экспериментальное конструирование трёхмерной электронной модели дворца — до сих пор её не существовало. База данных охватила все этапы раскопок дворца, от наиболее раннего этапа полевых работ 1920–1930-х гг., эпизодических ре-

Ил. 12. Разрушенная изразцовая печь (?) на городище Дьяково. Работы 2004 г.

ставрационных работ и благоустройства 1940-х – 1970-х гг. до массивованных вскрытий 1997–2005 гг. и, частично, более поздних – на участках дворца и в прилегающей зоне (ограда дворца, Водовзводная башня и др.). Включён в базу и собиравшийся подъёмный материал, в том числе из частных коллекций, к которым мы получили доступ (ил. 9).

Археологические находки систематизированы и отчасти определены заново. Создана поисковая структура, позволяющая подбирать в базе данных конкретные информационные единицы. Путём совмещения (переноса и наложения) информации с цифровых карт, чертежей и растровых изображений сформирована итоговая археологическая карта Государева двора, включающая материалы из разных хранилищ: фондов Московского государственного объединённо-

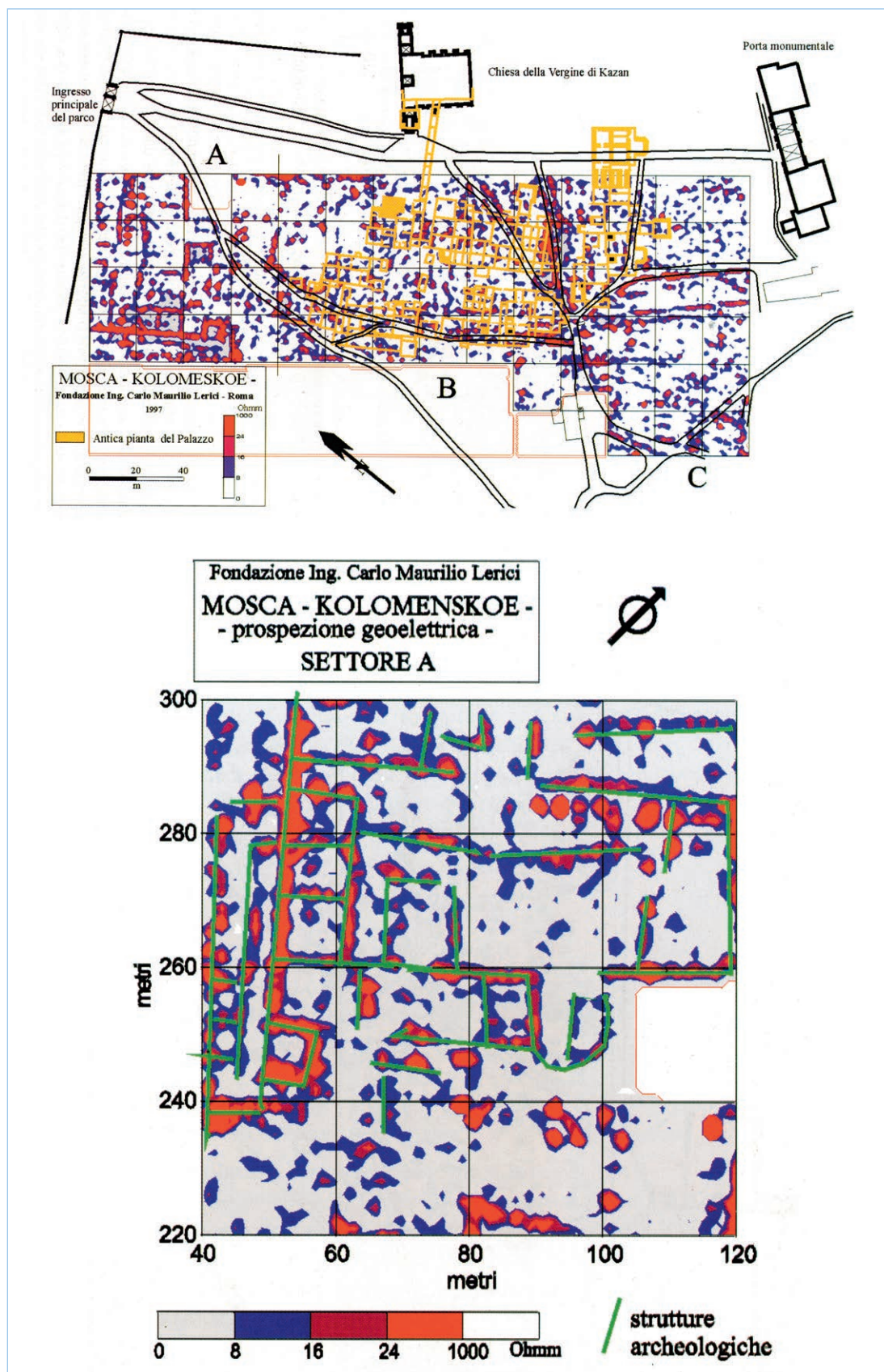
го музея-заповедника, научного архива Института археологии РАН, архива Института «Спецпроектреставрация» и др. Часть информации была доступна только в виде фиксационных рисунков, фотографий, полевых таблиц учёта массовых находок.¹

Последний период – время широких охранных исследований – делится на два этапа: первый, 1999–2001 гг., это работы Центра археологических исследований Главного управления охраны памятников г. Москвы на участке Кормового двора, завершённые консервацией и музеефикацией²; второй, 2005–2006 гг., когда предпроектные исследования проводились в центральной части дворца в связи с решением создать макет дворца в натуральную величину.³ (ил. 10). Для этого периода характерны работы широкой площадью, тогда был пройден ряд траншей и заложены 17 раскопов вдоль

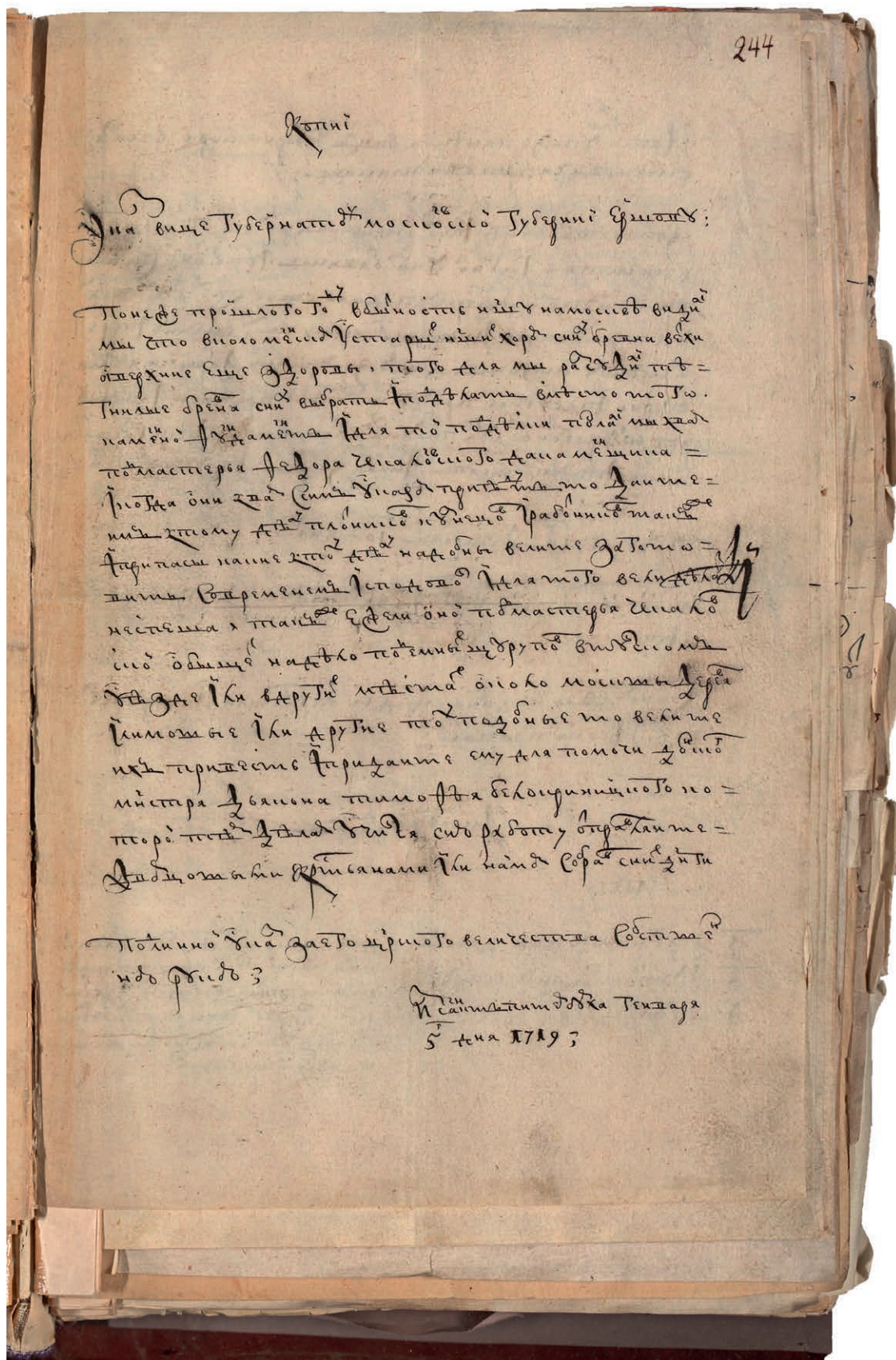
¹ Заново систематизированы данные отчетов 1981–1995 гг. См.: Научно-отраслевой архив (НОА) ИА РАН Ф-1. Р-1. № 8482, 1981 г.; № 9804, 1983 г.; № 10420, 1984 г.; № 11073, 1985 г.; № 11952, 1986 г.; № 11989, 1987 г.; № 15954, 1991 г.; № 17252, 1992 г.; № 18815, 1993 г.; № 19503, 1995 г.

² НОА ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 22463 и 22464; № 23553, 23554 и 23555.

³ НОА ИА РАН: Ф-1. Р-1. № 28975 и 29032.

Ил. 13. Дворец в Коломенском: схема плана на основании архивных чертежей (жёлтым) и наложенные на него линии фундаментов согласно геофизическому зондированию участка 1997 г. (по: Zolese P., Nalesini O., Cucarzi M., 1999. S. 38, 39)

Ил. 14. Копия именного указа Петра I вице-губернатору Московской губернии В.С. Ершову об оказании содействия подмастерью Ф. Чекаловскому при подведении новых фундаментов под Коломенский дворец, 5 января 1719 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 45. Л. 244

ограды Государева двора (по северному и особенно южному участкам восточной части периметра) и на центральных участках дворища (ил. 11 а, б).

При работах в районе Водовзводной башни были получены сведения о водопроводных системах,¹ а на площадке Дьякова городища в 2001 г. неожиданно обнаружена часть декоративной системы дворца – большой комплект полихромных изразцов² (ил. 12).

В ходе этих работ поставлен опыт геофизического обследования дворища группой итальянских специалистов Фонда инженера Карло Леричи (Fondazione Ing. Carlo Maurilio Lerici) и Политехнического института Милана (Politecnico di Milano) под руководством Марио Кукаржи [13]. Этот опыт хорошо совмещался как с обмерными чертежами XVIII в., так и с результатами раскопок (ил. 13 а, б).

Атрибуция археологических находок в музейной коллекции существенно обогатила картину интерьеров дворца в Коломенском, особенно в отношении печных изразцов, черепицы, монет, осветительных приборов. Отметим опыты анализа археологической коллекции, предпринятые ранее: [14–16]³. Для расширения банка аналогов были исследованы коллекции в первую очередь московских музеев: Московского государственного объединённого музея-заповедника, Государственного Исторического музея, Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева, Государствен-

ного историко-художественного музея «Новый Иерусалим», Ново-Иерусалимской экспедиции ИА РАН, музеев Петербурга и др. [18].

Новый этап архивной работы

Совершенно по-новому организован анализ описей царского дворца в Коломенском в эпоху его существования, сопоставляемый с материалами по царскому дворцу в Измайлове, дворцам и патриаршим палатам в Московском Кремле и другими документами.⁴ Задача не только в сравнительном анализе, но и в стремлении опубликовать с комментариями все базовые источники по дворцу (среди них выделены четыре группы: именные указы Петра I о восстановлении Коломенского дворца; документы центральных ведомств и переписка Кабинета Петра I с московскими вице-губернаторами по вопросам восстановления Коломенского дворца (1719–1723); хроника строительных работ в Коломенском в 1719–1725 гг. по приходо-расходным книгам дворцовых ведомств; описи Коломенского дворца XVIII вв.) (ил. 14).

Собранные и проанализированные материалы впервые дали возможность поставить дворец на прочный, источниковедчески проработанный фундамент [19–20]. Это позволяет далее сопоставлять его как с синхронно строившимися другими дворцами (усадебными и путевыми) первых царей династии Романовых, так и с близкими по функциям резиденциями правителей Центральной и Западной Европы.

¹ НОА ИА РАН: Ф-1. Р-1. № 23585, 23585, 23586, 23587, 23588, 23589)

² НОА ИА РАН: Ф-1. Р-1. № 23556, № 23556, 23557, 23558, 23559, 23560, 23561, 23562, 23563, 23564, 23565, 23566.

³ Изучение осветительных приборов проведено исчерпывающим образом, что позволило не только по-новому увидеть свет в пространствах дворца, но и охватить всю область потолочных осветительных приборов в России и Европе. Анализ документальных и визуальных источников дал возможность уточнить их наличие и число в конкретных помещениях, описать материал, конструктивные элементы, стоимость, название и др. В результате самый молодой участник проекта зафиксировала и обозначила специфичный для России культурно-исторический тип «петровской люстры». Ею защищена кандидатская диссертация по специальности «24.00.03 — Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» (Митник М.А. Русская люстра начала XVIII – первой половины XIX века: атрибуция, типология, принципы экспонирования: Дис... канд. ист. наук. М., 2021).

⁴ РГАДА: фонд 9 (Кабинет Петра I), фонд 14 (Придворное ведомство), фонд 248 (Сенат и его учреждения), фонд 273 (Камер-коллегия), фонд 396 (Оружейная палата), фонд 1239 (Московский дворцовый архив) и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cracraft J. The Petrine revolution in Russian architecture. Chicago; London: University of Chicago Press, 1988.
2. Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. I. Ч. 1. М., 1918.
3. См. об этом: Герасимова И.В. Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII века. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2015.
4. Баранова С.И., Топычканов А.В. Елизавета Петровна в Коломенском: к вопросу о месте её рождения и роли императрицы в сохранении Коломенского дворца // «Великая Елизавета: дела Петровы совершает...»: Материалы XIV Международного петровского конгресса (Санкт-Петербург, 18–19 июня 2021 г.). СПб., 2022 (в печати).
5. Топычканов А.В. «Починить против прежнего, без всякой отмены»: Восстановление старых подмосковных дворцов в контексте мемориальной и династической политики Петра I // Российская история. 2022 (в печати).
6. Баранова С.И. и др. Керамическая установка. По материалам архива и коллекций А.В. Филиппова. М., 2017.
7. Гра М.А. Печи Коломенского деревянного дворца XVII в. // Коломенское. Материалы и исследования. М., 1993. Вып. 5. Ч. 2. С. 272–285.
8. Беляев Л.А., Кренке Н.А. Археологические исследования дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском // Коломенское: материалы и исследования. М., 1993. Вып. 4. С. 72–113.
9. Беляев Л.А., Фролов М.В. Археологические исследования специалистов института «Спецпроектреставрация» в 1976–1980 гг. // Архитектурное наследие и реставрация. М., 1984. С. 45–64.
10. Баталов А.Л., Беляев Л.А. Церковь Вознесения в Коломенском: архитектура, археология, история. М.: МГОМЗ, 2013.
11. Кренке Н.А. Археологическая карта заповедника «Коломенское» // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 1991. С. 38–47.
12. Беляев Л.А., Кренке Н.А. Деревянный дворец конца XVII века в Коломенском: опыт археологической локализации // Российская археология. 2005. № 4. С. 176–188.
13. Zolse P., Nalesini O., Cucarzi M. Cinquanti anni di indagini non invasive nel sottosuolo archeologico. Roma; Milano, 1999.
14. Баранова С.И. Изразцы из Коломенского дворца: трансформации художественных импульсов // Коломенское. Материалы и исследования. М., 2011. Вып. 13. С. 197–216.
15. Таценко О.В. Материалы археологических раскопок на месте дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском (в собрании фонда «Археология» МГОМЗ) // Там же. С. 227–231.
16. Таценко О.В. Медные монеты от Ивана III до Петра I в собрании Московского Государственного Объединённого музея-заповедника Коломенское — Измайлово — Люблино. М., 2019.
17. Баранова С.И. Интерьеры московских дворцов второй половины XVII в.: опыт инвентаризации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. № 2. С. 151–158.
18. Эта цель была поставлена перед монографическим исследованием, которое в настоящее время готовится. Предварительный обзор см.: Беляев Л.А., Баранова С.И. Археология о дворце XVII века в Коломенском: обзор источников // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 260. С. 353–387.
19. Беляев Л.А. Баранова С.И. Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование // Искусство и культура Средневековья. Наследие и перспективы осмысления: Материалы международной конференции / Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой, А.В. Захаровой. СПб., 2022 (в печати).

ENGLISH

**Peter the Great and Kolomenskoye Palace:
Archives, Museums, Archaeology**

Svetlana Izmailovna Baranova – Doctor of History, Chief Researcher, Russian State University for the Humanities, head of the project "Residence of Peter the Great in Kolomenskoye: Comprehensive Historical and Archaeological Research" (20-09-42021).

E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

Leonid Andreevich Belyaev – Corresponding Member of the RAS, Doctor of History, Head of the Department, Institute of Archaeology, the Russian Academy of Sciences, co-researcher in the same project.

E-mail: labeliaev@bk.ru

This paper reviews the key deliverables of the study and reconstruction of archaeological findings on the site of the tsar's palace in Kolomenskoye village. The palace was built in the 1660s–1680s during the reign of Aleksei Mikhailovich and his son Fyodor by a group of masters, including from Central Europe (Belarus, Lithuania and other countries), with important assigned roles. In 1670–1690s, the future reformer of Russia Peter the Great, yet a child and a young man, visited this place. He knew and loved the estate. As instructed by him, the palace was fortified and renovated in the late 1710s – early 1720s. It existed for about one century, when the empress Catherine the Great had to dismantle it as it was too old. The site excavations were launched in the 1920s, and were conducted from time to time later. The most important works took place in 1935, 1970–1980s and in the 2000s.

In order to analyze the obtained data, it was necessary to collect the reports on these excavations and finds from various repositories. The missing sections were rebuilt, and a database of finds was compiled. All information was transferred to the map system. A 3D reconstruction is underway. Simultaneously, the archival texts and images of the 17th–19th century palace were collected. As a result, we have been able to show that the palace was the most important of the Tsar's summer residences, also designed to be demonstrated to the global community. Its interiors contained ample European objects. The atmosphere of the palace inspired the young Peter the Great to enjoy and adopt the Western culture and architecture.

Keywords: royal palaces and residences, archaeology of the modern period, history of archaeology in Russia, Romanov dynasty, glazed tiles, source study – 17th–19th cc.

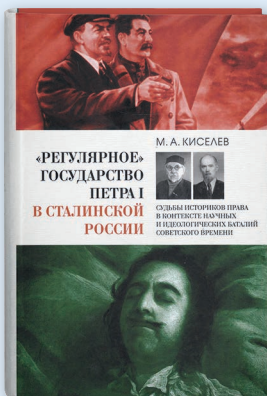
REFERENCES

1. Cracraft J. The Petrine revolution in Russian architecture. Chicago; London: University of Chicago Press, 1988.
2. Zabelin I.E. Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII st. T. I. Ch. 1. M., 1918 (in Russian).
3. Sm. ob etom: Gerasimova I.V. Pod vlast'yu russkogo tsarya: sotsiokul'turnaya sreda Vil'ny v seredine XVII veka. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo un-ta, 2015 (in Russian).
4. Baranova S.I., Topychkanov A.V. Elizaveta Petrovna v Kolomenskom: k voprosu o meste eyo rozhdeniya i roli imperatritsy v sohranении Kolomenskogo dvortsa // «Velikaya Elisavet dela Petrovy sovershaet...»: Materialy XIV Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa (Sankt-Peterburg, 18–19 iyunya 2021 g.). SPb., 2022 (v pechaty) (in Russian).

5. Topychkanov A.V. «Pochinit' protiv prezhnyago, bez vsyakoi otmeny»: Vosstanovlenie staryh podmoskovnyh dvortsov v kontekste memorial'noi i dinasticheskoi politiki Petra I // Rossiiskaya istoriya. 2022 (v pechati) (in Russian).
6. Baranova S.I. i dr. Keramicheskaya ustanovka. Po materialam arhiva i kolleksii A.V. Filippova. M., 2017 (in Russian).
7. Gra M.A. Pechi Kolomenskogo derevyannogo dvortsa XVII v. // Kolomenskoe. Materialy i issledovaniya. M., 1993. Vyp. 5. Ch. 2. S. 272–285 (in Russian).
8. Belyaev L.A., Krenke N.A. Arheologicheskie issledovaniya dvortsa tsarya Alekseya Mihailovicha v Kolomenskom // Kolomenskoe: materialy i issledovaniya. M., 1993. Vyp. 4. S. 72–113 (in Russian).
9. Belyaev L.A., Frolov M.V. Arheologicheskie issledovaniya spetsialistov instituta «Spetsproekt-restavratsiya» v 1976–1980 gg. // Arhitekturnoe nasledie i restavratsiya. M., 1984. S. 45–64 (in Russian).
10. Batalov A.L., Belyaev L.A. Tserkov' Vozneseniya v Kolomenskom: arhitektura, arheologiya, istoriya. M.: MGOMZ, 2013 (in Russian).
11. Krenke N.A. Arheologicheskaya karta zapovednika «Kolomenskoe» // Kolomenskoe: Materialy i issledovaniya. Vyp. 2. M., 1991. S. 38–47 (in Russian).
12. Belyaev L.A., Krenke N.A. Derevyannyi dvorets kontsa XVII veka v Kolomenskom: opyt arheologicheskoi lokalizatsii // Rossiiskaya arheologiya. 2005. № 4. S. 176–188 (in Russian).
13. Zolese P., Nalesini O., Cucarzi M. Cinquanti anni di indagini non invasive nel sottosuolo archeologico. Roma; Milano, 1999 (in Russian).
14. Baranova S.I. Izraztsy iz Kolomenskogo dvortsa: transformatsii hudozhestvennyh impul'sov // Kolomenskoe. Materialy i issledovaniya. M., 2011. Vyp. 13. S. 197–216 (in Russian).
15. Tatsenko O.V. Materialy arheologicheskikh raskopok na meste dvortsa tsarya Alekseya Mihailovicha v Kolomenskom (v sobranii fonda «Arheologiya» MGOMZ) // Tam zhe. S. 227–231 (in Russian).
16. Tatsenko O.V. Mednye monety ot Ivana III do Petra I v sobranii Moskovskogo Gosudarstvennogo Ob"edinyonnogo muzeya-zapovednika Kolomenskoe – Izmailovo – Lyublino. M., 2019 (in Russian).
17. Baranova S.I. Inter'ery moskovskih dvortsov vtoroi poloviny XVII v.: opyt inventarizatsii // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2021. T. 27. № 2. S. 151–158 (in Russian).
18. Eta tsel' byla postavlena pred monograficheskim issledovaniem, kotoroe v nastoyashchee vremya gotovitsya. Predvaritel'nyi obzor sm.: Belyaev L.A., Baranova S.I. Arheologiya o dvortse XVII veka v Kolomenskom: obzor istochnikov // Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. 2020. Vyp. 260. S. 353–387 (in Russian).
19. Belyaev L.A. Baranova S.I. Rezidentsiya Petra I v Kolomenskom: kompleksnoe istoriko-arheologicheskoe issledovanie // Iskusstvo i kul'tura Srednevekov'ya. Nasledie i perspektivy osmysleniya: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii / Pod red. S.V. Mal'tsevoi, E.Yu. Stanyukovich-Denisovoi, A.V. Zaharovoi. SPb., 2022 (v pechati) (in Russian).

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-108-01-145-148

**В.П. КОРЗУН,
О.В. МЕТЕЛЬ***

**Рецензия на книгу: Киселёв М.А.
«Регулярное» государство Петра I
в сталинской России: судьбы историков
права в контексте научных и идеологических
баталий советского времени.
СПб.: Нестор-История, 2020. — 432 с.: ил.****

Ключевые слова: советская историография, историки права, Б.И. Сыромятников, С.В. Юшков, С.А. Покровский, Н.А. Воскресенский, идеологические кампании, «регулярное государство»

Приступая к прочтению монографии М.А. Киселёва и ориентируясь только на её название, читатель может предположить, что это специальное историографическое издание для узкого круга профессионалов по истории права. Это впечатление усиливает сама структура работы, выполненной в жанре биографического исследования, реконструирующего этапы научной деятельности Б.И. Сыромятникова (1874–1947) — известного отечественного историка права, сыгравшего важную роль в деле формирования советской историко-правовой науки. Так, в монографии М.А. Киселёва, после краткого предисловия следуют специальные главы, каждая из которых

повествует об отдельном этапе научной биографии Б.И. Сыромятникова (главы 1–7 и 9) и жизни его трудов после смерти их автора (главы 10–11), а в отдельном приложении представлена избранная библиография советского учёного.

Тем не менее, вопреки подобным ожиданиям, рецензируемое издание выходит далеко за рамки классических биографических текстов и на примере научно-исследовательской деятельности Б.И. Сыромятникова, нескольких его последователей и оппонентов (Н.А. Воскресенский, С.А. Покровский, С.В. Юшков и др.) представляет весьма широкую панораму становления и развития советской исторической и историко-правовой науки

* **Корзун Валентина Павловна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Омского государственного университета (ОмГУ) им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: korzunv@mail.ru

Метель Ольга Вадимовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: olgametel@yandex.ru

** Проект 20-19-00093.

в 1920–1950-е гг. Сам М.А. Киселёв называет такой подход институционально-антропологическим и подчёркивает, что при подготовке монографии его интересовали как институционально-организационные аспекты производства и распространения знания, так и неформальные взаимоотношения между учёными, а также социально-политический контекст эпохи (с. 10–11).

Однако при этом главный фокус внимания учёного всё же был направлен именно на научное знание, причём концептуально оформленное. Недаром М.А. Киселёв в своей монографии так подробно рассматривает работу Б.И. Сыромятникова «Регулярное государство» Петра I и его идеология», изучает дебаты в сообществах историков и историков права по поводу этого труда, в целом оценки петровских реформ и характера российского абсолютизма. Автор задаётся вопросами, с чем связана переориентация научных интересов Б.И. Сыромятникова, почему вдруг в середине 1930-х гг. петровская эпоха оказалась в сфере его интересов? Отвечая на них, М.А. Киселёв замечает, что «выбор в немалой степени был определён фразеологией вокруг имени Петра I во время поворота к гражданской истории в 1936 году» (с. 158). Но дело было не только в публицистическом «шуме времени», но и в социальном запросе власти (любимые исторические персонажи И.В. Сталина) и модернизирующегося общества, провозгласившего опору на науку. В такие периоды всегда возрастает интерес к историческим практикам реформирования. В рецензируемой монографии блестяще показана и другая причина обращения советского историка к новой проблематике. В 1930-е гг. интерес к петровской эпохе в немалой степени был стимулирован разработкой программ преподавания истории права в советских учебных заведениях и процессом дисциплинаризации истории права в пространстве советской гуманитаристики. Кроме того, для Б.И. Сыромятникова как учёного старой закалки такой выбор определялся и существованием «научных пустот», т.е. наличием непрояснённых

и спорных вопросов в изучении петровской эпохи. В результате, на наш взгляд, в монографии М.А. Киселёва убедительно представлено развитие концепции регулярного государства Б.И. Сыромятникова, выделены её характерные черты и моменты, которые критически воспринимались современниками, причём в рамках следования или отступления от марксистского понимания исторического процесса и со звуча цитатам классиков.

Для историков советской исторической науки монография М.А. Киселёва интересна в силу нескольких причин. Во-первых, как справедливо указывает сам автор, она обращает внимание историографов на те разделы исторического знания, которые достаточно редко попадают в сферу их профессиональных интересов. В частности, речь идёт об истории права, т.е. исследовательском поле, которое разрабатывалось в СССР не только историками, но и юристами. И, следовательно, анализ, проведённый М.А. Киселёвым, расширяет наши представления о советской гуманитаристике и позволяет ответить на вопрос о том, «какую роль в истории исторической науки играют специалисты по истории без дипломов об историческом образовании» (с. 6).

Во-вторых, в работе М.А. Киселёва представлен богатый фактический материал. Реконструируя биографии Б.И. Сыромятникова и его коллег, историк сообщает небезынтересные сведения о реорганизации отечественной научно-образовательной системы в первые годы советской власти (с. 29–30, 33 и др.), о функционировании советских академических институтов (с. 108–116, 223–225 и др.), о специфике организации и проведения научных дискуссий в СССР (с. 161–186), о повседневной жизни советских учёных (с. 31, 88, 364 и др.) и др. Монография М.А. Киселёва основана на солидной источниковой базе, и автор, обоснованно критикуя «архивный фетишизм», глубоко укоренившийся в современной исторической науке (с. 11), привлекает для своего исследования различные виды источников (в

том числе материалы 11 архивохранилищ Российской Федерации), среди которых он особенно выделяет данные научной периодики, позволяющей, по его словам, «лучше понять границы как партийного диктата, так и возможностей для публичного высказывания» (с. 11).

В-третьих, труд М.А. Киселёва убедительно демонстрирует эвристический потенциал современных подходов к изучению истории советской науки, рассматривающих последнюю как самостоятельную систему, обладающую внутренними механизмами развития и, следовательно, определённой устойчивостью по отношению к воздействию внешних факторов [1–2].

Недаром уральский историк обращает внимание на специфику управления наукой в советский период, отмечая, что её многоотраслевой характер («многоподъездность», в терминологии И.С. Кона) позволял функционировать слабо контролируемым пространствам, создававшим «возможности для абсолютно невозможного» (с. 395–397), т.е. для отстаивания «невозможных» идей, публикации «невозможных» изданий, трудоустройства лиц с «неудобной биографией» и др. Этот же подход даёт возможность М.А. Киселёву взглянуть с иного ракурса и на ранее уже апробированный в историографии сюжет о «патрон-клиентских отношениях», который трактуется в тексте рецензируемого издания с ведомственно-отраслевых позиций [3, с. 78–91].

Речь идёт не только о защите «клиента», но и о получении ресурса для научной деятельности, а отсутствие иерархии между институциями разной ведомственной принадлежности создаёт зазоры для свободы действия и появления альтернативных точек зрения. Иллюстрируя тезис об «административном плюрализме мнений» (с. 396), автор убедительно представляет, как по-разному оценивали характер петровских преобразований в Институте права АН СССР и в Институте истории АН СССР. Но при всех различиях в монографии зафиксирована и общая линия профессиональной деятельности историков и правоведов, связан-

ная с публикацией источников по истории государства и права, линия, идущая ещё от дореволюционной традиции.

В результате, как показывает М.А. Киселёв, в сложившейся в СССР системе координат даже идеологические кампании «позднего сталинизма» показываются не только как проявление абсолютной зависимости советской науки от политической власти, но и как попытка со стороны советской политической элиты «изыскать инструменты контроля над разрастающейся, усложняющейся в своей структуре и «массивизирующейся» в своей численности и, соответственно, всё менее поддающейся жёсткому контролю системой производства и трансляции научного знания» (с. 398). И эти выводы М.А. Киселёв не просто декларирует. Весь историографический материал, представленный автором в тех главах, в которых шла речь о полемике Б.И. Сыромятникова с С.В. Юшковым и С.В. Юшкова с С.А. Покровским, свидетельствует о том, что советские историки права играли ключевую (а отнюдь не подчинённую) роль в разворачивавшемся «научном строительстве», используя возможности политической системы для достижения собственных научных целей. Причём, по словам М.А. Киселёва, в жёстких столкновениях идей и людей речь далеко не всегда шла об удовлетворении карьерных амбиций или сохранении своей жизни. Тот же С.В. Юшков, обличая Б.И. Сыромятникова, искреннее считал, что отстаивает научную истину, хотя и использует для этого отнюдь не научные методы. С этой точки зрения М.А. Киселёв совершенно прав, отмечая, что «не “тоталитарный режим” провёл *политизацию* научного спора, а сам учёный решил прибегнуть к ресурсу “тоталитарного режима”» (с. 138).

Отмечая безусловную значимость рецензируемой монографии, мы, однако, не можем не указать на некоторые спорные аспекты данного издания. Так, кажется эклектичным его методологический раздел, в котором автор ссылается на К. Маркса, Ф. Энгельса (с. 6–7), Ф. Бро-

деля (с. 7), Л. фон Ранке (с. 9), В. Беньямина (с. 9) и Л.А. Сидорову (с. 10). Недостаточной выглядит и историография вопроса, представленная несколькими замечаниями в предисловии (с. 7), хотя это частично компенсируется в историографических примечаниях по тексту и в специальном разделе «Регулярное государство после «ждановщины»» (с. 368–389), в котором речь идёт о жизни концепции Б.И. Сыро-

мятникова и зигзагах её восприятия советскими историками на протяжении более чем шестидесяти лет.

Завершая рецензию, мы можем констатировать, что перед нами тщательное и фундированное исследование, которое вносит существенный вклад в изучение истории советской исторической науки и вновь заставляет задуматься над этической составляющей ремесла историка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгова Е.А. Рождение советской науки: учёные в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020.
2. Крих С.Б. Другая история. «Периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
3. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016.

ENGLISH

Review on book: M.A. Kiselyov, "Regular" State of Peter the Great in Stalin's Russia: the Fate of Law Historians in the Light of Scientific and Ideological Battles of the Soviet Period, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020 — 432 p., ill.

Valentina Pavlovna Korzun — Doctor of History, Chief Researcher, Dostoevsky Omsk State University (OmSU).
E-mail: korzunv@mail.ru

Olga Vadimovna Metel — Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of General History, OmSU.
E-mail: olgametel@yandex.ru

Keywords: Soviet historiography, law historians, Boris Syromyatnikov, Serafim Yushkov, Serafim Pokrovsky, Nikolai Voskresensky, ideological campaigns, "regular state"

REFERENCES

1. Dolgova E.A. Rozhdenie sovetskoi nauki: uchyonye v 1920–1930-e gg. M.: RGGU, 2020 (in Russian).
2. Krih S.B. Drugaya istoriya. «Periferiinaya» sovetskaya nauka o drevnosti. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020 (in Russian).
3. Tihonov V.V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-h – 1953 g.). M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2016 (in Russian).

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-108-01-149-152

Е.В. РОМАНОВА*

Рецензия на книгу: Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021. — 864 с.**

Ключевые слова: Версальский мир, Локарнская конференция, европейская безопасность, англо-французские отношения

Рецензируемая монография доцента МГИМО И.Э. Магадеева представляет собой фундаментальное исследование основных проблем европейской безопасности в 1920-е гг. Само название межвоенного периода, к важнейшим аспектам истории международных отношений в первое десятилетие которого обращается автор, подчас предопределяет восприятие его сущности. Кажется, что лишённый самостоятельного смысла, он значим лишь тем, что в нём проявились последствия одной мировой войны и зародились истоки другой. Указывая на закономерность подобной позиции и подчёркивая «переходный» или «промежуточный» характер межвоенного времени, И.Э. Магадеев вместе с тем отходит от этой заданности, которая порой сводит действительную историю с её сложностью и поливариантностью к набору простых схем.

Со страниц книги 1920-е гг. предстают временем мучительного поиска государственными деятелями прежде всего победивших в войне европейских держав — Англии и Франции — стабильных оснований для нового мироустройства и путей обеспечения безопасности своих государств. Открывает книгу анализ расстановки сил на международной арене и интересов ведущих держав по итогам Первой мировой войны, а также рассмотрение того, как Великая война с её огромными жертвами и разрушениями изменила восприятие проблемы безопасности, породив, прежде всего среди политических элит держав-победительниц, мысль о необходимости создания механизмов по предотвращению подобных войн в будущем.

Выявлению эволюции этих механизмов в рамках функционирования Версальского порядка в 1920-е гг. способствуют

* **Романова Екатерина Владимировна** — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: ekaterinavlromanova@gmail.com

Рецензия подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

** Проект 20-19-00129.

ет введение И.Э. Магадеевым в научный оборот понятий Версальского и Локарнского «режимов безопасности». В основе первого (становлению, функционированию и кризису которого посвящены вторая и третья главы книги) лежали новый территориальный статус-кво в Европе, разоружение Германии и продолжение англо-французского взаимодействия в рамках Антанты. В отличие от Версальского режима, Локарнский (формирование и эволюция которого явились предметом рассмотрения в четвёртой, пятой и шестой главах) характеризовался, в трактовке автора, усилением позиций Германии, обретением ею, наряду с Англией и Францией, «привилегированного статуса» и соответственно сменой механизма Антанты в качестве основы для поддержания европейской безопасности механизмом «концерта» трёх стран «при негласном “праве вето” со стороны США» (с. 504).

На страницах книги в качестве основных вех эволюции Версальского порядка в 1920-е гг. предстают заложивший его основу Версальский договор, Рурский кризис, открывший дорогу его трансформации, Локарнская конференция, в ходе которой эта трансформация обрела основные очертания, и, наконец, Гагская конференция, ставшая логическим продолжением Локарно.

Рассмотрение этих сюжетов дополняется анализом дискуссий по проблемам имплементации Версальского договора, разоружения, обзором обсуждений в ходе ряда международных форумов, в числе которых Каннская (1922 г.), Генуэзская (1922 г.), Лозаннская (1922–1923 гг.), Лондонская (1924 г.) конференции, разбором планов Дауэса и Янга. При этом автор не только глубоко раскрыл суть внешнеполитических курсов Великобритании и Франции и специфику взаимодействия этих держав, но также охарактеризовал политику Германии, СССР, Италии, США, Польши, Чехословакии и оценил роль этих стран в процессе стабилизации Версальского порядка.

Безусловным достоинством работы, способным вызвать интерес как историков-

профессионалов, так и широкого круга читателей, является внимание автора к тем людям, которые участвовали в выработке и претворении в жизнь внешнеполитических курсов Великобритании и Франции: к их взглядам, характерам, стилю работы. Автор добавляет новые штрихи к политическим портретам таких известных деятелей, как Д. Ллойд Джордж, О. Чемберлен, Р. Пуанкаре, А. Бриан, и знакомит отечественного читателя с гораздо менее известными ему фигурами «второго плана»: Ж. Сэйду, Ф. Бертелло, М. Хэнки.

Чтение монографии И.Э. Магадеева, как представляется, иллюстрирует тезис, высказанный крупным отечественным историком-международником В.В. Дегоевым в работе, относящейся к иному периоду и посвящённой другим сюжетам: «любой крупный исторический феномен в конечном итоге является порождением тотальной и до конца никогда не познаваемой взаимосвязи всего со всем» [1]. Так, автор рецензируемой монографии убедительно показывает, что проблемы европейской безопасности и эволюции Версальского порядка невозможно рассматривать без учёта фактора США, даже в период изоляционизма последних; отмечает взаимозависимость европейской и ближневосточной политики Англии и Франции; концентрирует внимание на взаимосвязи безопасности на Западе, Востоке и Юго-Востоке Европы.

Интересны наблюдения автора, прослеживающего отголоски Рурского кризиса в событиях присоединения Клайпеды к Литве, захвате Италией Корфу, а также содержащееся в монографии указание на разное восприятие Польшей и Чехословакией Локарнской конференции, возможностей договориться с Германией в середине 1920-х гг.

Очевидна актуальность проблематики исследования И.Э. Магадеева. Выделяя общие тренды в европейской политике, автор в то же время показывает высокую степень её конъюнктурности, зависимости от стечения обстоятельств, порой демонстрирует отсутствие у государствен-

ных деятелей ясной стратегии действий на международной арене, а сами эти действия предстают результатом сочетания многих факторов как внутривосточного, так и международного порядка.

Глубокое и основательное изучение историографии, привлечение документов как отечественных, так и зарубежных архивов позволили И.Э. Магадееву и насытить повествование малоизвестными деталями, и дать собственную оригинальную трактовку ряду событий, и прийти к широкому обобщению.

Так, например, заслуживает внимания приведённая в монографии малоизвестная разработка французского Генерального штаба, датированная октябрём 1922 г. (с. 238). Содержащая сценарий заключения германо-русского союза, нападения России на Польшу, гипотетической войны Франции с Германией, а впоследствии и с Великобританией, она лишней раз демонстрирует, сколь малопредсказуемым и многовариантным виделось современникам развитие ситуации в Европе после заключения Версальского мира.

Проследившая трансформацию Версальского порядка, автор показывает невозможность воплотить в жизнь рождённый в Версале замысел создания глобальной европейской системы и постепенную эволюцию её в региональную, ограниченную, охватывающую лишь Западную Европу, которая охарактеризована в монографии как «Локарнский режим безопасности». Подобный взгляд заставляет по-новому подойти к оценке периода стабилизации в международных отношениях межвоенного времени.

Важной и способной послужить отправной точкой для дальнейших исследований является мысль о несоответствии глобальной экономической системы, складывавшейся при лидерстве США и Великобритании, и региональной системы безопасности.

В этом контексте тезис об упадке Франции наполняется новыми деталями. В монографии показано, как экономическая слабость Франции, выражавшаяся, в частности,

в волатильности французского франка, заставляла её, с одной стороны, часто следовать за Великобританией и США в вопросах европейской политики и волей-неволей встраиваться в создаваемую ими глобальную экономическую систему, а с другой – рассматривать альтернативный вариант франко-германского сближения («союза лотарингской руды и рурского угля») как средства сбалансировать влияние США и ослабить свою экономическую зависимость от заокеанской державы. Однако и в том, и в другом случаях Франция оказывалась проигравшей. Этот сюжет по-новому высвечивает и роль фактора США, препятствовавших реализации франко-германских интеграционных проектов.

Работа такого масштаба и охвата, пожалуй, не может не содержать положений, которые представляются спорными. Наибольшие сомнения вызывают вводимые автором понятия Версальского и Локарнского «режимов безопасности». Как было показано выше, такое решение имеет эпистемологическую ценность – категория «режима безопасности» используется в исследовании как модель познания и упорядочивания сложных реалий мировой политики 1920-х гг. В то же время трактовка автором этой категории, как представляется, не вполне согласуется с той, что принята в теории международных отношений. Так, приведённое на страницах монографии классическое определение американского политолога С. Краснера гласит, что «режим безопасности» – это «набор явно выраженных либо подразумеваемых принципов, норм, правил и процедур принятия решений, по отношению к которым у действующих лиц в определённой международной сфере сложились совпадающие ожидания» (с. 20).

По мнению ещё одного известного политолога Р. Джервиса, ключевой характеристикой режима является ограничение в поведении государств (посредством норм, правил, принципов) в расчёте на взаимность со стороны других участников режима [2]. Как представляется, моногра-

фия демонстрирует как раз отсутствие совпадающих ожиданий держав и скорее нацеленность на поиск односторонних выгод, чем самоограничение (или ограничение посредством норм) и ожидание взаимности. Не случайно сам автор рассматривает Версальский режим скорее не как реальность, а как не до конца воплотившийся в жизнь проект. Категория режима в её традиционном понимании западной теории международных отношений в большей степени может быть применима к «концерту», сложившемуся в Локарно. Однако дискуссионным остаётся вопрос о том, приобрела ли «процедура концерта» самостоятельное значение и оказывала ли она влияние на динамику международных отношений, или ключевым фактором, определявшим их развитие, являлся баланс сил между великим

державами, а «Локарнский концерт» носил исключительно надстроечный характер.

Высказанное замечание отнюдь не ставит под сомнение значимость проведённого исследования, а скорее служит призывом к научной дискуссии по поднятым в монографии проблемам.

Труд И.Э. Магадеева является важной вехой в изучении международных отношений 1920-х гг. Монография привлечёт узкого специалиста введёнными в оборот новыми источниками и новизной методологического подхода, позволит студентам, аспирантам, преподавателям углубить знания о международных отношениях исследуемого периода, будет интересна для широкого круга читателей как воссозданием реалий европейской политики первого постверсальского десятилетия, так и имеющимися в работе глубокими обобщениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918. М.: РОССПЭН, 2004. С. 433.
2. Jervis R. Security Regimes // International Organization. 1982 (Spring). Vol. 36. № 2. P. 357–378.

ENGLISH

Review on book: I.E. Magadeev, *In the shadow of the First World War: Dilemmas of the European Security in the 1920s.*, Moscow: Aspect Press, 2021 — 864 p.

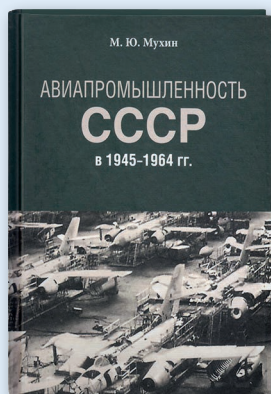
Ekaterina Vladimirovna Romanova — Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of History, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: ekaterinavlromanova@gmail.com

Keywords: Treaty of Versailles, Pact of Locarno, European security, Anglo-French relations

REFERENCES

1. Degoev V.V. Vneshnyaya politika Rossii i mezhdunarodnye sistemy: 1700–1918. M.: ROSSPEN, 2004. S. 433 (in Russian).
2. Jervis R. Security Regimes // International Organization. 1982 (Spring). Vol. 36. № 2. P. 357–378.

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-108-01-153-155

И.В. БЫСТРОВА*

Рецензия на книгу: Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1945–1964 гг. М.: Кучково поле, 2020. — 320 с.**

Ключевые слова: авиационная промышленность, технологическое цепочки, авиавыпуск, кадры, финансы

Рассматриваемая монография, формально будучи самостоятельной, фактически завершает трилогию, в которой автор исследовал историю отечественной авиапромышленности на протяжении 1921–1964 гг. Первая работа на эту тему была опубликована М.Ю. Мухиным ещё в 2006 г. [1], затем последовала монография, посвящённая истории авиаиндустрии СССР в период военного лихолетья [2]. Новое исследование этого автора освещает развитие советского авиапрома в послевоенный период. Надо признать, что основные подходы и исследовательские методы новой монографии сохраняют в общих чертах преемственность с предыдущими работами автора. Книга построена по проблемному принципу, т.е. каждая глава посвящена анализу той или иной проблемы.

Глава первая сосредоточена на проблемах организационного строения советской авиапромышленности и важнейших

вопросах её управления. Автор скрупулёзно выясняет, какие заводы в различные периоды входили в авиастроительный комплекс СССР, какова была дальнейшая судьба этих предприятий, как эти заводы и фабрики распределялись между главками, и т.д. Особое внимание уделено проблеме влияния административной реформы Н.С. Хрущёва на советскую авиапромышленность.

Во второй главе рассматриваются вопросы собственно авиапроизводства: как и почему выпуск авиапродукции в определённые периоды времени возрастал или снижался, как формировались планы авиавыпуска, насколько эти планы выполнялись и каковы были важнейшие причины, влиявшие на динамику авиавыпуска в целом. Однако проблематика масштабов авиапроизводства слишком велика, чтобы быть детально рассмотренной в рамках одной главы. Поэтому глава третья в фокусе своего внимания удерживает

* **Быстрова Ирина Владимировна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.
E-mail: irin-bystrova1@yandex.ru

** Проект 20-19-00106д.

живает те же сюжеты, но с учётом разделения ежегодного авиавыпуска на отдельные типы авиатехники и технологические поколения.

Послевоенные годы стали временем бурного технологического перевооружения. Переход к сугубо металлическому самолётостроению и освоение турбореактивной техники требовали коренного переустройства технологических цепочек. Именно этим вопросам посвящена четвёртая глава. Особое внимание в ней уделяется проблематике крупных монолитных деталей и технологическим решениям, обеспечивающим выпуск сверхзвуковой техники. Логически к ней примыкает глава пятая, в которой рассматриваются вопросы обеспечения авиапромышленности конструкционными материалами. Помимо резкого увеличения выпуска алюминия и сплавов на его основе, послевоенные десятилетия стали временем широкого внедрения в авиапроизводство различных деталей из титана.

Пожалуй, одной из важнейших глав этой монографии является глава шестая, повествующая о персонале авиапромышленности в 1945–1964 гг. Персонал авиапрома анализируется с точки зрения динамики размеров зарплат, форм оплаты, производственного стажа, квалификации, возраста и гендерной принадлежности авиастроителей. Большое внимание уделено изменению удельной доли специалистов с высшим образованием среди инженерно-технических кадров авиапрома. Надо отметить, что это единственная глава, в которой автор счёл необходимым выделить хронологические периоды: вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х, вторая половина 1950-х – начало 1960-х гг. Для каждого из этих периодов ситуация с кадрами авиастроителей рассматривается отдельно.

Традиционно, когда речь заходит об авиаиндустрии, в первую очередь рассматриваются вопросы выпуска различной авиапродукции. Однако в реалиях СССР практически каждое крупное ведомство

постепенно «обрастало» собственной социальной сферой: ведомственными школами, больницами, жильём, домами отдыха и т.д. Именно этим вопросам – ведомственной социальной сферы авиапрома – посвящена седьмая глава. Помимо этого, в данной главе рассматриваются вопросы, связанные с выпуском на авиапредприятиях различной непрофильной продукции гражданского назначения. Автор приходит к выводу, что к середине 1960-х гг. авиапромышленность СССР превратилась в ведомство, социальное и экономическое значение которого распространялось куда шире вопросов производства только самолётов, вертолётов и ракет.

Вопросы финансового функционирования той или иной отрасли советской экономики, как правило, не становятся предметом изучения соответствующих «отраслевых» исследований. Основное внимание обычно сосредоточивается на масштабах производства, количестве предприятий, рабочей силы и тому подобных сюжетах, а финансовая составляющая выводится за скобки под привычным предлогом того, что, дескать, в плановой экономике рыночный инструментарий практически не использовался. М.Ю. Мухин отошёл от этой парадигмы, выделив финансовые вопросы функционирования авиапромышленности в отдельную, восьмую главу. В ней рассматриваются проблематика формирования отпускных цен на авиапродукцию, факторы, влиявшие на формирование себестоимости авиавыпуска и порядок финансовых взаимоотношений авиапромышленности с военным ведомством как с основным заказчиком.

Несомненным достоинством работы является обширный справочный аппарат, вынесенный в Приложения. Многочисленные таблицы, частично почерпнутые из исторических источников, частично – составленные автором на основе различных документов, позволяют взглянуть на историю советской послевоенной авиапромышленности под новым углом зрения, опираясь на существенную статистическую базу. Помимо

этого хотелось бы отметить, что представленное исследование опирается не просто на вводимые впервые в научный оборот архивные материалы (уж этим-то сейчас мало кого удивишь), но и на комплексы архивных источников как федеральных, так и региональных архивов, что придаёт данному исследованию дополнительную рельефность и панорамность, позволяя взглянуть на ситуацию в авиастроительной отрасли как с высоты авиаиндустрии в целом, так и с уровня отдельного предприятия.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что новая книга

М.Ю. Мухина, несомненно, вносит в отечественную историографию весомый вклад, позволяющий по-новому взглянуть на многие экономические и социальные процессы послевоенного СССР. Если же рассматривать эту работу в комплексе с ранее вышедшими монографиями по истории советской авиапромышленности в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, то перед нами открывается возможность проследить историю становления одной из важнейших наукоемких отраслей отечественной экономики на протяжении почти половины века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М.: Наука, 2006.
2. Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М.: Вече, 2011.

ENGLISH

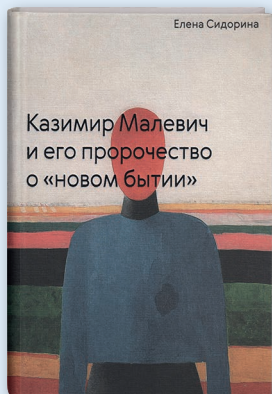
Review on book: M.Y. Mukhin, *Aviation Industry of the USSR in 1945–1964*, Moscow: Kuchkovo pole, 2020 — 320 p.

Irina Vladimirovna Byistrova — Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.
E-mail: irin-bystrova1@yandex.ru

Keywords: aviation industry, process flow, aviation output, human resources, finances

REFERENCES

1. Muhin M.Yu. *Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 gg.* M.: Nauka, 2006 (in Russian).
2. Muhin M.Yu. *Sovetskaya aviapromyshlennost' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny.* M.: Veche, 2011 (in Russian).

О.А. ЮШКОВА*

**Рецензия на книгу:
Сидорина Е.В. Казимир Малевич
и его пророчество о «новом бытии».
М.: БуксМАрт, 2021. — 640 с.: ил. ****

Ключевые слова: русский авангард, Казимир Малевич, абстрактное искусство, беспредметное искусство, беспредметность, супрематизм, конструктивизм

Творчество одного из центральных мастеров русского авангарда Казимира Малевича стало особенно активно изучаться отечественным искусствоведением с конца 1980-х гг. Как российские, так и зарубежные исследователи проделали огромную работу по осмыслению творческого пути мастера, оказавшего глубокое влияние на развитие художественного процесса XX в. Его тексты часто цитируются в специальной литературе, они достаточно полно представлены в пятитомном собрании сочинений Малевича, и, тем не менее, существует миф о невозможности их прочтения; даже многим специалистам теоретические работы Малевича кажутся чем-то маловразумительным.

Елена Викторовна Сидорина в рецензируемой монографии развеяла этот миф, осуществив глобальное исследование «феномена Малевича» (с. 9). Это определение автора довольно точно вы-

ражает как цель, так и результат работы, проделанной Сидориной. Пафос автора — проникнуть в творческий мир своего героя, воссоздать ход его художественной и философской мысли в целом, а не отдельными фрагментами, проследить, охватив весь творческий путь, изменения его взглядов на одни и те же вопросы, опираясь, прежде всего, на тексты самого мастера. В книге с максимальной полнотой привлечены теоретические работы, письма, высказывания Малевича. Главное — этот материал глубоко осмыслен и проанализирован автором.

Книга состоит из пяти частей, разбитых на главы, и введения, которое выполняет роль маленького предисловия. В первой части воссоздаётся творческий путь Малевича до рубежа 1910–1920-х гг. Каждая её глава охватывает определённый период становления мастера. Этот путь отсчитывается от впечатлений, накопленных ещё в детстве, далее обозна-

* **Юшкова Ольга Артуровна** — кандидат искусствоведения, заведующая Отделом художественной критики НИИ РАХ, доцент кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: yushkovaao@yandex.ru

** Проект 20-112-00122д.

чается круг знакомства с художественной культурой своего времени, даётся краткая характеристика периодов становления Малевича-художника, и основное внимание уделяется открытию супрематизма и его трактовке самим мастером. Автор не углубляется в анализ конкретных произведений Малевича и круга художников, с которыми он был в той или иной мере связан, об этом достаточно много написано; она лишь напоминает общеизвестные позиции с целью сфокусировать взгляд на движении мысли самих художников к пониманию, «что предмет живописи — сама живопись в её подлинной сущности и самоценности» (с. 48). Сидорина определяет особенности супрематизма среди поисков языка беспредметности Ларионова, Татлина и Кандинского. Автор делает вывод: одно из основных свойств супрематизма — момент сознательного построения, изобретения, т.е. уже в начальной стадии в этой системе были заложены проектная основа и возможность выхода в пространственные построения.

«Выход к концептуальному проектированию» внимательно рассматривается уже во второй части книги.

Сидорина буквально по годам прослеживает развитие мысли своего героя о возможностях супрематизма, например замечает, что идея Малевича об «абсолютном творчестве» в середине 1910-х гг. была связана с беспредметной живописью, а в 1919 г., выявляя архитектурное начало в супрематизме, он уже выводит эту идею на уровень всеохватного художественно-проектного творчества и не без воздействия социально-политической ситуации.

Автор работает с широким контекстом, в котором существовал, думал и творил Малевич, выявляя всевозможные влияния на его мысль, импульсы, идущие от идеи революции, и в то же время от религиозной философской мысли рубежа веков и от общих поисков авангарда. Главная задача Елены Викторовны — «вынуть» из контекста собственную индивидуальность её героя, показать «непохожесть» его поисков на, казалось бы, близкие пути в искус-

стве. Так, сравнивая творчество Малевича с искусством Татлина и конструктивистов, автор акцентирует главное отличие супрематизма в стремлении Малевича к структурному формообразованию, к системе, а не конструированию как таковому, что и позволило ему развить свою супрематическую систему до осознания её как пути к «новому бытию». Главный герой — Малевич, но, привлекая в разных контекстах материал художественной жизни тех лет, останавливая внимание на нюансах осмысления понятия *предметное/беспредметное*, автор воссоздаёт «мозаику» идей, из которых складывалось искусство авангарда.

Взгляды и размышления Малевича разных лет на одну и ту же тему сопоставляются и анализируются с целью выявления новых нюансов, обозначения противоречивых моментов и попыток объяснить суть этих противоречий. Не оставляет без внимания автор и безудержную веру Малевича в наступление эры супрематизма, которая подчас закрывала ему глаза на реальность, когда в демонстрации с супрематическими знамёнами в Витебске ему виделось не праздничное шествие, а победное шествие Супрематизма, а возникновение небольших групп под флагом УНОВИСа в некоторых городах — победным распространением его концепции.

В следующих частях рукописи анализируются теоретические работы Малевича, которые особенно важны для понимания его творческих взглядов и их «движения». Особое значение здесь имеет третья часть, посвящённая анализу теоретического осмысления взглядов Малевича, в круг которых входят «...такие феномены, сущности, категории: Природа, мир, Бог, дух, душа... — в соотношении с человеком» (с. 222). Основываясь прежде всего на сочинении Малевича «Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой», автор отмечает, что многие поиски беспредметного языка строились на идее освобождения от изображения предметов в натуралистическом понимании предметного. Отличие супрематизма — в понимании «...особой

значимости — первенствующей — *супрематии беспредметности* в акте созидания, в свободе от... обыденности, обыденного состояния сознания» (с. 302).

Четвёртая часть книги посвящена проблеме построения Малевичем научного института и его деятельности в Государственном институте художественной культуры (ГИНХУКе) в Ленинграде, когда художник позиционирует себя не только как новатор в области языка искусства, но и как исследователь. Помимо теоретического пласта работ Малевича Сидорина уделяет большое внимание его конкретной деятельности в Витебске, а также его позиции среди и по отношению к современным художественным движениям и прежде всего — конструктивизму.

В этой же части анализируется текст Малевича «Из книги о беспредметности» (1924). Сидорина акцентирует внимание на стремлении мастера объяснить свою идею «мира как беспредметности» через пример идеи, концепции и задач Третьего Коммунистического интернационала. Автор справедливо замечает, что в стремлении распространить своё понимание «беспредметности» Малевич искал способ выразить смысл своих посланий на примере доступных и привлекательных для людей современных идей. Приводится очень интересный материал относительно намерения Малевича «...раскрыть глаза соратникам Ленина на *культовую сущность* происходящего и одновременно — на *беспредметность*» (с. 445) в связи со смертью Ильича. Сидорина приводит всех адресатов, кому Малевич собирался разослать машинописные копии его работы. Среди них — Крупская, Бухарин, Дзержинский, Луначарский и другие. Автор расценивает эту акцию как «социально-политико-культурную» и находит точное место в отношениях Малевича с материалистическим миропониманием, акцентируя критический настрой текста, направленного на критику материализма и попытку осуществления социализма.

Внимательному прочтению автора подвергся и «Биографический очерк» Малевича — незаконченный труд, написанный

в поздний период (около 1930 г.). Название не отражает биографию в общепринятом смысле этого слова. Анализируя текст, Сидорина отмечает, что, сравнивая два варианта учения о новом бытии — христианское и социалистическое, Малевич по сути размышляет на тему «народ и его Учителя», а это имеет отношение и к его «биографии» как Пророка о новом бытии и Учителя. Разыгрывается эта тема довольно трагично; он делает вывод о тщетных усилиях осуществить проекты, которые выдвигались учителями, искавшими истину.

Пятая, заключительная, часть посвящена размышлениям Малевича о природе творчества, которую автор рассматривает в контексте религиозной философии Серебряного века и, в частности, в соотнесении со взглядами Бердяева. Автор вновь обращается к развитию идеи беспредметности в теоретических работах художника и завершает своё исследование материалом поздних работ и размышлений художника рубежа 1920–1930-х гг. В них Малевич предстаёт как человек, способный любить и заботиться о близких, человек, отстаивающий свою веру, несмотря на самые неблагоприятные обстоятельства, «огненный человек» по определению Льва Юдина (с. 612).

Структура книги организована таким образом, что та или иная тема сначала обозначается, называется, а затем начинает постепенно раскрываться в других главах, с возвратами к отдельным положениям и с проходом вперёд, оставляя возможность для нового её поворота и прочтения. Она расходится во все стороны, как круги от брошенного в воду камня. Кроме того, у автора возникают ассоциации с достаточно широким потоком явлений культуры, в той или иной степени корреспондирующими с её материалом. Подобное построение — одно из самых сложных; здесь неизбежно возникают повторы, и автор должен обладать искусством повернуть материал в новом ракурсе, не утратив прежнего. Елене Викторовне это вполне удаётся, и текст обретает особую тонкость

как в нюансах мысли автора, так и в раскрытии мысли её героя.

Естественно, сквозной темой с первых страниц книги оказывается тема беспредметного искусства и затем беспредметности как понятия философского порядка в контексте осознания этих проблем Малевичем. В итоге прочерчивается развитие мысли художника от беспредметного искусства как «нового живописного реализма», строительным материалом которого являются отвлечённая геометрическая форма и цвет, выявляющие саму природу живописи, к осознанию возможностей пространственных построений супрематизма, ведущих к «архитектуре всей земли» и дальше — к сути нового искусства, которая заключается в *творческом сооружении* и в конечном пункте этих размышлений — мир как беспредметность.

Очерчивая этот путь, Сидорина приводит не только тексты художника, она осмысляет большой пласт материала вокруг обозначенных проблем. Например, концептуальный характер беспредметного искусства выявляется на фоне различных поисков новейших течений того времени. И если беспредметничество связывало творчество с отказом от изображения узнаваемых предметных форм, то Малевич сделал шаг вперёд: он настаивал на отказе от обыденного состояния сознания и к 1930-м гг. пришёл к понятию духовно-

сти вместо беспредметности для характеристики своих работ. Кроме того, закономерно встаёт вопрос о природе беспредметного искусства в оппозиции *предметное/непредметное* в философском аспекте. Сидорина в своих рассуждениях обращается к трудам философов — от Николая Кузанского до Мамардашвили.

Большой интерес представляет анализ поздних, более зрелых трудов Малевича — «Супрематизм. Мир как беспредметность или Вечный покой», «Бог не скинут. Искусство. Церковь. Фабрика», «Из книги о беспредметности». Важно, что анализ этих трудов не замкнут, а обращён и к предстоящим главам, имеет выход и в последующие. Определённые точки соприкосновения мысли Малевича и религиозной философии, не раз отмечавшиеся исследователями авангарда, в данной книге широко рассматриваются на примере анализа философских воззрений Бердяева.

В заключение отметим отличное качество издания, печати и дизайнерского решения книги. Несмотря на большой объём, её приятно держать в руках и удобно работать.

В целом книга Е.В. Сидориной «Казимир Малевич и его пророчество о “новом бытии”» — глубокая исследовательская работа, выполненная на высоком профессиональном уровне. Она внесёт большой вклад в изучение как наследия Малевича, так и русского авангарда в целом.

ENGLISH

Review on book: E.V. Sidorina, Kazimir Malevich and his prophecy of a new being, Moscow: BookSMart, 2021 — 640 p., ill.

Olga Arturovna Yushkova — Candidate of Science (Art Studies), Head of the Department of Art Studies, Russian Academy of Arts, Associate Professor at the Department of Literary and Art Studies and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: yushkovaao@yandex.ru

Keywords: Russian avant-garde, Kazimir Malevich, abstract art, non-figurative art, non-objectiveness, suprematism, constructivism

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2022, № 1 (108)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 28.04.2022. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 18

Отпечатано в типографии ООО «Гран-При».
152900, г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, д. 57